

Arch 155d 2

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 4. — 12

ДРЕВНОСТИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Томъ первый, выпускъ первый.

СЪ КАРТОЮ, 7 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 28 ПОЛИТИПАЖАМИ.

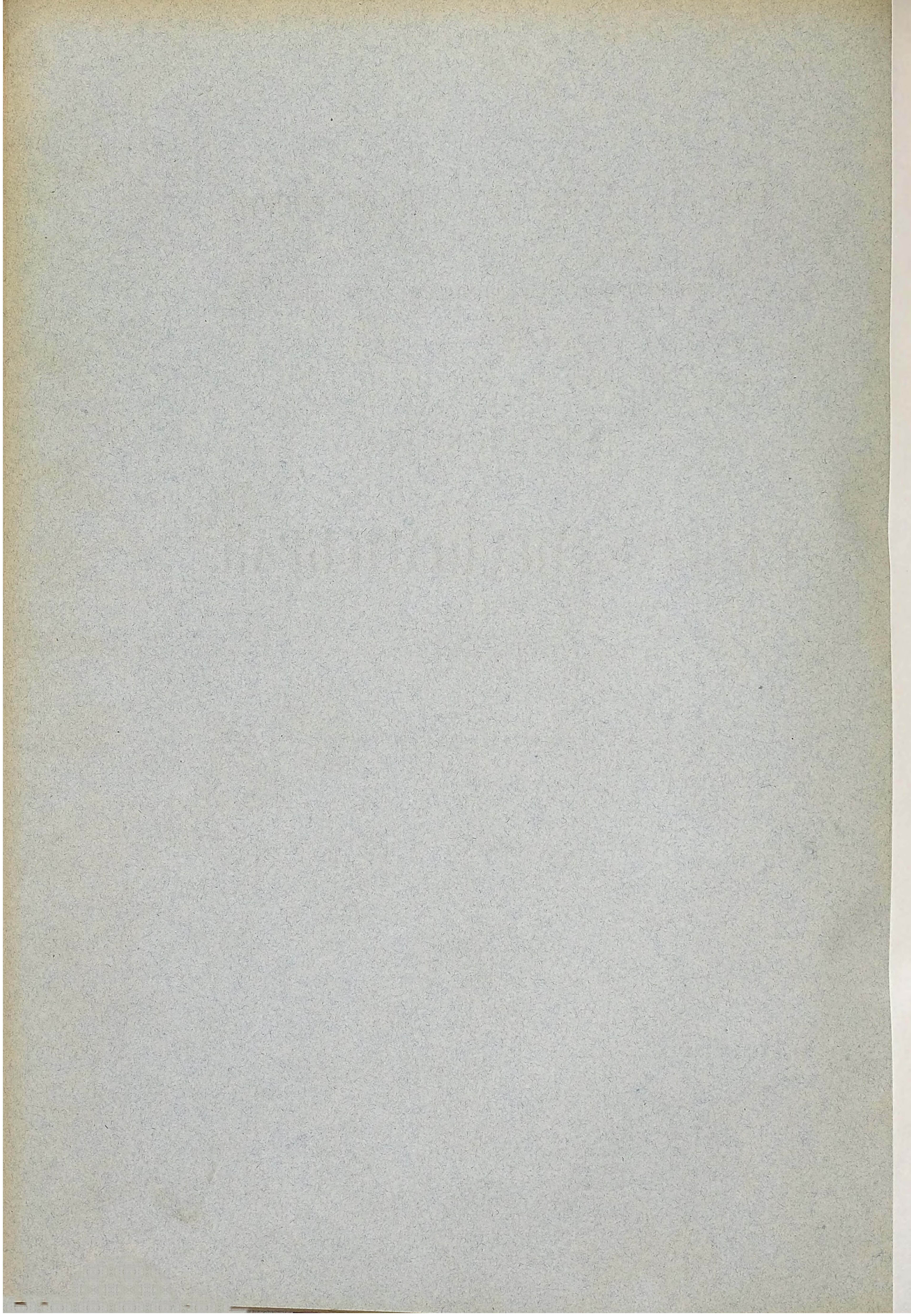

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie“ publiés par la Commission Impériale Archéologique, № 4. Antiquités du Nord-Ouest de la Russie, livraison 1-re. St.-Petersbourg. 1890. 4°.

Sommaire.

A. Recherches de Mr N. Avénarius sur les antiquités de Droguitchine (sur le Boug), district de Bielsk, au gouvernement de Grodno. I). Aperçu historique (pag. 1 — 6). II — III) Objets antiques trouvés à Droguitchine: instruments de pierre; haches, couteaux, boucles, anneaux, briquets, pointes de flèches et de lances en fer; anneaux, boucles et spirales en bronze; fusaïoles; perles; bagues et bracelets en verre; pierres à aiguiser; peignes, épingles, aiguilles et différents ornements en os; poterie; plaquettes en plomb ornées de lettres et de figures etc. (pag. 6—18). IV) Anciens tombeaux et tumuli au district de Bielsk et résultats de quelques fouilles (pag. 18—24). V—VI) Considérations sur les anciens habitants de ces lieux (pag. 24—37). VII) Monuments du Droguitchine russe (pag. 37—42).

B. Description de quelques objets antiques trouvés au gouvernement de Vitebsk, dans les districts de Lutzine (pag. 48—50) et de Dunabourg (pag. 50—60), précédée d'une liste bibliographique des travaux publiés sur les antiquités de cette province (pag. 45—48).

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммисіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ

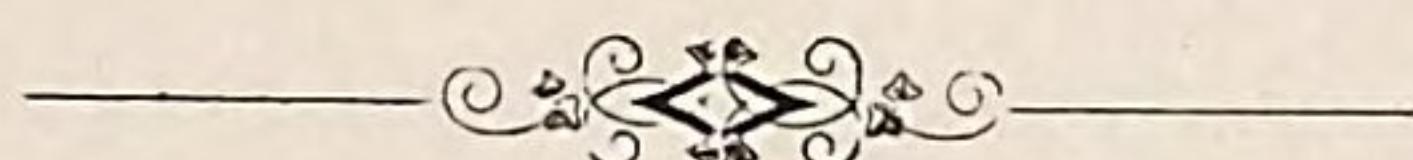
ПО

АРХЕОЛОГІИ РОССІИ.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Томъ первый, выпускъ первый.

СЪ КАРТОЮ, 7 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 28 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Дрогичинъ Надбужскій и его древности. Н. П. Авенаріуса.....	СТР. 1—42
II. Описаніе нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ Витебской губерніи. Составлено по матеріаламъ Императорской Археологической Коммиссіи.....	43—60

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

ДРОГИЧИНЪ НАДБУЖСКІЙ

И

ЕГО ДРЕВНОСТИ.

Н. П. АВЕНАРИУСА.

II.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, на правомъ берегу Западнаго Буга, лежитъ заштатный городъ Дрогичинъ, который, въ отличіе отъ другихъ селеній того-же имени (Кобринскаго и Холмскаго), называется Дрогичиномъ Бѣльскимъ, Надбужскимъ, Подляшскимъ или первымъ.

Время его основанія неизвѣстно. Польскій историкъ Ярошевичъ ¹⁾ полагаетъ, что въ 1038 г. Великій Князь Ярославъ, вторично побѣдивъ Ятвяговъ, заселилъ ятвяжскую землю русскими колонистами и при этомъ случаѣ основалъ *Дрогичинъ*, Мельникъ, Брянскъ и Бѣльскъ. Это предположеніе не подтверждается ни русскими, ни польскими источниками. Лѣтописецъ говоритъ только: «иде Ярославъ на Ятвягы» и упоминаетъ о Дрогичинѣ въ первый разъ лишь въ 1142 г., да и то вскользь: «и рече Игорь: дасть ны (великій князь) по городу, Берестий и *Дорогичинъ*, Черторыескъ и Кльчскъ ²⁾. Затѣмъ почти до половины 13-го вѣка лѣтопись не упоминаетъ о Дрогичинѣ. Но изъ хроники Кадлубка ³⁾ мы видимъ, что въ концѣ 12-го вѣка здѣсь сидѣлъ какой-то русскій князь (*Ruthenorum Drohiciensis Princeps*), съ которымъ воевалъ польскій король Казимиръ Справедливый.

Въ 20-хъ, а можетъ быть и въ 30-хъ годахъ 13-го столѣтія Дрогичинъ на короткое время попалъ въ руки Поляковъ. То было, по словамъ лѣтописца, время «бесчисленныхъ ратей, и великихъ трудовъ, и частыхъ войнъ, и многихъ крамолъ, и частыхъ возстаній» ⁴⁾. Даниилъ Романовичъ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, не могъ воспрепятствовать захвату Дрогичина Конрадомъ Мазовецкимъ, который поселилъ въ немъ такъ называемыхъ Добрынскихъ рыцарей, первыхъ крестоносцевъ въ языческой Пруссіи, предшественниковъ Тевтонскаго ордена. Разбитые Пруссами, эти рыцари удалились сначала подъ защиту польскаго герцога въ замокъ Добрынъ на Вислѣ, а потомъ въ Дрогичинъ, для защиты Мазовіи отъ Ятвяговъ. Тутъ они пробыли всего нѣсколько лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что когда Даниилъ, послѣ татарскаго погрома въ 1240 г., возвращался изъ Польши домой, то *держатель* Дрогичина не впустилъ его въ городъ. Мы не знаемъ, кто былъ этотъ держатель, нѣмецкій-ли рыцарь или мятежный бояринъ самого Даниила. Во всякомъ случаѣ Даниилъ вскорѣ снова овладѣлъ Дрогичиномъ. Замѣчательно, что,

¹⁾ *Obraz Litwy*. Т. I. стр. 17.

²⁾ *Ипат. лѣтоп.* стр. 222.

³⁾ *Mag. Vincentii Chron. Polonorum*. Изд. Пшездецкаго, стр. 201.

⁴⁾ *Ип. лѣт.* стр. 501.

древн. сѣверо-западн. края.

требуя отъ *держателя* выдачи города, Даниилъ говоритъ: «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ». Отсюда слѣдуетъ, что великіе князья издревле причисляли Дрогичинъ къ своей вотчинѣ. Не менѣе важно и продолженіе этого лѣтописнаго извѣстія, хотя редакція его, вѣроятно по винѣ переписчика, нѣсколько сбивчива. По нашему мнѣнію смыслъ его слѣдующій: Даниилъ рѣшилъ отомстить держателю (коменданту) города, и когда городъ снова попалъ въ его руки, то онъ *обновилъ и создалъ* прекрасную церковь Пресвятой Богородицы и сказалъ: «это городъ мой, потому что я завоевалъ его». Отсюда мы узнаемъ, что въ Дрогичинѣ уже ранѣе была православная церковь во имя Пресвятой Богородицы, потому что Даниилу пришлось возобновить ее.

Въ 1246 г. Ятвяги, пользуясь отсутствіемъ Даниила, напали на его стольный городъ Владиміръ. Но братъ его Василько разбилъ ихъ и въ теченіи трехъ дней гналъ отъ Владиміра до *Дрогичина*. У воротъ этого города произошла рѣшительная битва, кончившаяся пораженіемъ непріятеля. Съ этого времени Дрогичинъ дѣлается передовымъ постомъ и сборнымъ пунктомъ русскихъ князей въ ихъ походахъ противъ Ятвяговъ¹⁾. Предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ распространяться объ этихъ походахъ, чрезвычайно подробно и драматично описанныхъ лѣтописцемъ-очевидцемъ. Желающихъ познакомиться съ ними въ болѣе популярной формѣ мы отсылаемъ къ превосходному пересказу проф. Иловайскаго²⁾.

Въ Дрогичинѣ совершилось въ 1253 г. вѣнчаніе Даниила Романовича королевскою короною. Папа уже давно предлагалъ ему эту корону въ надеждѣ привлечь его къ уніи. «Древле бо того прислалъ къ нему пискупа Беренского и Каменецкого, река ему: прими вѣнѣцъ королевства. Он же в то время не приялъ бѣ, рѣка: рать Татарская не престае злѣ живущи с нами, то како могу прияти вѣнѣцъ, бес помощи твоей»³⁾. Вторая встрѣча Даниила съ папскими легатами была въ Краковѣ въ 1253 г., когда онъ возвращался изъ своего бесплоднаго похода въ Чехію. Но и тутъ отвѣтъ Даниила былъ уклончивый: «не подобаетъ ми видитися с вами в чужой земли»⁴⁾. Наконецъ, побуждаемый частью политическими соображеніями, частью настойчивыми просьбами Болеслава, Семовита, бояръ и родной матери, Даниилъ согласился принять королевскую корону. Обрядъ совершился въ томъ-же 1253 г. въ Дрогичинѣ. Лѣтописецъ не говоритъ, въ какомъ именно храмѣ, но нужно полагать, что въ той именно церкви Пречистой Богородицы, которую Даниилъ *обновилъ и создалъ*. Въ концѣ концовъ папа не прислалъ обѣщанной помощи противъ Татаръ, а Даниилъ остался вѣрнымъ православію.

Послѣ смерти Даниила Дрогичинъ вошелъ въ удѣлъ Шварна Даниловича. Неизвѣстно, жилъ-ли онъ въ этомъ городѣ, но похороненъ онъ во Львовѣ. Въ 1274 (вѣрнѣе въ 1272) году, уже послѣ смерти Шварна, литовскій князь «Тройдений, забывъ любви Лвовы (Льва Даниловича), пославъ Городняны, велѣлъ взяти *Дрогичинъ*, и Тридь с ними же бѣшетъ. Се же вѣдашеть о городѣ, како мощно взяти, излѣзъ же и ночью и тако взяша и на самы великъ день (Праздн. Св. Пасхи) *избиша и всю отъ мала и до велика*»⁵⁾. Понятно, что разоренный до тла городъ, достав-

¹⁾ По Ипат. списку дрогичинская битва происходила въ 1248 г. Но такъ какъ лѣтописецъ здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ событіяхъ, постоянно опаздываетъ на 1—3 года, то мы при обозначеніи годовъ пользуемся исправленною хронологическою таблицею, составленною г. Боннелемъ, на основаніи изслѣдованія Шѣгрена «Ueber die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen».

²⁾ Исторія Россіи. Т. II, стр. 474 и слѣд.

³⁾ Ип. лѣт. стр. 548. Хотя это событіе обозначается въ лѣтописи 1255 (читай 1253) годомъ, но происходило оно вѣроятно гораздо ранѣе.

⁴⁾ Ип. лѣт. 548. ⁵⁾ Ип. лѣт. стр. 575.

шись по наслѣдству внуку Даніила, Юрію Львовичу, не понравился послѣднему. Юрій то и дѣло просилъ, хотя и безуспѣшно, великаго князя Владиміра Васильевича дать ему вмѣсто Дрогичина какой-нибудь другой городъ, хоть бы Брестъ. Вѣроятно Дрогичинъ послѣ Тройденова погрома не скоро поправился; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ уже не упоминаетъ объ немъ ¹⁾. За неимѣніемъ источниковъ мы не знаемъ, кому изъ вольнскихъ князей принадлежала дрогицкая земля послѣ погрома, Владиміру-ли Вольнскому или Льву Луцкому, но въ 1310 г. она была завоевана литовскимъ княземъ Гедиминомъ.

По пресѣченіи династїи Романовичей, Дрогичинъ въ 1351 г. вошелъ въ составъ владѣній Кейстута Гедиминовича ²⁾. Въ 1383 г. Янушъ, князь мазовецкій, зять Кейстута, занялъ Дрогичинъ, но не долго пользовался имъ. Въ томъ-же году Ягелло обложилъ Дрогичинъ и, не смотря на храброе сопротивленіе коменданта Сасина, взялъ его штурмомъ, причемъ русскіе, бывшіе въ замкѣ, (по словамъ Стрыйковскаго) ночью подложили въ нѣсколькихъ мѣстахъ огонь подъ деревянными пряслами, изъ которыхъ были составлены городскія стѣны, и бѣжали въ непріятельскій лагерь. Сасинъ-же, видя, что всякое сопротивленіе напрасно, ушелъ съ остаткомъ своей рати по тайному ходу къ рѣкѣ Бугу, гдѣ были приготовлены лодки къ отступленію въ Мазовію.

До 1569 г. Дрогичинъ входилъ въ составъ вел. княжества Литовскаго, а затѣмъ былъ присоединенъ къ польской коронѣ. Еще въ 1498 г. вел. князь Александръ далъ ему такъ называемое Магдебургское право, а въ 1520 онъ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ воеводства подляскаго. Съ 17-го вѣка начинается постепенный упадокъ Дрогичина. Въ 1631 и 1637 гг. онъ страшно пострадалъ отъ пожаровъ; въ послѣдовавшія затѣмъ войны Польши съ Россіей и Швеціей онъ подвергся еще большому раззоренію; наконецъ въ 1637 г. семиградскій воевода Ракочи превратилъ его въ груды развалинъ; уцѣлѣли лишь фарный костелъ и нѣсколько каменныхъ домовъ. Въ 18-мъ столѣтіи Дрогичинъ уже не подвергался подобнымъ бѣдствіямъ, но обновленіе его шло чрезвычайно медленно. Въ 1713 г. въ цѣломъ городѣ считалось 117 домовъ, то есть на 65% менѣе противъ 1585 года. Въ числѣ домовъ люстрація показала не малое число лачугъ, построенныхъ изъ глины. Только церкви, училища и присутственныя мѣста придавали ему значеніе какъ бы города ³⁾.

Въ настоящее время въ Дрогичинѣ числится около 1000 жителей, на половину христіанъ и евреевъ. Собственно говоря, весь городъ состоитъ изъ непомѣрно большой рыночной площади, окаймленной еврейскими лавками и шинками, и нѣсколькихъ расходящихся отъ площади переулковъ, въ которыхъ живутъ крестьяне и мѣщане, занимающіеся исключительно земледѣліемъ и огородничествомъ. Среди этихъ лачугъ высятся мрачныя громады упраздненныхъ францисканскаго и бенедиктинскаго монастырей, іезуитской коллегіи и піарскаго училища. Изъ этихъ зданій шла когда-то польская пропаганда, на столько успѣшная, что мало по малу значительная часть жителей этого кореннаго русскаго города перешла въ католичество, а осталшая, сохранивъ православную вѣру, перестала считать русскій языкъ своимъ ⁴⁾.

¹⁾ Впрочемъ Ип. лѣт. и прерывается на 1292 году.

²⁾ Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы придерживаемся «Описанія Гродн. губ.» Бобровскаго (II, стр. 955 и слѣд.), который пользовался польскими источниками. ³⁾ Бобровскій, II, 968.

⁴⁾ Явленіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ какихъ нибудь 5—8 верстахъ отъ Дрогичина, въ деревняхъ, вверхъ по Бугу, малорусское нарѣчіе сохранилось и по теперь (см. послѣднюю главу этой статьи).

На площади стоитъ православная приходская, бывшая униатская церковь Св. Николая. О древнихъ православныхъ храмахъ по обѣ стороны Буга ¹⁾, изъ которыхъ сохранилась только маленькая тропцкая церковь во имя Св. Варвары, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

На юго-западной сторонѣ города виднѣется изъ-за домовъ рыночной площади зеленый холмъ, повидимому очень небольшой. Въ дѣйствительности же высота его, отъ рѣки до вершины, простирается до 150 футовъ. Эта, такъ называемая замковая, гора отдѣляется отъ города глубокимъ рвомъ, который въ теченіи вѣковъ отъ стока весеннихъ водъ превратился въ крутой, изрытый оврагъ. Съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, замковая гора представляетъ почти отвѣсныя, постепенно обвалившіяся стѣны. На одной изъ этихъ стѣнъ, обращенной къ рѣкѣ бокомъ, виднѣется на высотѣ 10 сажень двойное отверстіе. Тутъ былъ подземный ходъ, чрезъ который въ 1383 г. спасся русскій гарнизонъ замка. Другая, обращенная лицомъ къ рѣкѣ, сторона замковой горы, перерѣзанная на $\frac{1}{3}$ высоты искусственнымъ оврагомъ, постепенно понижается по направленію теченія рѣки и наконецъ обращается въ горизонтальный высокій берегъ.

II.

Я былъ въ Дрогичинѣ три раза. Въ 1886 г. я открылъ дрогичинское городище и произвелъ нѣсколько пробныхъ раскопокъ въ ближайшихъ курганахъ. Въ 1887 и 88 годахъ я продолжалъ изслѣдованіе городища и нанесъ на составленную мною археологическую карту Бѣльскаго уѣзда (см. табл. I) до 40 могильниковъ съ нѣсколькими тысячами могилъ, изъ которыхъ болѣе ста раскопаны подѣ личнымъ моимъ наблюденіемъ ²⁾. Вещественные результаты и отчеты о моихъ изслѣдованіяхъ я препроводилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, съ разрѣшенія и отчасти на средства которой я производилъ мои работы.

Приступая къ описанію дрогичинскаго городища, я долженъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ я разумѣю подѣ словомъ *городище* не остатки укрѣпленнаго селенія, а вообще всѣ подземные остатки древняго города, независимо отъ наружныхъ признаковъ (земляныхъ валовъ), которые въ Дрогичинѣ не сохранились. Открытіемъ этого городища я обязанъ случайности. Узнавъ, что пріобрѣтенная мною у одного мальчика пряслица найдена на берегу Буга, гдѣ, по его словамъ, валяется еще много негодныхъ вещей, я спустился по поперечному оврагу къ самой рѣкѣ, а именно къ песчаной отмели, простирающейся между лѣтнимъ русломъ рѣки и отвѣснымъ берегомъ. На этой отмели я въ теченіи нѣсколькихъ часовъ собралъ до сотни мелкихъ древнихъ предметовъ — черепковъ, бусъ, желѣзныхъ ножей, бронзовыхъ колецъ и т. под. Затѣмъ, повернувшись къ берегу, я тутъ-же нашелъ и разгадку. Начиная отъ подножія замковой горы, вплоть до сада бывшаго піарскаго училища, на протяженіи 100—150 саж., поперечный разрѣзъ берега Буга представляется въ видѣ трехъ, рѣзко обозначающихся пластовъ: верхній пластъ наносный,

¹⁾ Замѣчательно, что городъ Дрогичинъ, стоящій на правомъ, восточномъ берегу Буга, называется Лядскимъ (Польскимъ), а посадъ Дрогичинъ, находящійся противъ него, въ предѣлахъ царства Польскаго, — русскимъ. Это объясняется тѣмъ, что посадъ сохранилъ православіе, а городъ значительно окатоличился.

²⁾ Во всѣхъ этихъ работахъ принималъ участіе мой сынъ, студентъ университета.

новый; нижній — сѣрая материковая глина; средній — толщиною въ 2—3 арш. — прожженная свѣтло-сѣрая земля или, точнѣе, выгорѣвшій мусоръ, изъ котораго торчатъ гнѣзда древеснаго угля, почернѣлые отъ огня камни, выжженные до красна глыбы глины, кости, безчисленные черепки и т. под. Этотъ мусорный слой до того слабъ, что при малѣйшемъ прикосновеніи осыпается, увлекая за собою верхній черноземный слой. Тѣ-же три формаціи, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, нашелъ я на всѣхъ городскихъ обрывахъ, на замковой горѣ и въ оврагахъ. Зап. Бугъ, заливая весною луговой берегъ на нѣсколько верстъ, поднимается по нагорному на 1—2 сажени и подмываетъ его. Иногда разливъ едва доходитъ до мусорнаго слоя; зато въ другой разъ, какъ напр. въ 1888 г., вода, достигая верхняго, черноземнаго слоя, срываетъ громадныя, саженныя глыбы и, унося съ собою размельченныя земляныя частицы, оставляетъ, послѣ упада, на песчаной отмели часть предметовъ, находившихся въ мусорномъ слой. Вслѣдствіе этого болѣе или менѣе обильный сборъ этихъ предметовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ высоты весенняго разлива.

По сдѣланнымъ мною въ разное время пробнымъ раскопкамъ я убѣдился, что сожженный слой или, другими словами, дрогичинское городище, занимаетъ не только всю площадь нынѣшняго города, но вверхъ по рѣкѣ и отчасти по бѣльскому тракту простирается далеко за предѣлы его. Кромѣ того имѣются ясныя указанія, что немалая часть древняго Дрогичина лежитъ въ нынѣшнемъ руслѣ Буга, измѣнившаго, въ теченіи вѣковъ, свое русло на многія сотни сажень. Самое старое русло лежитъ приблизительно за 1½ версты за новымъ и обозначается рядомъ мелкихъ озеръ и болотъ; другое (принадлежащее, вѣроятно, уже историческому періоду) находится за посадомъ Русскій Дрогичинъ и представляетъ собою песчаную ложбину; наконецъ, по сравненіи карты 1789 года, найденной мною въ дрогичинскомъ городскомъ управленіи, съ нынѣшнею, оказывается, что въ теченіи послѣдняго столѣтія лука, образуемая Бугомъ подъ Дрогичиномъ, значительно увеличилась. Вотъ почему и на луговой сторонѣ, на отмеляхъ Русскаго Дрогичина, попадаетъ не мало вещей, тождественныхъ съ правобережными.

Большая часть собранныхъ мною въ Дрогичинѣ предметовъ принадлежитъ къ числу находокъ и только весьма немногіе къ числу раскопокъ. Не разъ случалось мнѣ находить почти рядомъ вещи, очевидно принадлежащія разнымъ эпохамъ и, безъ сомнѣнія, размытыя рѣкою. Затѣмъ многія вещи приносились мнѣ мѣстными жителями, которые, на вопросъ о мѣстѣ нахождения предмета, могли лишь указать на берегъ, русло рѣки, оврагъ, картофельную яму. Наконецъ, пробныя раскопки, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ городища, дали предметы, годные лишь для провѣрки — кости, черепки и металлическіе обломки. Такимъ образомъ о точной классификаціи моей дрогичинской коллекціи не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, благодаря разнообразію и числу найденныхъ вещей (болѣе 1000 экземпляровъ), можно многія изъ нихъ, съ нѣкоторою достовѣрностію, отнести къ той или другой эпохѣ.

Въ числѣ этихъ предметовъ занимаютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, первое мѣсто такіе, которые по своей древности выходятъ за предѣлы археологіи, именно довольно большіе куски янтаря, голенныя мамонтовыя кости и рога допотопнаго оленя. Предметы эти были выловлены изъ Буга лодчанами, очищающими фарватеръ рѣки.

Затѣмъ слѣдуютъ каменные топоры, которые, судя по тщательной выдѣлкѣ, могутъ быть отнесены къ такъ называемой неолитической эпохѣ, а можетъ быть уже и ко времени введенія желѣзныхъ издѣлій, когда каменные орудія еще не вышли изъ употребленія. Одинъ необыкновенно большой топоръ, вполне сохранившійся, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, былъ найденъ на ново-

образовавшейся мели противъ Дрогичина; другой, кремневый, также хорошо отшлифованный, но видимо бывший уже въ употребленіи, поднять на берегу между Русскимъ Дрогичиномъ и деревней Бужиско. Вообще каменные топоры не составляютъ особенной рѣдкости въ окрестностяхъ Дрогичина. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ у помѣщика деревни Кореневки, г. Еленскаго, выпавшій у него въ полѣ необыкновенно изящный топорикъ изъ свѣтлаго мелкозернистаго камня, весьма схожій по формѣ съ топорами, найденными проф. Самоквасовымъ въ окрестностяхъ Пятигорска. Такой-же топорикъ былъ, по рассказамъ, у помѣщика Юндзилла, но затерянъ имъ.

Мелкихъ каменныхъ или кремневыхъ орудій — стрѣлокъ, ножей и т. п. я не встрѣчалъ ни въ Дрогичинѣ, ни въ его окрестностяхъ.

Затѣмъ, сортируя найденные предметы по ихъ матеріалу, мы замѣчаемъ, что всѣ бронзовыя вещи принадлежатъ къ числу украшеній; напротивъ, всѣ безъ исключенія металлическія орудія, — топоры, ножи, оконечники копій и стрѣлы, выдѣланы изъ желѣза.

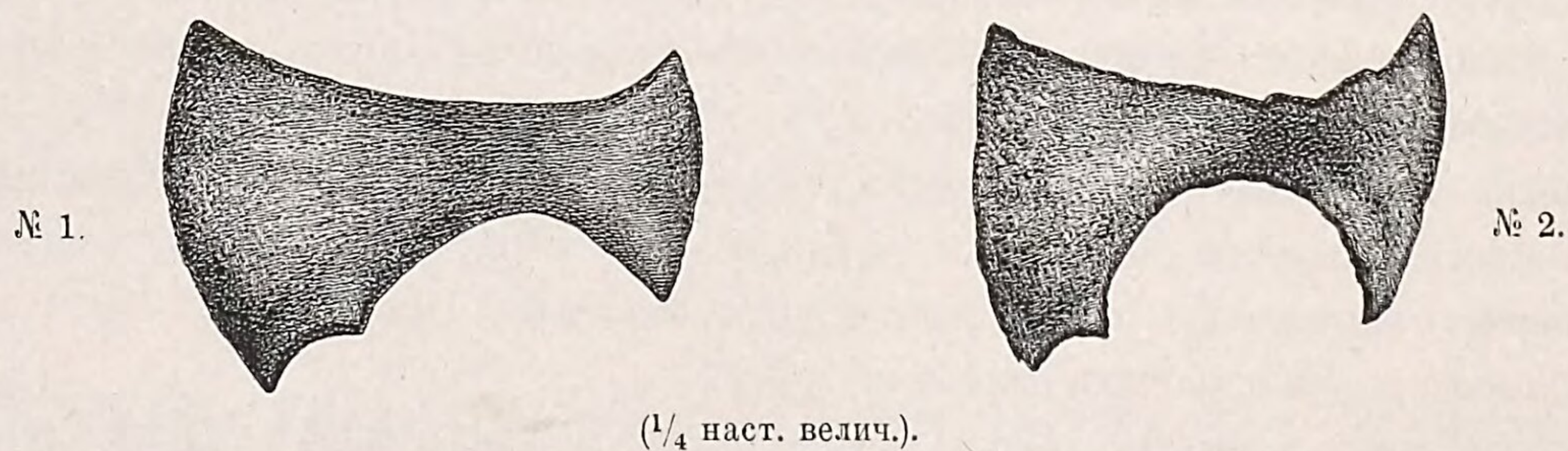
Продолжая нашу сортировку, мы дѣлаемъ попытку отдѣлить дохристианскіе предметы отъ позднѣйшихъ. Къ первымъ относимъ прежде всего стеклянную «слезиницу», найденную мѣщаниномъ при копаніи ямы близъ францисканскаго монастыря (см. табл. II, рис. 3). Она лежала въ ногахъ разложившагося скелета, въ головахъ котораго стоялъ глиняный горшокъ, къ сожалѣнію, разбитый тѣмъ-же мѣщаниномъ.

Потомъ слѣдуетъ куфическій диргемъ, случайно найденный при рытіи ямы въ центрѣ города. По опредѣленію В. Г. Тизенгаузена, монета эта выбита въ г. Махи (древнемъ Хамаданѣ) въ 129-мъ году гиджры (соотвѣтствующемъ 746—747 году нашего лѣточисленія¹⁾). Въ верхней части продѣлана круглая дырочка; отсюда можно заключить, что этотъ диргемъ служилъ привѣскою; судя по его превосходной сохранности, нужно полагать, что онъ весьма недолго былъ въ употребленіи и еще въ томъ же 8-мъ столѣтіи схороненъ въ землѣ.

Для опредѣленія древности другихъ предметовъ мы, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, въ родѣ даты, способа погребенія и т. п., пользуемся прежде всего методомъ сравненія и находимъ, что весьма многія изъ найденныхъ въ Дрогичинѣ вещей очень сходны, чуть не тождественны, съ вещами, открытыми нами въ языческихъ могилахъ Бѣльскаго уѣзда.

Сюда, между прочимъ, относятся:

1) *Желѣзные топоры* со слѣдующими признаками: широкое лезвее съ выемкою въ нижней его части; сравнительно узкая шейка; широкое, выпуклое, но слабое и, слѣдовательно, негодное для удара тылье съ постепенно суживающимися концами, (см. прилагаем. рис. № 1, топора изъ дрогичинскаго городища; рис. № 2, топора изъ каменной могилы въ Чарнѣ Великой).

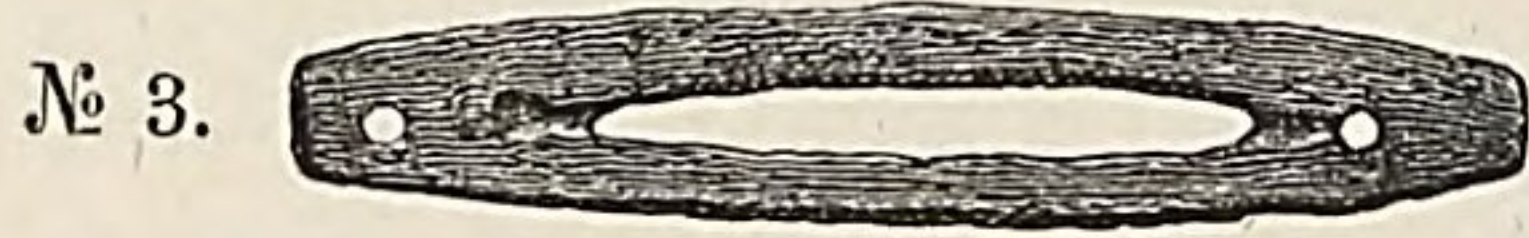
($\frac{1}{4}$ наст. велич.).

¹⁾ Ср. его монографію о халифскихъ монетахъ, стр. 63, № 658, и стр. 301.

2) *Малые желѣзные ножи*, которые вѣроятно назначались для домашняго употребленія. (См. рис. на стр. 11, № 7).

3) *Кольца* изъ бронзовой проволоки, неспаянныя, витыя (см. табл. II, рис. 1, кольцо изъ дрогичин. городища; рис. 2, кольцо изъ каменной могилы близъ уроч. Грабнякъ).

4) *Бронзовыя массивныя пряжки* (см. табл. II, рис. 4, изъ дрогичин. городища, pendant къ найденной въ Чарнѣ Великой; см. слѣд. главу); разница только въ степени сохранности.

№ 3.

1/4 натур. велич.

5) *Желѣзные кресала* (см. прилаг. рис. № 3).

6) *Пряслицы* (см. табл. II, рис. 7).

7) *Маленькіе точильные камни*.

8) *Нѣкоторыя изъ стекляныхъ и каменныхъ бусъ* (см. табл. II, рис. 22).

9) *Обломки стекляныхъ браслетовъ, сходныхъ съ найденными въ могилахъ Владиміро-Волынскаго уѣзда* (см. табл. II, рис. 28).

Всѣ эти предметы, по близкому своему сходству съ найденными въ языческихъ могилахъ, должны быть отнесены къ дохристіанскому періоду.

Къ тому-же времени принадлежатъ, по всей вѣроятности, и слѣдующіе предметы, хотя и не повторяющіеся въ могилахъ Бѣльскаго уѣзда:

Бронзовыя спиральныя кольца (см. табл. II, рис. 5); витыя изъ тонкой бронзовой проволоки кольца или серьги (см. тамъ-же, рис. 6); нѣкоторыя костяныя украшенія (см. тамъ-же, рис. 8, 19, 20, 26); большой каменный брусокъ съ жолобомъ, на которомъ очевидно вытачивались пряслицы, и т. под.

При дальнѣйшемъ разборѣ нашего дрогичинскаго матеріала мы ставимъ себѣ слѣдующій вопросъ: если древнѣйшія вещи принадлежатъ дохристіанскому періоду, то къ какому времени относятся всѣ прочія?

Во 1-хъ, мы знаемъ изъ исторіи, что Дрогичинъ подвергался совершенному опустошенію въ 1240, 1272 и 1383 годахъ. Такимъ образомъ мусорный слой образовался не сразу, а по меньшей мѣрѣ въ три пріема; слѣдовательно и находящіеся въ немъ вещи принадлежатъ не одному времени.

Во 2-хъ, послѣ ягелловскаго погрома въ 1383 г. Дрогичинъ въ теченіи почти 3-хъ вѣковъ не видалъ непріятеля, а слѣдовательно и не подвергался опустошенію. Отсюда мы выводимъ, что новѣйшая часть мусорнаго слоя никакъ не моложе 14-го вѣка.

Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ слѣдующіе доводы: а) между тѣмъ, какъ въ наносномъ слоѣ, толщиною въ 2—3 аршина, зачастую попадаются монеты 14—17 вѣковъ ¹⁾, въ мусорномъ слоѣ мы не нашли ни одной монеты этого времени; б) въ наносномъ слоѣ между прочимъ найдены: шведская сабля 17-го вѣка, старинныя ружейныя и пистолетныя части, картечное ядро, серебряный сабельный крюкъ, серебряная кунтушная застѣжка и другіе сравнительно

¹⁾ Въ моихъ рукахъ перебывало нѣсколько сотъ монетъ, найденныхъ мѣстными жителями. Древнѣйшія изъ западно-европейскихъ монетъ—пражскіе гроши короля Іоанна; изъ польскихъ—гроши Владислава Ягеллы; затѣмъ слѣдуютъ серебряныя безыменные гроши первыхъ Ягеллоновъ; серебряныя-же монеты польскія, шведскія и бранденбургскія 16-го и 17-го столѣтій; чаще же всего встрѣчаются извѣстныя мѣдныя шеляги Яна Казимира. Между всѣми этими монетами, найденными, по большей части, въ огородахъ, я не встрѣчалъ ни одной интересной по своей рѣдкости.

новые предметы. Въ мусорномъ слоѣ не найдено никакихъ слѣдовъ огнестрѣльнаго оружія, вообще ни одной вещи, явно принадлежащей послѣднимъ столѣтіямъ.

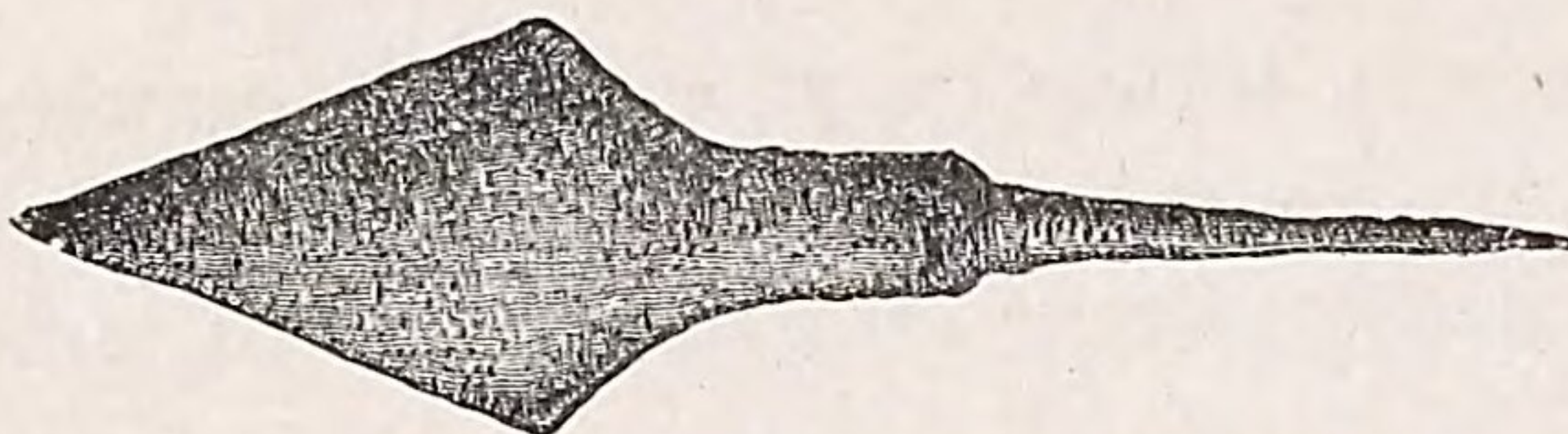
Конечно нѣтъ никакой возможности распредѣлить вещи мусорнаго слоя даже по столѣтіямъ; но форма, выдѣлка и степень сохранности однородныхъ предметовъ указываютъ на большую или меньшую ихъ древность. Такъ, на примѣръ, всѣ сильно окисленные, почти безформенныя сулицы

№ 4.

(Наст. велич.).

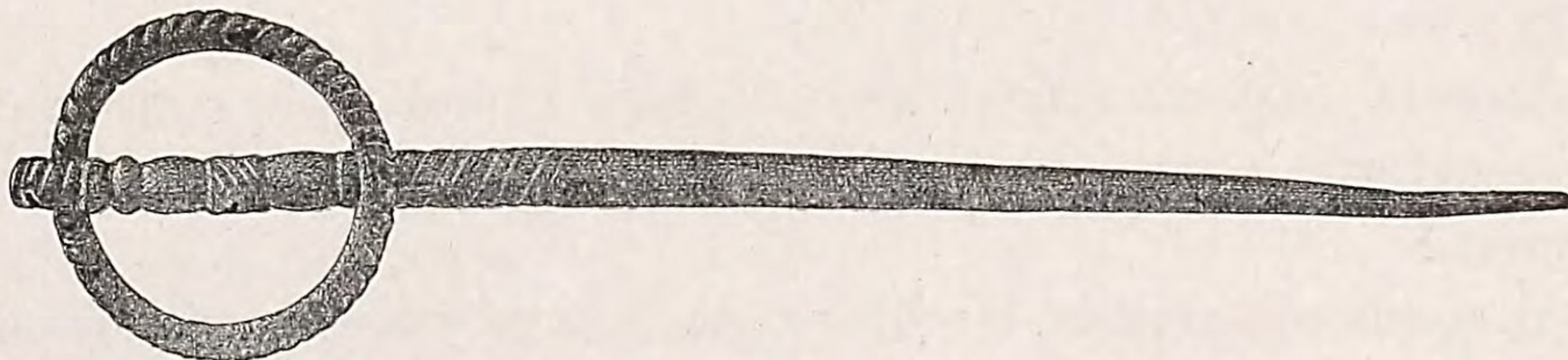
№ 5.

(1/4 наст. велич.).

и гвоздеобразныя, одинаково заостренныя съ обоихъ концовъ наконечники (см. прилаг. рис. № 4), по нашему мнѣнію, древнѣе, чѣмъ большія копья, правильно скованныя и порядочно сохранившіяся (см. прилаг. рис. № 5). Равнымъ образомъ всѣ грубо выдѣланныя наконечники стрѣлъ и спиральныя кольца древнѣе изящныхъ наконечниковъ (изобр. на табл. II, рис. 25) и спаянныхъ колецъ и перстней.

№ 6.

(Наст. велич.).

Не имѣя возможности описать всѣ предметы дрогичинскаго городища, мы ограничимся перечнемъ ихъ по разрядамъ:

1) *Каменные издѣлія*: топоры; точильные бруски; пряслицы (табл. II, рис. 7); бусы (тамъ-же, рис. 34); крестики (тамъ-же, рис. 10, 11, 14); граненые цвѣтные камешки безъ оправы; полукруглый шиферный миниатюрный ларчикъ съ остатками красной краски въ выдолбленной срединѣ и т. п.

2) *Стекляныя*: слезница (табл. II, рис. 3); обломки колецъ, перстней и браслетовъ (табл. II, рис. 28); бусы (тамъ-же, рис. 17, 18, 22).

3) *Глиняныя*: безчисленное количество черепковъ всякаго рода неполиванной посуды, начиная отъ грубѣйшей, ручной работы, до затѣливой по формамъ и узорамъ. Тутъ встрѣчаются (въ обломкахъ) большіе и малые горшки, миски, блюда и блюда, кувшины съ рыльцами, ушками и узкими горлышками и т. под. На доньшкахъ я ни разу не встрѣчалъ оттисковъ (домовыхъ марокъ?), подобныхъ описаннымъ гр. Тышкевичемъ и проф. Котляревскимъ.

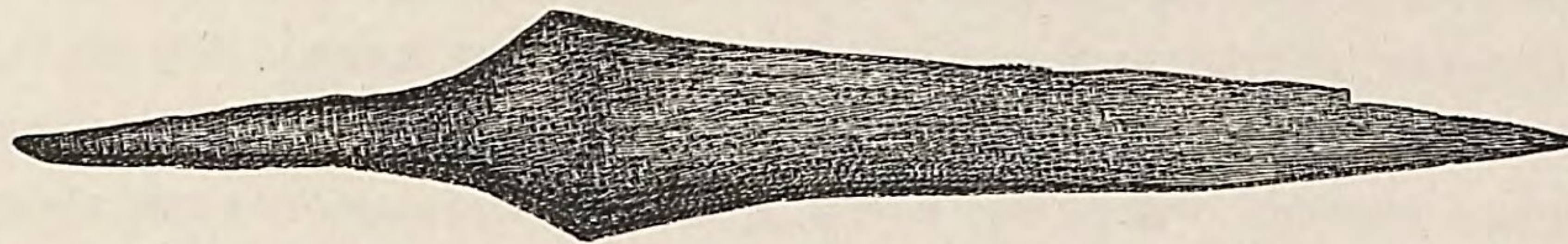
4) *Костяныя*: шпильки; иглы; обломки гребней; разнаго рода мелкія украшенія (табл. II, рис. № 8, 16, 19, 20, 26).

5) *Свинцовыя*: оттиски съ буквами и знаками (см. слѣд. главу и табл. III); крестики; привѣски къ серьгамъ; плоскіе круги; набалдашники; грузила; множество сплавленныхъ кусковъ.

6) *Бронзовыя и мѣдныя*: крестики (см. слѣд. главу и табл. II, рис. 9, 12, 13, 15); кольца спаянныя и не спаянныя (табл. II, рис. 1, 2, 5, 6); перстни; большія головныя булавки съ украшеніями (см. рис. на стр. 10-й, № 6); множество разныхъ пряжекъ и фибулъ (см. прилаг. рис. № 8 и табл. II, рис. 29, 32, 33); запонки (табл. II, рис. 31); скобки; крючекъ съ рѣзьбой; ручка отъ неизвѣстнаго предмета; разныя привѣски и украшенія съ рѣзьбой; сапожная подковка и т. п.

7) *Желѣзныя*: топоры (см. стр. 8); наконечники копій, стрѣлы (см. табл. II, рис. 21, 23, 24, 25 и прилаг. рис. № 5 и 9); сулицы; обломки мечей; большой ножъ; малые ножи (болѣе 60; см. прилаг. рис. № 7); шпоры; конскіе приборы; огромный серпъ; мотыга; большіе и малые

№ 7.

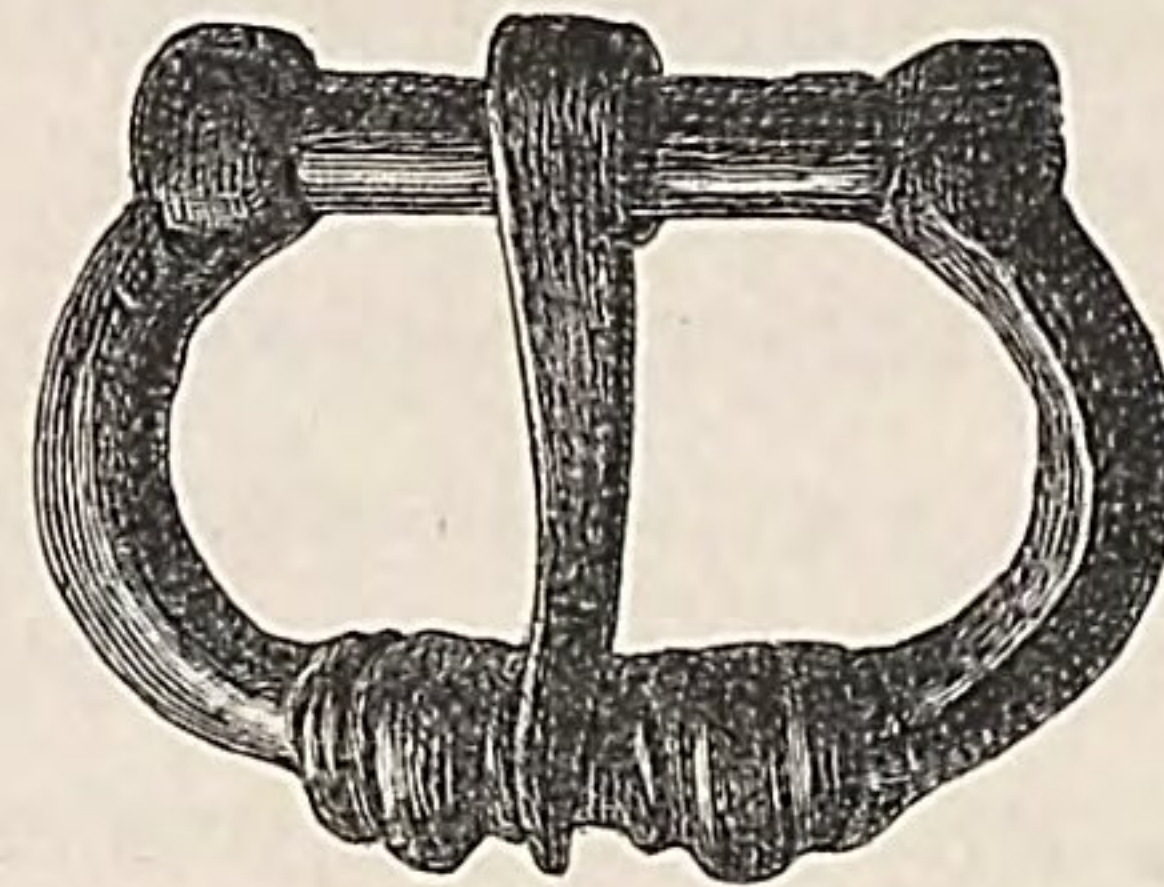

(Наст. велич.).

ключи; кресала; рыболовный крюкъ; кольца; цѣпочки; пряжки; орудіе неизвѣстнаго назначенія (см. прилаг. рис. № 10) и проч.

Изъ стеклянныхъ и каменныхъ вещей первое мѣсто принадлежитъ бусамъ. Едва-ли найдется въ цѣломъ свѣтѣ предметъ болѣе распространенный и консервативный. Всегда и вездѣ, гдѣ цивилизація впервые сталкивалась съ первобытною жизнью, первымъ и главнымъ предметомъ ввоза является буса. Такъ было еще во времена Финикіянъ; тоже самое повторяется и въ наше время на австралійскихъ островахъ и на берегахъ Конго. По этому, при всей кажущейся маловажности этой невзрачной вещицы, присутствіе ея въ могилахъ и городищахъ всегда служитъ лучшимъ доказательствомъ сношеній мѣстныхъ жителей съ другими странами. Распространеніе бусы такъ повсемѣстно, что она могла-бы служить пре-

№ 8.

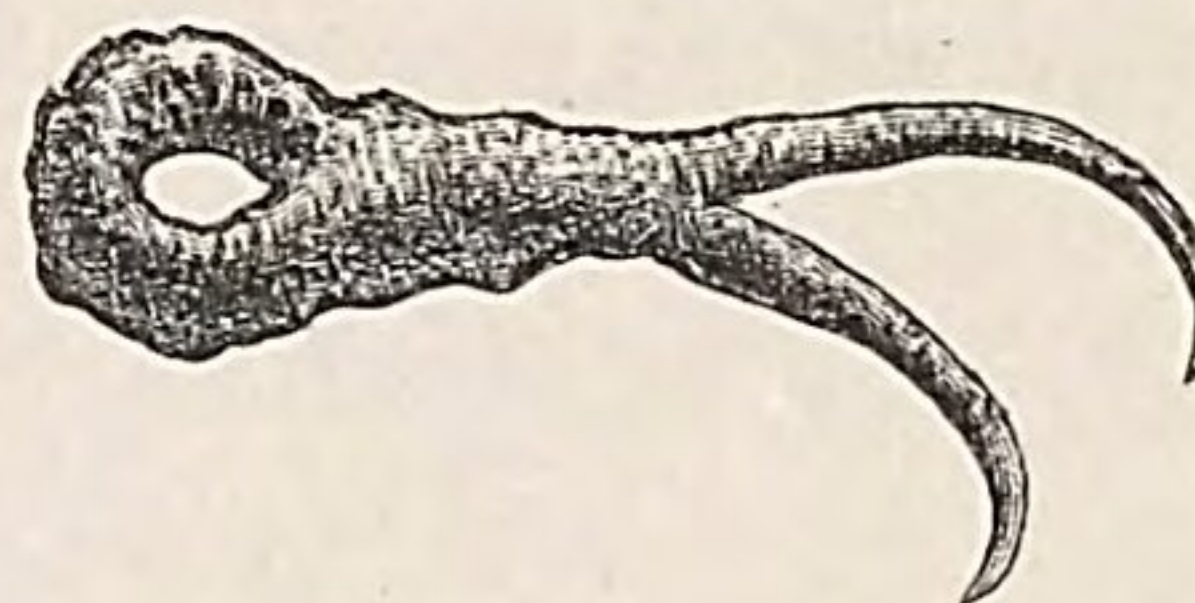
(Наст. велич.).

№ 9.

(1/4 наст. велич.).

№ 10.

(1/4 наст. велич.).

краснымъ матеріаломъ для карты народныхъ переселеній и сношеній въ доисторическій періодъ, если-бы не эта ея постоянная косность, неизмѣнность въ формѣ и составѣ. Впрочемъ въ исторіи встрѣчаются періоды, когда буса временно какъ-бы исчезаетъ изъ употребленія. Одинъ изъ составителей Ипатской лѣтописи (стр. 199) рассказываетъ, что когда онъ въ 1114 г. пришелъ въ Ладогу, то ему говорили жители, «гдѣ яко есть егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, повертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже вы-

поласкиваетъ вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста; суть же различни». Когда монахъ выразилъ по этому случаю свое удивленіе, то ладожане ему сказали: это, молъ, еще ничего; а вотъ старики наши ходили за Югру и за Самоядь, такъ они видѣли тамъ, что какъ опустится туча, то изъ этой тучи падаетъ молодая вѣверица (бѣлка), едва родившаяся, и растетъ и расходится по землѣ, а затѣмъ бываетъ другая туча, и падаютъ изъ нея молодые олени, и растутъ и расходятся по землѣ. Этотъ наивный и характеристическій рассказъ доказываетъ, что ни представитель тогдашней цивилизаціи, монахъ-лѣтописецъ, ни жители Ладоги не имѣли понятія о бусахъ, найденныхъ на ладожскомъ городищѣ и вырванныхъ (выполосканныхъ, по выраженію лѣтописца) изъ него разливомъ Волхова, подобно тому, какъ дрогичинскія бусы размываются Бугомъ. Я собралъ на берегу Буга, въ самой рѣкѣ и въ различныхъ мѣстахъ дрогичинскаго городища, нѣсколько сотъ бусъ и бисеринокъ. Приблизительно третья часть изъ нихъ стеклянная, остальные каменные или, точнѣе, выжженные изъ стекловидной массы. Эти послѣднія можно раздѣлить на разряды: одноцвѣтныя (по большей части свѣтлозеленыя), мозаиковыя, т. е. съ искусно влѣпленными узорами сквозь всю массу, и эмальированныя, т. е. съ наведенными на поверхности изъ той-же массы цвѣтными узорами. Стекляныя всѣ одноцвѣтныя: зеленыя, желтыя, бѣлыя и безцвѣтныя. Кромѣ того встрѣчается еще одинъ разрядъ, самый красивый, сдѣланный, повидимому, изъ жженной глины и покрытый стекляною поливою. Эти бусы, очень разнообразныя по формамъ и по выпуклымъ узорамъ, сходны съ найденными въ каменныхъ могилахъ близъ деревни Кореневки.

Стеклянные браслеты, найденные въ многочисленныхъ обломкахъ, подобно кольцамъ, бронзовымъ и стекляннымъ, не спаивались концами, что, по нашему мнѣнію, было очень практично. Гладкіе браслеты встрѣчаются рѣдко; чаще они имѣютъ видъ жгута, иногда двухцвѣтнаго. Одни изъ нихъ сохранили прозрачность; другіе, вслѣдствіе разложенія стекла, сдѣлались болѣе или менѣе тусклыми.

Такъ называемыхъ пряслицъ (см. табл. II, рис. 7) найдено нами въ дрогичинскомъ городищѣ болѣе сотни, слѣдовательно болѣе, чѣмъ гр. Уваровымъ въ 5000 мерянскихъ могилахъ. Найденный на берегу Буга оселокъ съ желобками, какъ разъ соответствующими поверхностями пряслицъ, доказываетъ, что послѣднія выдѣлывались и обтачивались въ Дрогичинѣ. Форма пряслицъ довольно разнообразна, но цвѣта онѣ бываютъ различнаго, чаще всего сѣраго.

Изъ прочихъ предметовъ, добытыхъ изъ дрогичинскаго городища, заслуживаютъ особаго вниманія крестики и свинцовые оттиски.

III.

Нѣкоторые изъ крестиковъ можно вѣрнѣе назвать крестовидными украшеніями, такъ какъ они, по всей вѣроятности, не имѣли священнаго значенія и употреблялись еще до введенія христіанства. Къ такимъ украшеніямъ я отношу костяной однообразный предметъ съ вращающейся на шарнирѣ перекладиной (табл. II, рис. 16) и бронзовое украшеніе грубой выдѣлки въ формѣ цвѣтка съ расположенными крестообразно лепестками (табл. II, рис. 15). Каменные (табл. II, рис. 10, 11) и свинцовые (тамъ же, рис. 14) крестики, не смотря на грубость работы, очевидно принадлежатъ уже христіанскому періоду. Изъ бронзовыхъ я считаю древнѣйшими маленькіе крестики, состоящіе изъ тонкихъ цилиндрическихъ перекладинъ, оканчивающихся шарообразными

украшениями и съ квадратнымъ щиткомъ на срединѣ (табл. II, рис. 13). Къ менѣ древнимъ принадлежатъ кресты съ распятіемъ на одной сторонѣ и изображеніемъ восьмиконечнаго креста на другой (табл. II, рис. 12), которые, судя по близкому ихъ сходству съ крестикомъ, найденнымъ въ Мстиславовомъ храмѣ во Владимірѣ-Волынскомъ, я отношу къ XII—XIII столѣтіямъ. Можетъ быть къ тому-же времени нужно отнести и другіе сходные съ нимъ крестики.

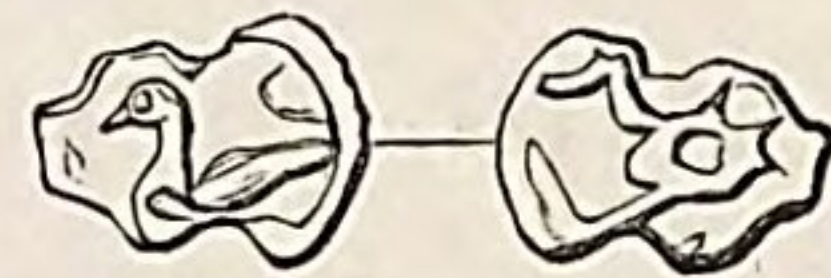
Къ древне-же русскому періоду исторіи Дрогичина нужно отнести единственные въ своемъ родѣ и интересныя по своей загадочности *свинцовыя пластинки* съ оттисками церковно-славянскихъ буквъ и разныхъ украшеній.

Пластинки эти встрѣчаются отдѣльными экземплярами, вмѣстѣ съ другими вещами у самого подножія городища, на протяженіи 100—150 сажень, частью на береговой отмели, частью въ самой рѣкѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ. Въ теченіи 87 и 88 годовъ мною собрано около 900 штукъ, изъ которыхъ приблизительно 700 представлены въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а остальные розданы разнымъ любителямъ. Величина пластинокъ различна, отъ маленькой великокняжеской деньги Іоанна IV до большой новгородской, псковской или рязанской деньги. Форма еще неправильнѣе и разнообразнѣе нашихъ древнихъ денегъ, но штемпель былъ, судя по его слѣдамъ, всегда круглый. Толщина отъ двухъ до трехъ миллиметровъ. На многихъ пластинкахъ не сохранилось никакихъ оттисковъ; на другихъ — посредственные, и только приблизительно на одной трети общаго числа болѣе или менѣе отчетливо видны или отдѣльныя церковно-славянскія буквы, или какія-нибудь изображенія.

Иногда на обѣихъ сторонахъ встрѣчаются разныя буквы (напр. часто повторяется **Т** съ одной и **И** съ другой стороны); въ другихъ экземплярахъ — на одной сторонѣ буква, на другой крестъ или какое-нибудь другое изображеніе; наконецъ въ третьей категоріи изображенія съ обѣихъ сторонъ.

По тщательной разсортировкѣ мы нашли слѣдующія буквы, повторяющіяся отъ 1 до 30 разъ: **Б, В, Д, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, Т, Ф, Ц, Ч, Ш, Ъ, Ь, Ю** и **А** (табл. III, рис. 1—32). Встрѣчается еще нѣсколько другихъ буквъ, которыхъ мы объяснить не умѣемъ.

Изображенія встрѣчаются слѣдующія: четырехконечный крестъ; восьмиконечный крестъ ломаной линіей; крестъ схожій съ сегнеровымъ колесомъ; крестъ съ полумѣсяцами въ углахъ; крестъ въ кружкѣ (колесо?); крестъ съ якоремъ, рука (*dextra Dei*?); рука съ короткимъ мечемъ; человѣкъ во весь ростъ; лицо; голова въ шапкѣ; одноглавый орелъ; четвероногое съ загнутой назадъ головой и поднятымъ хвостомъ (табл. III, рис. 33—50); гусь (?); см. прил. рис. № 11.

№ 11.

Чаще прочихъ изображеній встрѣчается крестъ; другія, напр. человѣкъ впрямь, крестъ съ якоремъ, четвероногое и гусь найдены всего въ одномъ экземплярѣ.

Первый, обратившій вниманіе на дрогичинскія пластинки, былъ извѣстный литовскій археологъ графъ Константинъ Тышкевичъ. Получивъ въ 1864 г. отъ дрогичинскаго мѣщанина Амброжевскаго нѣсколько десятковъ экземпляровъ этихъ пластинокъ ¹⁾, онъ помѣстилъ о нихъ

¹⁾ Гр. Тышкевичъ говоритъ о нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ. Между тѣмъ въ виленскомъ музеѣ хранится 175 штукъ такихъ-же пластинокъ, которыя, какъ значится въ каталогѣ музея, за № 409, доставлены г. Янушевичемъ. Вѣроятно эти пластинки получены музеемъ уже по напечатаніи статьи гр. Тышкевича, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что, имѣя подъ рукой такой богатый матеріалъ, онъ, можетъ быть, пришелъ-бы къ другимъ выводамъ.

статью на стр. 115—122 I тома «Трудовъ Имп. Моск. Археол. Общества», подъ заглавіемъ: «Свинцовые оттиски, найденные въ рѣкѣ Бугѣ у г. Дрогичина».

Изъ этой статьи мы видимъ, что Виленская Археол. Коммиссія, подвергнувъ свинцовыя пластинки ученому изслѣдованію, пришла къ догадкѣ, что онѣ, какъ найденныя въ древней землѣ ятвяговъ, близъ главнаго ихъ города Дрогичина, могли быть *печатами*, привѣшиваемыми къ документамъ ятвяговъ, и что оттиснутые на нихъ знаки были вѣроятно *знаками достоинства* лицъ, обратившимися со временемъ въ родовые гербы.

Гр. Тышкевичъ, возводя догадку Вил. Археол. Комм. о ятвяжскомъ происхожденіи пластинокъ въ несомнѣнный фактъ, не нуждающійся въ критикѣ, говоритъ такъ: «по самому виду ихъ механической отдѣлки слѣдуетъ допустить, что ятвяги уже имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, а извѣстность свинца безспорно доказываетъ торговыя ихъ сношенія съ сосѣдними странами; по этому народъ, у котораго была своя промышленность и нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, не могъ уже быть тѣмъ, чѣмъ исторія представляетъ его, то есть кочевымъ и дикимъ». «Изъ этого», присовокупляетъ онъ, «не слѣдуетъ, однакоже, что эти вычеканенные изъ свинца кружки должны быть непременно печатами, привѣшенными къ грамотамъ; ибо, если допустить, что ятвяги уже имѣли писанныя грамоты, служація выраженіемъ политическихъ отношеній и упроченнаго гражданскаго порядка, то мы признали-бы за ними степень цивилизаціи гораздо выше той, какой они въ самомъ дѣлѣ достигли». Вслѣдствіе этого гр. Тышкевичъ, съ своей стороны, дѣлаетъ другое, не менѣе смѣлое предположеніе, а именно, «что эти оттиски, по всей вѣроятности, принадлежали къ предметамъ, посвященнымъ Божеству, и составляли какой-то *религіозный символъ* (стр. 121)....; они могли представлять *домашнія божества*, складывавшіяся куда нибудь на жертву, или-же носимыя съ собою; тѣ изъ нихъ, на которыхъ сохранились отверстія, могли быть какимъ нибудь *религіознымъ талисманомъ*, который, можетъ статься, вѣшали въ священныхъ рощахъ или носили на снуркахъ, подобно тому, какъ нынѣ въ христіанствѣ носятъ крестики или медаліоны святыхъ» (стр. 122).

Къ статьѣ гр. Тышкевича приложены двѣ таблицы съ 20-ю рисунками оттисковъ, увеличенныхъ въ 2×2 раза. Разбирая изображенныя на нихъ буквы, онъ находитъ *финскія, германскія и славянскія руны*; затѣмъ русское Ш и латинское XI. Вся эта выведенная имъ самимъ путаница приводитъ его къ заключенію, выписанному нами выше. Если-бы онъ внимательнѣе, а можетъ быть и безпристрастнѣе, отнесся къ своимъ-же таблицамъ, то онъ нашелъ-бы въ нихъ, кромѣ Ш, еще слѣдующія славянскія буквы: Ж, А, Ц, Ч и Ъ.

Мы не знаемъ, были ли въ распоряженіи гр. Тышкевича пластинки съ другими церковно-славянскими буквами ¹⁾, но полагаемъ, что изъ несомнѣнно ему извѣстнаго сочиненія его-же земляка Ярошевича онъ долженъ былъ знать, что Дрогичинъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ принадлежалъ волынскимъ князьямъ. А потому, если онъ въ своей статьѣ обстоятельно говоритъ о ятвягахъ, которымъ будто-бы принадлежалъ Дрогичинъ, и ни однимъ словомъ не обмолвился о *древне-русскомъ* Дрогичинѣ, то причина умолчанія о славянскихъ буквахъ на пластинкахъ ка-

¹⁾ Старикъ Амброжевскій мнѣ говорилъ, что, сверхъ пластинокъ, онъ доставилъ гр. Тышкевичу еще нѣсколько мѣдныхъ крестиковъ, найденныхъ имъ-же на берегу Буга. Повидимому уже одно сопоставленіе найденныхъ въ одномъ мѣстѣ православныхъ крестиковъ и пластинокъ съ церковно-славянскими буквами должно было навести графа на дѣйствительное происхожденіе послѣднихъ; но о крестахъ онъ не упоминаетъ ни слова, а пластинки приписалъ язычникамъ ятвягамъ, умолчавъ о славянскихъ буквахъ.

жется намъ странною, а выводъ автора тенденціознымъ или, по меньшей мѣрѣ, не научнымъ.

Въ томъ-же I томѣ «Трудовъ» Моск. Археол. Общ. (стр. 123 — 124) напечатаны «дополнительныя свѣдѣнія къ предыдущей статьѣ», доставленныя гр. Тышкевичемъ въ редакцію уже по прочтеніи его статьи въ засѣданіи Общества. Отсюда мы узнаемъ слѣдующее: во 1-хъ чешскій археологъ К. В. Запъ, «соглашаясь съ мнѣніемъ Виленской Археол. Коммисіи, умахотриваетъ въ свинцовыхъ оттискахъ *сходство съ польскими и чешскими гербами* и, сверхъ того, приходитъ къ мысли, что какъ въ древности торговыя дороги внутрь Россіи проходили черезъ рѣки Бугъ и Нѣманъ, то свинцовые эти штемпели могли изображать *таможенныя клейма или тамги*». Съ послѣднимъ мнѣніемъ гр. Тышкевичъ не соглашается.

Во 2-хъ членъ англійскаго археологическаго общества ученый пасторъ Scarth извѣщаетъ, что сходныя съ помянутыми оттиски найдены въ Англіи, въ графствѣ Вестморлендъ въ Brudg'ѣ, при одной изъ *римскихъ* станцій.

Въ 3-хъ г. Roach-Smith открылъ другіе подобныя, хранящіеся въ Британскомъ Музеѣ, и таковыя приказалъ отгравировать для собственной коллекціи; англійскіе ученые приходятъ къ заключенію, что это могли быть *клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ*.

Гр. Тышкевичъ кончаетъ свое сообщеніе заключеніемъ, что загадочныя зарубки на разныхъ чешскихъ зданіяхъ, до сихъ поръ не разгаданныя мѣстными учеными, имѣютъ много общаго съ изображеніями на дрогичинскихъ свинцовыхъ оттискахъ.

Наконецъ въ томъ-же томѣ «Трудовъ» Моск. Археол. Общ. (стр. 242 — 248) помѣщена еще «замѣтка къ статьѣ гр. Тышкевича» покойнаго профессора А. Котляревскаго, въ которой авторъ, не упоминая о свинцовыхъ пластинкахъ, по поводу ихъ разбираетъ клейма на могильныхъ горшкахъ.

Большая часть высказанныхъ о пластинкахъ предположеній не нуждается въ обсужденіи. Въ виду ясно оттиснутыхъ на нихъ церковнославянскихъ буквъ и крестовъ нечего доказывать, что онѣ не ятвяжскаго, а русскаго происхожденія, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какихъ-то ятвяжскихъ гербахъ, финскихъ или германскихъ рунахъ, языческихъ амулетахъ и т. под. Что касается сходства дрогичинскихъ пластинокъ съ англійскими, то оно оказалось мнимымъ. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, къ которому мы обратились съ просьбой о разъясненіи этого вопроса, обязательно сообщилъ намъ, что, по наведеннымъ имъ справкамъ, найденныя въ Англіи свинцовыя пластинки гораздо объемистѣе дрогичинскихъ и что на нихъ оттиснуты нумера римскихъ когортъ и легіоновъ; такимъ образомъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ нашими пластинками. Наконецъ сближеніе нѣсколькихъ неразгаданныхъ изображеній на пластинкахъ съ загадочными знаками, нацарапанными на какихъ-то старинныхъ чешскихъ зданіяхъ, и съ оттисками на доньшкахъ могильныхъ горшковъ, найденныхъ въ виленской губерніи, представляется въ нашихъ глазахъ натяжкою, не стоющею пересмотра. Такимъ образомъ изъ цѣлаго ряда мнѣній, высказанныхъ по поводу дрогичинскихъ пластинокъ, остается лишь одно, съ которымъ можно считаться: онѣ могли быть пломбами или клеймами. Но объ этомъ позже.

Гр. Тышкевичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько десятковъ пластинокъ, не собранныхъ имъ на мѣстѣ, а присланныхъ ему изъ Дрогичина. Всѣ прочія лица, писавшія о пластинкахъ, вовсе не видали ихъ, а узнали ихъ только по литографическимъ таблицамъ гр. Тышкевича. Напротивъ, пишущій эти строки, разобралъ многія сотни собранныхъ имъ экзем-

плярровъ, имѣлъ возможность изслѣдовать самое мѣсто ихъ нахожденія. Основные выводы, полученные нами, заключаются въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, дрогичинскія пластинки несомнѣнно русскаго происхожденія и принадлежатъ тому времени, когда русскій языкъ былъ въ Дрогичинѣ правительственнымъ и когда русскіе правительственные знаки, тисненые или чеканные, не были еще замѣнены латинскими или польскими.

Во 2-хъ, эти пластинки размыты Бугомъ изъ мусорнаго пласта дрогичинскаго городища, въ которомъ верхній, т. е. новѣйшій слой принадлежитъ концу 14-го стол. Слѣдовательно пластинки относятся къ древне-русскому, а не къ слѣдующему за нимъ русско-литовскому періоду.

Въ 3-хъ, нигдѣ, кромѣ Дрогичина, эти пластинки не встрѣчаются; по этому нѣтъ сомнѣнія, что онѣ выдѣланы въ самомъ Дрогичинѣ.

Эти три положенія мы считаемъ доказанными. Всѣ слѣдующія болѣе или менѣе гадательны.

Если пластинки принадлежатъ древне-русскому періоду, то спрашивается, къ какому именно столѣтію?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только приблизительно. Русскіе князья управляли Дрогичиномъ, съ небольшими перерывами, болѣе трехъ вѣковъ, сначала изъ Кіева, потомъ изъ Владимира-Волынскаго. Судя по разнообразнымъ типамъ пластинокъ, мы относимъ ихъ ко 2-й половинѣ древне-русскаго періода, т. е. къ волынско-галицкой, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Замѣчая самыя разнообразныя изображенія на пластинкахъ, мы спрашиваемъ, откуда они взялись? Сфрагистическіе и нумизматическіе типы всегда изобрѣтались туго и иногда оставались неизмѣнными въ теченіи вѣковъ. Такъ, напримѣръ, средневѣковые варвары, подобно нынѣшнимъ Абессинцамъ, которые не признаютъ другой монеты, кромѣ талеровъ съ портретомъ Маріи Терезіи, долгое время чеканили подражанія римскимъ монетамъ съ изображеніемъ цезаря. Потомъ явился порталъ, а съ другой стороны крестъ, и немногіе другіе типы, которые опять держались цѣлыми столѣтіями. Сосѣди, у которыхъ не хватало творческаго духа, перенимали эти типы у нѣмцевъ, какъ нѣкогда нѣмцы у римлянъ (вспомнимъ вендскія подражанія 10—11 вѣковъ). Но съ размноженіемъ монетныхъ дворовъ и прогрессивнымъ ухудшеніемъ металла увеличилось и число типовъ. Наконецъ, когда денары превратились въ никуда негодные брактеаты, разнообразіе типовъ разрослось до невѣроятія, съ тѣмъ, чтобы съ введеніемъ грошевой системы (въ 14 в.) опять ограничиться небольшимъ числомъ. Но даже и въ этотъ сравнительно короткій періодъ богатства нумизматическихъ типовъ изобрѣтательность часто уступаетъ подражанію. Согласно извѣстному закону, что подражать несравненно легче, чѣмъ изобрѣтать, лица или учрежденія, имѣвшія право чеканить монету, часто заимствовали у другихъ готовые типы, изъ которыхъ нѣкоторые, напр. левъ, орелъ и т. п., сдѣлались излюбленными и перешли на новыя денежныя системы.

Мы полагаемъ, что замѣчательные по своему разнообразію дрогичинскіе оттиски относятся именно къ тому періоду, когда въ западной Европѣ господствовало разнообразіе нумизматическихъ типовъ, т. е. къ 12—14 столѣтіямъ. Находя между первыми и послѣдними цѣлый рядъ общихъ изображеній—голову, голову въ шапкѣ съ украшеніемъ на груди, человѣка впрямь, руку (dextra), руку съ мечемъ, птицу, четвероногое—мы думаемъ, что дрогичинскій мастеръ скопировалъ ихъ съ современныхъ ему заграничныхъ монетъ, подобно тому какъ, нѣсколько позже его,

денежные мастера Василия Темного копировали свои типы съ тѣхъ-же скверныхъ, успѣвшихъ уже выйти изъ употребленія, маловѣсныхъ денаровъ и ломкихъ брактеатовъ.

До насъ не дошло ни одной монеты владиміро-галицкаго княжества. Даже единственная извѣстная намъ печать Юрія II сдѣлана за границей. На всемъ протяженіи волынскаго княжества не найдено ни одного денара или брактеата 12 — 14 вѣковъ; эти номинальныя по своей низкопробности монеты не хоронились въ землю и потому не дошли до насъ. Но типы ихъ сохранились на дрогичинскихъ пластинкахъ.

Предупредивъ, что сказанное есть ни болѣе, ни менѣе, какъ гипотеза, переходимъ къ другому вопросу, еще болѣе гадательному.

Къ чему могли служить эти пластинки? Изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше мнѣній мы выдѣлили одно, заслуживающее обсужденія. Со словъ гр. Тышкевича мы знаемъ, что чешскій ученый Запъ и нѣкоторые англійскіе археологи пришли къ заключенію, что это могли быть таможенные клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ. Хотя гр. Тышкевичъ и не раздѣляетъ этого мнѣнія, приводя очень вѣскія возраженія, но поводъ къ такому предположенію данъ имъ-же самимъ.

Онъ первый замѣтилъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ своихъ пластинокъ слѣды боковыхъ отверстій и, для лучшаго обозначенія послѣднихъ, придѣлалъ къ нимъ на своихъ рисункахъ шнурки, которые, въ дѣйствительности, конечно, не сохранились.

Въ экземплярахъ, найденныхъ мною въ первый годъ моихъ дрогичинскихъ раскопокъ, я этихъ боковыхъ сквозныхъ отверстій не замѣтилъ и, считая наблюденія гр. Тышкевича ошибочными, вывелъ другое заключеніе о назначеніи пластинокъ, отъ котораго впослѣдствіи отказался. Позже, когда въ моемъ распоряженіи были многія сотни пластинокъ, я дѣйствительно нашелъ на многихъ изъ нихъ слѣды, замѣченные Тышкевичемъ. Наконецъ, на нѣсколькихъ экземплярахъ, очевидно слабо стиснутыхъ щипцами или другимъ орудіемъ, я нашелъ видимое доказательство, что они состояли изъ двухъ слоевъ, сложенныхъ книжкой. Такимъ образомъ предположеніе Запа и англійскихъ ученыхъ *отчасти* оправдывается. Это, по всей вѣроятности, было то, что мы на обыденномъ языкѣ называемъ *пломбами*, то-есть двойная свинцовая печать, въ которой заключены связанные концы шнурка. Отсутствіе названныхъ наружныхъ признаковъ на болѣе части экземпляровъ ничего не доказываетъ, такъ какъ и нынѣ употребляемыя пломбы кажутся состоящими изъ одного куска свинца. Впрочемъ, для провѣрки слѣдовало-бы разложить нѣсколько пластинокъ на составныя половинки и тогда тамъ, можетъ быть, найдутся если не слѣды самого шнурка, ¹⁾ то слѣды желобка, по которому шелъ шнурокъ.

И такъ наружные признаки пластинокъ приводятъ къ предположенію, что это были пломбы, въ смыслѣ свинцовой двусторонней печати, заключавшей въ себѣ шнурокъ. Но были-ли это товарныя пломбы, въ родѣ нашихъ таможенныхъ или акцизныхъ, это другой вопросъ. Сколько извѣстно, товарныя пломбы впервые введены Кольберомъ, значить въ 17-мъ вѣкѣ. Употреблялись-ли онѣ гдѣ-нибудь ранѣе этого времени, мы не знаемъ. По этому было-бы слишкомъ смѣло

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что мы нашли часть сохранившагося шнурка въ предметѣ гораздо древнѣйшемъ, и именно въ серебряныхъ кольцахъ, взятыхъ изъ дохристіанскихъ могилъ.

предположить, что онѣ были извѣстны въ волинско-галицкой Руси въ 12—14 вѣкахъ¹⁾. Затѣмъ имѣемъ-ли мы основаніе говорить о таможенныхъ или товарныхъ пломбахъ, когда изъ исторіи намъ неизвѣстно ничего о торговлѣ Дрогичина? Конечно, и въ данномъ случаѣ найдется матеріалъ для гипотезъ. Можно, напримѣръ, предположить, что чрезъ Дрогичинъ направлялась торговля пушнымъ товаромъ изъ занаревского ятвяжскаго края и близкой бѣловѣжской пущи въ западную Европу; что, благодаря этой торговлѣ, *слѣды которой сохранились въ таможенныхъ пломбахъ*, Дрогичинъ достигъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражается въ безчисленныхъ находимыхъ въ его городищѣ предметахъ. Но мы предпочитаемъ не дѣлать такихъ рискованныхъ предположеній, и потому говоримъ: свинцовыя пластинки, по всей вѣроятности, служили пломбами, но едва-ли товарными или таможенными.

Въ археологіи очень нерѣдко встрѣчаются предметы загадочные, назначеніе которыхъ неизвѣстно. Далеко не всѣ древнія издѣлія могутъ быть разсматриваемы, какъ прототипы употребляемыхъ нами предметовъ. Подобно тому, какъ у насъ есть вещи и потребности, которыхъ не знали наши предки, такъ и у нихъ могли быть свои вещи и свои потребности, съ ними исчезшія и намъ неизвѣстныя. Можетъ быть и дрогичинскія пластинки нужно отнести къ этому разряду предметовъ, для опредѣленія котораго у насъ нѣтъ даже соотвѣтствующаго слова.

На этомъ послѣднемъ предположеніи мы остановимся.

IV.

Изслѣдованіемъ дрогичинскаго городища я занимался въ видѣ отдыха между разъѣздами по Бѣльскому уѣзду. Уѣздъ этотъ необыкновенно богатъ доисторическими могилами, которыя, по внѣшнему ихъ виду, способу погребенія и содержанію, можно раздѣлить на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга разряда: 1) земляныя насыпи или курганы²⁾ и 2) плоскія, сложенные изъ дикаго камня могилы.

Курганы Бѣльскаго и сосѣдняго съ нимъ Соколовскаго (Сѣдл. губ.) уѣздовъ очень рѣдко встрѣчаются единичными экземплярами, но по большей части группами въ 4—30 насыпей. Мною нанесено на карту 19 группъ близъ слѣдующихъ селеній: Верхуца Надбужная, Вулька, Гродискъ, Дрогичинъ (2 группы), Клызовка, Лисова (2 группы), Макарка, Мельникъ, Минчево, Острожаны, Путковицы, Руница, Сады, Цецели и Чарна (2 группы). Изъ этихъ 19-ти группъ я лично изслѣдовалъ 11, раскопавъ въ каждой изъ нихъ отъ одной до 5-ти насыпей³⁾.

Двѣ изъ этихъ группъ я долженъ тутъ-же выдѣлить, какъ неимѣющія ничего общаго съ прочими. Близъ деревни Путковицы мнѣ попалась группа двухъъаршинныхъ кургановъ, изъ кото-

¹⁾ А. В. Шумовскій, въ письмѣ объ этомъ предметѣ къ автору настоящей статьи, справедливо замѣчаетъ, что въ средніе вѣка при сборѣ таможенныхъ пошлинъ ограничивались выдачею на свободный провозъ товаровъ, письменныхъ ярлыковъ, скрѣпленныхъ восковою или другою печатью.

²⁾ Слово *курганъ* здѣсь неизвѣстно. Народъ называетъ ихъ или просто горками или шведскими могилами. Странно, что единственный разъ, когда мнѣ пришлось слышать отъ мѣстныхъ жителей слово *курганъ* (въ дер. Щитахъ), оно было примѣнено не къ насыпямъ, а къ каменнымъ могиламъ.

³⁾ Всего раскопано много 16 кургановъ: 1) въ дер. Заешники (2 версты отъ Дрогичина); 2) въ урочищѣ Волянская Березина (4 версты отъ Дрогичина); 3) въ урочищѣ Гай Лисовскій (двѣ группы въ 6 и 7 верст. отъ Дрогичина); 4) близъ дер. Чарны Великой (25 в. отъ Дрогичина); 5) въ лѣсу г-жи Кучинской, близъ дер. Дражнево, по ту сторону Буга (3 вер. отъ Дрогичина); 6) близъ дер. Путковичи (7 в. отъ Дрогичина).

рыхъ каждый былъ окруженъ вѣнцомъ громадныхъ валуновъ. Въ первомъ-же курганѣ я нашелъ 4 прекрасно сохранившихся скелета; на черепѣ одного изъ нихъ оказались два глубокихъ шрама отъ сабельныхъ ударовъ. Меня сразу озадачило расположеніе труповъ, видимо случайное, такъ какъ они лежали головами въ разныя стороны; затѣмъ отсутствіе неизбѣжныхъ могильныхъ горшковъ. Наконецъ дѣло разъяснилось: найденная при одномъ изъ скелетовъ маленькая серебряная монета 1650 года указала, что этотъ могильникъ принадлежитъ времени шведскихъ войнъ и моровой язвы, обезлюдившей всѣ окрестности Дрогичина. Понятно, что осталось лишь зарыть трупы и прекратить дальнѣйшую раскопку этого могильника. Другая группа, подобная путковицкой, попала мнѣ близъ Мельника; тамъ въ одной безпорядочной кучкѣ были сложены какъ человѣческія, такъ и лошадиныя кости.

Всѣ остальные группы принадлежатъ къ числу доисторическихъ. Онѣ расположены на берегу рѣчекъ и источниковъ, или неподалеку отъ нихъ. Форма кургановъ всегда одна и таже — куполообразная. Вышина отъ 1 до 4-хъ аршинъ; окружность въ 20—50 шаговъ. Средняя вышина 2 аршина, средняя окружность 30 шаговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они были выше. Раскопки производились частью послойно (если курганъ былъ ниже 2-хъ арш.), частью траншеей и доводились всегда до материка. Въ 1888-мъ году я, по совѣту Д. Я. Самоквасова, сдѣлалъ провѣрочную раскопку нѣкоторыхъ прошлогоднихъ работъ, проведя колодезь на 3—4 аршина ниже уровня земли, но ни разу не встрѣчалъ какіе-либо слѣды погребенія.

Общіе признаки изслѣдованныхъ мною кургановъ были слѣдующіе: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ —1 аршина отъ вершины показываются черепки одного или двухъ неполированныхъ горшковъ. Осторожно снявъ, а затѣмъ сметя покрывающій ихъ слой земли, я замѣчаю, что черепки эти очень рѣдко лежатъ вмѣстѣ, одной кучкой, но по большей части разбросаны на довольно большомъ разстояніи; такъ-же разсыяны находившіяся въ нихъ сожженные кости и уголья. Отсюда я вывожу, что горшокъ не былъ раздавленъ тяжестью земли, а разбитъ или разметанъ другими элементарными силами—временемъ или вѣтромъ, а можетъ быть и человѣческой рукой, еще въ то время, когда онъ стоялъ на вершинѣ кургана, послѣ чего, въ теченіи вѣковъ, онъ постепенно покрылся не толстымъ слоемъ земли. Впрочемъ, объ этомъ предположеніи, основанномъ на показаніи Ибнъ-Дасты, мы поговоримъ ниже.

Сравнивая черепки горшковъ, я замѣтилъ, что одни изъ нихъ съ очень толстыми стѣнками, плохо обожженные, повидимому ручной работы и безъ всякихъ украшеній¹⁾. Другіе, напротивъ, лучше выжжены, съ тонкими стѣнками и съ украшеніями въ видѣ параллельныхъ линій или городковъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются черепки двухъ горшковъ, кромѣ человѣческихъ костей попадаются и кости мелкихъ животныхъ, напримѣръ берцовыя птичьи кости, вѣроятно, остатки тризны. Всѣ кости разбиты и совершенно выжжены. Уголь встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, почему нужно полагать, что сожженіе трупа происходило гдѣ-нибудь на сторонѣ, послѣ чего пепель его съ уцѣлѣвшими остатками костей ставился на курганъ, заранѣе насыпанный. Только въ одномъ курганѣ я на самомъ уровнѣ земли нашелъ очень большую кучу угля, перемѣшанную съ землею, между тѣмъ какъ и здѣсь горшокъ съ костями лежалъ только на $\frac{1}{2}$ ар-

¹⁾ Напр. въ плоскихъ и широкихъ курганахъ въ 3-хъ верстахъ отъ Дрогичина, при развѣтвленіи дорогъ въ Дятковичи и въ Семятичи.

шина отъ вершины; должно быть, въ этомъ случаѣ курганъ былъ насыпанъ на самомъ мѣстѣ кострища, изъ котораго предварительно были выбраны остатки трупа.

Во всѣхъ этихъ курганахъ, кромѣ разбитыхъ горшковъ, не найдено никакихъ издѣлій. Единственное исключеніе составляетъ каменный кружокъ изъ обожженной глины, напоминающій формой и величиной обыкновенную рѣпу, съ сквознымъ, круглымъ, искусственнымъ отверстіемъ, найденный въ курганѣ урочища Волянская Березина на глубинѣ 4-хъ аршинъ, т. е. на самомъ материкѣ.

Большинство кургановъ распаивается и засѣвается; съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ всѣ они сравняются съ землею.

Теперь переходимъ къ другому типу могилъ, чрезвычайно своеобразному, а именно къ плоскимъ могиламъ, сложеннымъ изъ дикаго камня, или, короче, къ каменнымъ могиламъ.

О прежнихъ изслѣдованіяхъ этихъ могилъ мы собрали слѣдующія свѣдѣнія: во 1-хъ, помѣщикъ имѣнія Щиты, г. Вевяровскій, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ раскопалъ нѣсколько могилъ въ принадлежащемъ ему урочищѣ Грабнякъ и результаты сообщилъ проф. Ярошевичу, который описалъ ихъ во 2-мъ, оставшемся въ рукописи, изданіи своихъ *Obrazy Litwy*¹⁾.

Во 2-хъ, въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкто Сонгинъ и съ нимъ два 15-ти лѣтнихъ мальчика, Шнейдеръ и Шпилевскій²⁾, раскопали нѣсколько десятковъ каменныхъ могилъ и найденныя вещи распредѣлили поровну между виленскимъ и краковскимъ музеями. Виленскій отдѣлъ, обозначенный въ каталогѣ музея «коллекціей, пожертвованной г. Шнейдеромъ», состоитъ изъ 400 слишкомъ экземпляровъ, частью очень интересныхъ, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія, что въ значительной степени облегчило мою задачу.

Наконецъ, въ 3-хъ, были произведены раскопки каменныхъ могилъ въ сосѣдней съ Бѣльскимъ уѣздомъ Сѣдлецкой губерніи проф. Самоквасовымъ и г. Луневскимъ въ Грембовѣ и г. Эйхлеромъ въ Невядомѣ. Отчетъ о работахъ послѣдняго помѣщенъ въ журналѣ «Kłosy» за 1878 годъ.

Каменные могилы никогда не встрѣчаются отдѣльными экземплярами, а всегда большими кладбищами въ 100, 200 до 500 могилъ.

Приблизительныя границы этихъ могильниковъ слѣдующія: на западъ Венгровскій уѣздъ, Сѣдлецкой губерніи; на сѣверъ Цѣхановецъ, Брянскъ и м. Наревъ; на югъ м. Мельникъ; восточной границы я опредѣлить не успѣлъ. Всѣ они расположены близъ рѣчекъ и источниковъ; убѣдившись въ этомъ, я не разъ находилъ могильники безъ постороннихъ указаній.

Мною отмѣчены каменные могилы близъ слѣдующихъ селеній:

¹⁾ Г-ну Шпилевскому, нынѣ Бѣлостокскому уѣздному врачу, пишущій эти строки обязанъ цѣлымъ рядомъ важныхъ указаній по этнографіи края.

²⁾ Благодаря любезности наследниковъ Ярошевича, я имѣлъ возможность пользоваться этою рукописью, а равно и первымъ изданіемъ того-же сочиненія съ рукописными замѣтками автора. При этомъ случаѣ замѣчу, что когда я, слѣдуя указаніямъ Ярошевича, пріѣхалъ въ Щиты, то ни нынѣшній владѣлецъ имѣнія, сынъ покойнаго Вевяровскаго, ни священникъ, живущій здѣсь около 20 лѣтъ, не могли мнѣ указать этого могильника и очень удивились, когда я имъ на дѣлѣ доказалъ, что груды заросшихъ мхомъ и кустарникомъ камней состоятъ изъ отдѣльных, правильно сложенныхъ могилъ, примыкающихъ одна къ другой общими стѣнками. Вообще розысканіе этого рода могилъ дѣло далеко не легкое, почему я полагаю, что лицамъ, желающимъ продолжать мои раскопки въ дрогицкомъ краѣ, составленная мною археологическая карта будетъ не бесполезна.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губ. Александровка, Андріанка, Баратынецъ Русскій, Баратынецъ Ляшскій, Бацки ближніе, средніе и дальніе, Грабнякъ, Дентелово, Кореневка, Кривая, Крупица, Клюково, Малиново, Мелковица, Наройка, Сады, Скивы, Слохи, Смолюки, Тво-роги, Чарна великая, средняя и церковная, Чартаёво.

Въ Сѣдлецкой губ.: Невядома, Островна и Константиновъ.

Въ общей сложности въ этихъ могильникахъ находится около 3000 могилъ, изъ которыхъ мною изслѣдовано приблизительно 120, въ томъ числѣ въ Чарнѣ Великой 50, а въ прочихъ ¹⁾ по 2—5 могилъ.

При первомъ взглядѣ каменный могильникъ представляется обыкновенно въ видѣ бесплодной, каменистой мѣстности, усаженной кустарникомъ и рѣдкими деревьями, но привычный глазъ немедленно отличить отдѣльныя могилы. Онѣ по большей части имѣютъ форму прямоугольника, длиною въ 3—4 арш. и шириною въ $1\frac{1}{2}$ —3 арш.; иногда встрѣчаются и овальныя могилы тѣхъ-же размѣровъ. Всѣ онѣ совершенно плоскія и если выступаютъ надъ уровнемъ материка, то не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина.

Судя по устройству могилъ, нужно полагать, что обрядъ погребенія былъ слѣдующій:

Мѣсто, выбранное для могилы, обкладывалось большими валунами стоймя, иногда въ видѣ плотной циклопической стѣнки (какъ напр. въ Грабнякѣ и Чарнѣ), или просто въ видѣ вѣнца (напр. въ Мелковицѣ), при чемъ въ головахъ и ногахъ покойника ставился самый большой камень, плоской стороною внутрь. Такимъ образомъ получалось нѣчто въ родѣ плоскаго четырехугольнаго или овальнаго ящика, глубиною въ 1— $1\frac{1}{2}$ арш. Въ большей части случаевъ этотъ ящикъ углублялся на $\frac{1}{2}$ или 1 арш. (въ Чарнѣ на 2 арш.), вырытіемъ могильной ямы, но иногда яма вовсе не дѣлалась. Дно могилы или просто утрамбовывалось, или вымазывалось глиной или, наконецъ, выкладывалось мелкимъ булыжникомъ. На это дно клали покойника съ его приданнымъ, оружіемъ, украшеніями и т. п. Засыпавъ покойника небольшимъ слоемъ земли, ставили ему въ ногахъ (а иногда, кажется, и въ головахъ) глиняный горшокъ съ остатками тризны; затѣмъ забрасывали весь ящикъ обыкновеннымъ булыжникомъ, почти до краевъ каменной стѣны. Очень часто могилы (именно прямоугольныя) устраивались вплотную, одна возлѣ другой. Въ такомъ случаѣ продольныя стѣны дѣлаются общими для двухъ могилъ, такъ что послѣ раскопки двухъ смежныхъ могилъ между ними остается плотно сложенная каменная стѣнка. Благодаря тяжести своего матеріала, каменныя могилы постепенно опустились почти до уровня земли. Что касается содержанія могилъ, то оно пострадало отъ двухъ причинъ: во 1-хъ многія изъ нихъ очевидно ограблены, доказательствомъ чему служить не только отсутствіе въ нихъ какихъ-либо вещей, но и безпорядокъ сохранившихся остатковъ. Такъ, напримѣръ, въ Грабнякскомъ могильникѣ я находилъ куски одного и того-же черепа разбросанными въ разныхъ мѣстахъ могилы; еще чаще встрѣчаются горшечные черепки, разбросанные по всей могилѣ или даже въ каменномъ покровѣ. Во 2-хъ, благодаря самому устройству могилы, атмосферныя вліянія, въ большей части случаевъ, или совершенно уничтожили костякъ и металлическіе предметы, или оставили отъ нихъ только немногіе слѣды. Ни въ одной языческой могилѣ не найдено мною вполне сохра-

¹⁾ А именно: въ Наройкѣ (11 верстъ отъ Дрогичина), Кореневкѣ (10 верстъ отъ Дрогичина), Крупицѣ (9 верстъ отъ Дрогичина), Грабнякѣ (15 верстъ отъ Бѣльска и 64 в. отъ Дрогичина), Клюковѣ (8 вер. отъ Дрогичина), Мелковицѣ (9 в. отъ Дрогичина) и Александровкѣ или Радзивиловкѣ (35 в. отъ Дрогичина).

нившагося скелета. Обыкновенно находились лишь части черепа ¹⁾ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, небольшія части костей верхнихъ или нижнихъ конечностей. Такимъ образомъ первоначальное положеніе костяковъ осталось гадательнымъ.

Всѣ каменные могильники очень сходны между собой, а потому я опишу только одинъ изъ нихъ, такъ называемую «Каменицу» ²⁾ близъ деревни Чарны Великой, въ 25-ти верстахъ отъ Дрогичина и въ 5-ти отъ почтовой станціи Дятковичи.

Въ полуверстѣ отъ деревни, среди пахатнаго поля, возвышается небольшой холмъ, занимающій площадь въ десятину и представляющійся издали громадной кучей дикаго камня. Вся средняя, древнѣйшая часть могильника скрыта подъ десятипудовыми хаотически нагроможденными валунами, изъ которыхъ одни лежатъ совершенно свободно и теряютъ равновѣсіе при малѣйшемъ прикосновеніи, а другіе съ трудомъ выворачиваются помощью саженнаго рычага.

Чѣмъ ближе къ подножію холма, тѣмъ явственнѣе выступаютъ очертанія могилъ и, наконецъ, на окраинѣ его онѣ лежатъ правильными рядами, едва покрытыя мхомъ.

Я началъ раскопку съ этихъ послѣднихъ могилъ, несомнѣнно новѣйшихъ. Порядокъ раскопки здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ каменныхъ могилахъ, былъ слѣдующій: расшатанный и вывороченный ломомъ булыжникъ выбрасывается изъ могилы, стѣнки которой остаются нетронутыми; затѣмъ вынимаемая тонкими слоями, помощью заступа, земля бережно складывается небольшими кучками на краю могилы, гдѣ крестьянскія дѣти ее немедленно перетираютъ и просѣиваютъ; наконецъ съ первыми признаками погребенія начинается ручная работа. Я раскопалъ на подножіи холма 5 могилъ и во всѣхъ случаяхъ нашелъ одно и тоже: хорошо сохранившійся костякъ, лежащій на спинѣ, головою на В. (т. е. лицомъ на В.), съ протянутыми вдоль бедръ руками; въ ногахъ скелета раздавленный отъ тяжести камня горшокъ съ тонкими стѣнками и узорами въ видѣ параллельныхъ линий, а среди черепковъ какую-то жирную на ощупь земляную массу. Полное отсутствіе какихъ-либо издѣлій (за исключеніемъ горшковъ), сохранность и положеніе костяковъ, наконецъ вырѣзанный на одномъ изъ изголовныхъ камней маленькій крестъ наводятъ меня на мысль, что эта часть «каменицы» принадлежитъ переходному къ христіанству періоду, когда жители, принявъ крещеніе, продолжали хоронить покойниковъ на своемъ древнемъ языческомъ кладбищѣ и, рядомъ съ христіанскимъ обрядомъ погребенія, еще сохранили обычай дѣлиться съ покойникомъ остатками трапезы и закладывать его могилу не землей, а камнемъ.

Послѣ этого я принялся за раскопку могилъ на средней, древнѣйшей и очевидно дохристіанской части Чарнской каменицы, частью уже изслѣдованной въ 1862-мъ году Сонгинымъ и его спутниками. Найденныя ими вещи я видѣлъ въ Виленскомъ музеѣ и потому приблизительно зналъ напередъ, что найду самъ. Двое изъ моихъ рабочихъ принимали личное участіе въ раскопкахъ 62-го года и могли помнить, которыя могилы изслѣдованы и которыя нѣтъ. Но, противъ моего ожиданія, работы моихъ предшественниковъ не только не облегчили, но, напротивъ, усложнили мой трудъ. Съ одной стороны, часть каменицы, какъ сказано выше, оказалась покрытою гру-

¹⁾ Только въ двухъ случаяхъ я нашелъ цѣльные черепа безъ нижнихъ челюстей; одинъ изъ нихъ принадлежитъ, повидимому, къ разряду долихоцефаловъ.

²⁾ Съ чарнской каменицей мѣстное повѣрье связываетъ нечистую силу. Въ темныя ночи надъ ней появляются блуждающіе разноцвѣтные огоньки, души поганныхъ (языческихъ) покойниковъ.

дами тяжеловѣсныхъ камней, вынутыхъ изъ могилъ, такъ что для очистки поверхности каждой могилы пришлось поднимать и затѣмъ откатывать эти камни. Съ другой стороны, Сонгинъ, очищая какую-либо могилу отъ мелкаго булыжника, выбрасывалъ его въ лежащую рядомъ изслѣдованную уже могилу, затѣмъ изъ 3-й могилы во 2-ю и т. д., такъ что всѣ онѣ получали снова видъ дѣвственныхъ могилъ. Вслѣдствіе этого мнѣ неоднократно приходилось наткаться на могилы, уже опустошенныя моими предшественниками. Кромѣ того я здѣсь, какъ и во многихъ другихъ могильникахъ, находилъ явственные слѣды еще болѣе древняго разграбленія. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать въ этомъ могильникѣ значительное число почти всѣхъ образцовъ предметовъ, встрѣчающихся въ этого рода могилахъ Бѣльскаго уѣзда.

О большей части этихъ предметовъ, а именно о топорахъ, ножахъ, кресалахъ, пряслицахъ, стекляныхъ бусахъ, неспаянныхъ бронзовыхъ кольцахъ, точильныхъ брускахъ и т. д., сходныхъ съ найденными въ дрогичинскомъ городищѣ, я уже говорилъ выше. Теперь остается сказать о тѣхъ вещахъ, которыя, сколько мнѣ извѣстно, составляютъ спеціальность каменныхъ могилъ и нигдѣ, кромѣ нихъ, не встрѣчаются.

Сюда относятся прежде всего оригинальныя по своей формѣ довольно большія и толстыя кольца, сдѣланныя частью изъ чистаго серебра, частью изъ накладнаго на мѣди серебра (табл. II, рис. 27). Изъ обоихъ несходящихся концовъ одинъ совершенно тупой; другой конецъ загнутъ назадъ и оканчивается завитушкой, сквозь которую продѣвался шнурокъ. Между прочимъ пять такихъ колецъ были найдены связанными однимъ шнуркомъ, который тутъ-же распался, но на двухъ кольцахъ эти шнурки сохранились на столько хорошо, что, по тщательному ихъ изслѣдованію помощью микроскопа, оказалось возможнымъ опредѣлить ихъ пряжу, а именно льняную.

Такъ какъ, вслѣдствіе совершеннаго разложенія костяковъ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить первоначальное положеніе, а слѣдовательно и назначеніе этихъ колецъ, то остается лишь предположить, что цѣлый рядъ такихъ колецъ, связанный шнуркомъ, служилъ женскимъ головнымъ украшеніемъ, причемъ въ каждое кольцо, чрезъ довольно широкое боковое отверстіе, влагалась отдѣльная прядь или косичка волосъ; впрочемъ предположеніе это остается гадательнымъ, пока оно не подтвердится болѣе точными данными.

Другую типическую особенность каменныхъ могилъ составляютъ массивныя, неспаянныя и заостренныя на концахъ кольца (табл. II, рис. 30), скованныя изъ двухъ толстыхъ серебряныхъ проволокъ и формою напоминающія серебряныя запястья, находимыя въ другихъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ извѣстный мнѣ браслетъ, найденный въ Луцкѣ и принадлежащій г-жѣ Уструговой.

Затѣмъ отмѣчу еще прекрасно сохранившуюся массивную бронзовую фибулу, съ рѣзными арабесками, совершенно сходную съ найденною въ дрогичинскомъ городищѣ.

Во всѣхъ прочихъ могильникахъ повторяются тѣ-же вещи, что и въ Чарнѣ Великой ¹⁾. Только въ одномъ могильникѣ, близъ деревни Кореневки, я нашелъ три вида бусъ, которыхъ не встрѣчалъ въ другихъ могилахъ:

¹⁾ Въ чарнскомъ могильникѣ я нашелъ только одинъ родъ предметовъ, какихъ не встрѣчалъ нигдѣ: бронзовые, плоскіе браслеты, съ загнутыми въ видѣ завитушекъ концами и съ узоромъ въ видѣ простыхъ городковъ. (Всего 2 экземпляра).

Во 1-хъ, большія серебряныя бусы, внутри пустыя, довольно искусной филиграновой работы (см. прилаг. рис. № 12).

Во 2-хъ, такія-же бусы, нѣсколько меньшія, нанизанныя на мѣдную проволоку (см. прилаг. рис. № 13).

№ 12.

№ 13.

Въ 3-хъ, большія продолговатыя каменныя бусы, съ выпуклымъ рисункомъ (ср. табл. II, рис. 34). Обломки филиграновыхъ бусъ, совершенно сходныхъ съ корневскими, а равно такія-же каменныя бусы, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, найдены мною и въ дрогичинскомъ городищѣ. Вообще сравненіе вещей, найденныхъ въ каменныхъ могилахъ и въ Дрогичинѣ, приводитъ къ заключенію, что и тѣ и другія принадлежали одному племени и вѣку. Если же въ дрогичинскомъ городищѣ замѣчается почти совершенное отсутствіе серебра и вообще цѣнныхъ вещей, то это объясняется судьбой этого города, неоднократно погибавшаго отъ раззоренія и разграбленія.

V.

Число, расположеніе и содержаніе каменныхъ могилъ даютъ намъ возможность высказать нѣсколько общихъ соображеній о прежнихъ жителяхъ Бѣльскаго уѣзда.

Каменные могилы расположены группами, кладбищами, въ сотню и болѣе могилъ. Въ настоящее время такихъ кладбищъ насчитывается нѣсколько десятковъ, а прежде число ихъ было, безъ сомнѣнія, еще больше. Слѣдовательно край этотъ въ данное время былъ густо населенъ. Такое густое населеніе было обязательно осѣдное и земледѣльческое. Селенія его были расположены на берегу рѣчекъ и источниковъ. Оно, повидимому, не отличалось воинственностью ¹⁾, но было настолько зажиточно, что могло пріобрѣтать не только необходимыя въ крестьянскомъ быту желѣзныя орудія ²⁾, но и предметы роскоши ³⁾. Судя по этимъ вещамъ, населеніе этого края принадлежало къ одному племени съ современными ему жителями Дрогичина. Наконецъ есть основаніе полагать, что оно жило на самомъ рубежѣ язычества и христіанства ⁴⁾.

Отъ общихъ вопросовъ перейдемъ къ частнымъ. Какому племени могли принадлежать каменные могилы Бѣльскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи?

Славянскому или литовскому, потому что третій претендентъ на эти могилы не мыслимъ. Если литовскому, то Ятвягамъ; если славянскому, то Славяноруссамъ.

Начнемъ съ Ятвяговъ.

Ятвяги принадлежали къ прусской отрасли литовскаго племени. Въ половинѣ 13-го вѣка они жили въ западной части нынѣшней Гродненской губерніи, въ прилегающихъ къ ней уѣздахъ

¹⁾ Мы ни разу не встрѣчали въ каменныхъ могилахъ какихъ-либо специально боевыхъ орудій—мечей, копій, стрѣлъ.

²⁾ Топоры, малые ножи, кресала, гвозди.

³⁾ Серебряныя кольца, серебряныя и стекляныя бусы, бронзовыя браслеты, фибулы, кольца и т. п.

⁴⁾ Могилы съ признаками христіанскаго погребенія на окраинахъ (новѣйшей части) каменницы въ Чарнѣ Великой; каменные могилы въ центрѣ (древнѣйшей части) стариннаго православнаго кладбища близъ села Александровки; крестообразныя украшенія и древне-византійскіе крестики въ дрогичинскомъ городищѣ.

Сѣдлецкой, Ломжинской и Сувалской и въ юго-восточномъ углу Пруссіи, словомъ тамъ, гдѣ въ настоящее время соприкасаются четыре національности: русская, польская, литовская и нѣмецкая.

О Ятвягахъ, игравшихъ немаловажную роль въ исторіи юго-западной Руси, Польши и Тевтонскаго ордена, писано очень много, въ особенности польскими историками. Изъ нихъ Ярошевичъ совершенно основательно считаетъ ихъ Литовцами. Нарушевичъ видитъ въ нихъ потомковъ языговъ и предковъ цыганъ, на томъ основаніи, что если спросить цыгана: «кто ты?», то получится отвѣтъ: «я цыганъ», значитъ «языгинъ». Войцицкій, напротивъ, считаетъ Ятвяговъ потомками Кимвровъ. Доминикъ Шульцъ, основываясь на найденномъ въ Кенигсбергѣ экземплярѣ хроники Богуфала, гдѣ вмѣсто «Getharum seu Prussarum genus» по ошибкѣ сказано «*Lehitarum* seu Prussarum genus», рѣшаетъ, что Ятвяги были Лехиты, т. е. Поляки. Всѣ эти и, имъ подобныя, далеко не вѣскія и не научныя, мнѣнія повели къ тому, что г. Кулаковский авторъ «Замѣтокъ о Гродненской губерніи»¹⁾, пришелъ къ заключенію, что истину нужно искать въ чемъ-то *среднемъ* (sic), то есть что происхожденіе Ятвяговъ неизвѣстно. Это странное *среднее* мнѣніе не осталось безъ послѣдствій. Такъ напр. проф. Замысловскій, основываясь на статьѣ Кулаковскаго, не рѣшается высказать свое личное мнѣніе о происхожденіи Ятвяговъ, говоря, что по мнѣнію *нѣкоторыхъ* историковъ, Ятвяги были литовскаго племени²⁾.

Между тѣмъ вопросъ о національности Ятвяговъ, запутанный мудрствованіями польскихъ ученыхъ, не представляетъ никакихъ затрудненій. Современникъ Ятвяговъ, краковскій епископъ Викентій Кадлубекъ (а за нимъ и Богуфалъ въ вѣрныхъ спискахъ), говоритъ совершенно ясно: sunt Pollexiani (Ятвяги) Getharum seu Prussarum genus³⁾. Польскіе лѣтописцы 15-го и 16-го столѣтія выражаются не менѣе опредѣленно, а именно *Длугошъ* (†1483): Est autem Iaczwingorum natio...cum Pruthenia et Lithuania habens magna ex parte similitudinem. Матвѣй изъ Мѣхова (†1523): Quatuor erga gentes: Pruteni, Iaczwiazi, Lithuani cum Samogitis et Lotihali habent propria *linguagia*, valde in paucis consonantia et convenientia. Подъ словомъ *linguagia* въ данномъ и другихъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шёгрень, нужно разумѣть не языки, а нарѣчія, говоры. Вообще вопросъ о литовскомъ происхожденіи Ятвяговъ послѣ сочиненія Шёгрена⁴⁾ можно считать исчерпаннымъ.

Что касается мѣстопробыванія Ятвяговъ, то всѣ изслѣдователи, какъ русскіе, такъ и польскіе⁵⁾, утверждаютъ, что въ послѣдній періодъ своей самостоятельности, то есть въ 13-мъ вѣкѣ, Ятвяги жили на сѣверъ отъ Нарева, но что въ болѣе древнее время владѣнія Ятвяговъ простирались и на югъ отъ этой рѣки, по всему Подлѣсью, значитъ и въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Такъ Нарушевичъ, Нарбутъ, Дом. Шульцъ, гр. Тышкевичъ, основываясь на *Длугошѣ*, *Мѣховитѣ*, обоихъ *Бѣльскихъ* и *Стрыйковскомъ*, вполне убѣждены, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею Ятвяговъ. Ярошевичъ хотя и высказываетъ предположеніе, что Дрогичинъ основанъ Ярославомъ Мудрымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что дрогичская земля завоевана Яросла-

¹⁾ См. Этнографическій сборникъ Имп. Географ. Общества, вып. III, стр. 78.

²⁾ Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи проф. Замысловскаго, стр. 27. Г. Андриашевъ (Очеркъ исторіи волынской земли, стр. 38) повидимому также сопоставляетъ Ятвяговъ съ Литовцами, говоря «Ятвяги и Литовцы», слѣдовательно не признаетъ первыхъ вторыми.

³⁾ Mag. Vincentii Chr. Polon., стр. 201.

⁴⁾ Ueber die Wohnsitze etc., стр. 167—168.

⁵⁾ За исключеніемъ г. Кулаковскаго.

вомъ у Ятвягонъ. Шёгрень ¹⁾, доказавъ, что ятвяжскія селенія, перечисленныя въ Ипатской лѣтописи, нужно искать въ прусской Судавіи, тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что болѣе раннее отечество Ятвяговъ было въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Подлѣсьѣ и части Подляхій. То-же мнѣніе раздѣляютъ гг. Барсовъ, Андріашевъ ²⁾ и Антоновичъ, изъ которыхъ послѣдній говоритъ, что поселенія Ятвяговъ, примыкая къ южнымъ окраинамъ собственной Литвы, *узкимъ и длиннымъ клиномъ* простирались между Мазовшанами и Дреговичами, достигая Зап. Буга и вверхъ по теченію этой рѣки до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княжества ³⁾. Наконецъ проф. Замысловскій (на этотъ разъ несогласный съ Кулаковскимъ) въ своемъ историческомъ атласѣ отводитъ Ятвягамъ большое пространство на лѣвомъ берегу Буга и Нарева, оканчивающееся на югѣ клиномъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ мнѣніе о первоначальномъ заселеніи Ятвягами дрогицкаго края или нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда можно считать общепринятымъ. Съ такимъ мнѣніемъ не согласенъ, сколько намъ извѣстно, только одинъ г. Кулаковскій ⁵⁾. Ссылаясь на Шафарика ⁶⁾, онъ вѣритъ, что Геродотовы Невры и Тацитовы Нагарвалы жили на Наревѣ и Нурцѣ, что и тѣ и другіе были Славяне и что слѣдовательно юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи уже до Рожд. Христова была заселена Славянами. Затѣмъ, основываясь на свидѣтельствѣ нашей лѣтописи и хроники *Кадлубка*, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: во 1-хъ, что земли на югъ отъ Нарева до Зап. Буга въ XIII, XII и отчасти въ XI столѣтіяхъ принадлежали русскимъ

¹⁾ Ueber die Wohnsitze и т. д., стр. 168. Хотя въ данномъ случаѣ не обозначено, что именно авторъ разумѣетъ подъ словомъ *Подляхія*, но можно полагать, что онъ имѣетъ въ виду районъ позднѣйшаго подлесскаго воеводства, въ составъ котораго съ 16-го вѣка входилъ и Бѣльскій уѣздъ.

²⁾ Г. Барсовъ (Очерки исторической географіи, стр. 40) основываясь, главнымъ образомъ, на географическомъ распространеніи мѣстностей съ именами, производными отъ имени народа, такъ опредѣляетъ границы первоначальныхъ (до первой половины XI в.) поселеній Ятвяговъ: «они находились между собственной Русью, Червенскими городами и Ляхами, съ одной стороны, и Литвой—съ другой; между старославянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припяти и Зап. Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Вилин; т. е. они занимали тогда пространство по Нѣману и его южнымъ притокамъ Молчади, Шары, Зельвы, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Припятью и Побужьемъ на сѣверо-западѣ, до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе.

Г. Андріашевъ (Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV стол., стр. 39), изъ сочиненія котораго мы заимствовали вышеозначенную цитату, говоритъ, что «Ятвяги занимали (до вытѣсненія ихъ Славянами) территорію къ югу отъ Литовцевъ, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана—Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи и затѣмъ страну между Зап. Бугомъ и Припятью до самаго волынскаго рубежа». Въ доказательство такой пограничной линіи авторъ приводитъ слѣдующія соображенія: Владиміръ въ 983 г. въ первый разъ столкнулся съ Ятвягами; въ 988 году, при распредѣленіи удѣловъ, въ первый разъ является городъ Владиміръ; *если предположить*, что г. Владиміръ основанъ немного раньше этого столкновенія, что очень вѣроятно, если принять во вниманіе, что въ 981 г. были присоединены Червенскіе города и Владиміру нужно было выставить противовѣсъ сильному Червну, то ясно будетъ, что походъ на Ятвяговъ *предпринятъ былъ въ защиту г. Владиміра, и что они жили очень недалеко отъ него*; а такъ какъ извѣстно, что лѣвое побережье Буга занимала территорія Червенскихъ городовъ, и по Припяти жили Дреговичи, то Ятвягамъ остается только середина между ними.

Оба эти мнѣнія, разняющіяся не столько въ географическихъ границахъ, отводимыхъ Ятвягамъ, сколько въ самыхъ доводахъ, построены на шаткихъ основаніяхъ. Ниже мы скажемъ, почему названія урочищъ, производныя отъ имени Ятвяговъ, не могутъ служить для опредѣленія ихъ первоначальныхъ селитѣль. Что касается мнѣнія г. Андріашева, то оно основано исключительно на очень смѣлыхъ предположеніяхъ.

³⁾ Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи Антоновича. Т. I, стр. 9.

⁴⁾ Учебный атласъ по русской исторіи, изд. 1887 г.; карта восточной и средней Европы (862—1054).

⁵⁾ Замѣтки о зап. части Гродн. губ. въ Этнограф. сборникѣ Имп. Геогр. Общ. Вып. III.

⁶⁾ Славянскія древности, пер. Бодянского стр., 322.

князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ; во 2-хъ, что касается (мнимой) столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то съ самого появленія его до времени распространенія надъ Русью господства Литовцевъ нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить въ немъ господство Ятвяговъ.

Послѣднее положеніе совершенно справедливо: исторія дѣйствительно не даетъ намъ никакихъ указаній на время, въ которое Ятвяги владѣли дрогицкимъ краемъ¹⁾.

Исторія Дрогичина извѣстна съ 1142 года.

Съ этого времени до уничтоженія Ятвяговъ онъ ни разу не бывалъ въ ятвяжскихъ рукахъ. Еще ранѣе, въ 1102 г., русскіе князья ведутъ междоусобную войну на Нурѣ²⁾, на сѣверъ отъ Дрогичина; слѣдовательно край этотъ принадлежалъ имъ. Въ X и XI столѣтіяхъ Владиміръ Св. и сынъ его Ярославъ Мудрый ходили на Ятвяговъ, но куда именно — лѣтопись не говоритъ. Въ 1058 г. «Побѣди Изяславъ Голядь»³⁾, а такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что Голядь или древніе Галинды жили въ юго-восточной Пруссіи, и полагаемъ, что они едва-ли отдѣлялись отъ Руси враждебнымъ къ послѣдней племенемъ Ятвяговъ, то заключаемъ, что послѣдніе не жили въ это время на югъ отъ Голяди, то есть на лѣвомъ берегу Нарева.

Выше мы упомянули, что Ярошевичъ, который вѣритъ въ изрѣченіе Длугоша, послужившее основой для позднѣйшихъ сказаній о ятвяжскомъ Дрогичинѣ, высказалъ предположеніе, будто Ярославъ, побѣдивъ Ятвяговъ, заселилъ русскими колонистами землю на югъ отъ Нарева и при этомъ случаѣ основалъ Дрогичинъ, Бѣльскъ и проч. Другіе изслѣдователи или довольствовались комментированіемъ его гипотезы или же предлагали свои собственныя. Но всѣ они исходятъ изъ одного положенія: первоначально Ятвяги жили на лѣвомъ берегу Нарева, а затѣмъ были оттиснуты на правый, гдѣ вскорѣ и погибли.

Посмотримъ теперь, откуда пошло начало этого положенія: *Длугошъ* говоритъ: *Gens Iaczwingorum....cujus principalis et metropolis arx Drohiczyn*. Матвѣй *Мѣховита*, пользовавшійся

¹⁾ Г. Андріашевъ (Очеркъ ист. вол. земли, стр. 42), не ограничиваясь точнымъ опредѣленіемъ ятвяжскихъ границъ до выселенія ихъ за Наревъ, пытается даже опредѣлить это отступленіе по годамъ. «Въ 1227 году», говоритъ онъ, «Ятвяги воюютъ въ окрестностяхъ Берестя; въ 1229 г. Данилъ и Василько, идя на помощь къ Конраду Мазовецкому, оставляютъ Владиміра Пинскаго съ Берестянами и Угровчянами стережъ землю отъ Ятвяговъ. Въ 1248 г. Василько бьется съ Ятвягами у дрогичинскихъ воротъ, слѣдовательно, на границѣ, но уже въ 1250 г. Конрадъ и Василько воротились изъ похода на нихъ, съ Нура и въ слѣдующемъ году грабили Ятвяжскую землю за Наревомъ и Лыкомъ, т. е. въ самой глубинѣ прусскихъ болотъ». Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что въ 1248 году «воеваша Ятвязѣ около *Охоже* и *Бусовна* и всю страну ту поплѣниша, и еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ. Гна-же по нихъ Василько изъ Володимѣря, угони е, и бывшу ему третій день изъ Володимеря в Дрогичинѣ» и т. д. (Ип. лѣт. 531). Этихъ немногихъ словъ достаточно для опроверженія теоріи г. Андріашева. По его словамъ выходитъ такъ: въ 1227 г. Ятвяги живутъ еще въ окрестностяхъ Бреста; въ 1229 г. походъ на Ятвяговъ начинается съ Бреста, значитъ ихъ уже тамъ нѣтъ; въ 1248 году пограничнымъ городомъ является Дрогичинъ, и, спустя два года, Ятвяговъ нужно искать уже за Наревомъ; словомъ тутъ мы видимъ четыре слѣдующихъ одинъ за другимъ этапа. Между тѣмъ такихъ этаповъ въ дѣйствительности не было. Въ 1246 г. (по лѣт. въ 1248 г.) Ятвяги являются южнѣе, чѣмъ въ 1227 и 1229 годахъ, а именно: въ Холмской землѣ подъ самымъ Владиміромъ и терпятъ пораженіе подъ Дрогичиномъ уже во время отступленія. Вообще было бы слишкомъ неосторожно опредѣлять границы Ятвяжскихъ земель по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они упоминаются въ лѣтописи въ качествѣ гостей-грабителей.

²⁾ «Перьлѣсти Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, ятъ и на *Нури* и приведе къ отцю Святополку». Ип. Лѣт., стр. 181.

³⁾ Ип. лѣт., стр. 114.

Длугошемъ, выражается такъ: (Iaczwingi), qui circa castrum Drohiczin inhabitant, et pauci supersunt. Кроме того, оба Бѣльскіе, Стрыйковскій, а равно всѣ польскіе и русскіе историки заимствовали свои показанія о первоначальномъ мѣстопребываніи Ятвяговъ у *Длугоша* и *Мѣховиты*. Длугошъ жилъ во 2-й половинѣ 15-го вѣка, цѣлыхъ два столѣтія послѣ уничтоженія Ятвяговъ или, точнѣе, послѣ окончательнаго покоренія ихъ края сосѣдями. Онъ могъ заимствовать свои свѣдѣнія изъ трехъ источниковъ: письменныхъ, устныхъ и, наконецъ, изъ личнаго знакомства съ остатками Ятвяговъ.

Извѣстные намъ письменные источники, изъ которыхъ главные — русская лѣтопись и хроника Кадлубка, ничего не знаютъ о ятвяжскомъ Дрогичинѣ. Пользовался-ли Длугошъ иными, затерянными и намъ неизвѣстными, письменными источниками — весьма сомнительно. Напротивъ, подобно тому, какъ Нибуръ, живя 18-ю столѣтіями позже Ливія, зналъ лучше его источники древнѣйшей римской исторіи, такъ и мы, живя позже *Длугоша*, владѣемъ бѣльшимъ чѣмъ онъ числомъ источниковъ по предшествовавшей его времени исторіи. У насъ есть акты, которыхъ онъ не зналъ, есть критика, съ которой онъ не былъ знакомъ. Весьма вѣроятно, что онъ, подобно другимъ лѣтописцамъ (хотя конечно не такъ часто, какъ напр. Стрыйковскій), обладалъ въ форму категорическаго утвержденія нѣкоторыя изъ слышанныхъ имъ устныхъ преданій и, можетъ быть, къ такимъ преданіямъ принадлежитъ и ятвяжскій Дрогичинъ. Если это такъ, то какимъ образомъ могло родиться подобное преданіе?

Для рѣшенія этого вопроса мы пользуемся путемъ сравненія. Въ Московской и Ярославской губерніяхъ народъ до настоящаго времени называетъ доисторическіе (мерянскіе) курганы *панками* или *панскими могилами*¹⁾, въ Германіи такіе-же доисторическіе курганы называются безразлично *Hünen-* или *Schwedengräber*; въ предѣлахъ всей бывшей Рѣчи Посполитой большинство всѣхъ каменныхъ развалинъ приписывается королевѣ Бонѣ, а доисторическія могилы *Шведамъ*. Такимъ образомъ мы видимъ вездѣ одно и тоже явленіе: народная память смутно сохраняетъ событія, происходившія два-три вѣка назадъ, и связываетъ съ ними событія или предметы гораздо древнѣйшіе. Древніе Меряне забыты, но пановъ Поляковъ смутнаго времени народъ еще помнитъ; забыты Ятвяги и другіе еще болѣе древніе народы, хоронившіе своихъ покойниковъ по языческому обряду, но памятны Шведы 17-го вѣка²⁾.

За два вѣка до *Длугоша* Ятвяги были грозой дрогичкаго края. Мы знаемъ, что набѣги ихъ простирались до Владиміра Волынскаго, до Холма и Люблина; понятно, что нападенія на дрогичскую землю, отдѣлявшуюся отъ нихъ однимъ Наревомъ, повторялись еще чаще. Здѣсь, подѣ стѣнами Дрогичина, они въ 1246 г., послѣ неудачнаго набѣга на стольный городъ Владиміръ, были разбиты Василькомъ Романовичемъ. Дрогичинъ-же былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ и польскихъ князей, когда они, пользуясь замерзаніемъ неприступныхъ ятвяжскихъ болотъ, собиравшись въ походъ противъ неугомонныхъ разбойниковъ Ятвяговъ. Въ дрогичинскій дѣтинецъ спасались окрестные жители при первомъ слухѣ о приближеніи Ятвяговъ. Тутъ-же по близости селились

¹⁾ Гр. Уваровъ: «Меряне по курганнымъ раскопкамъ».

²⁾ Образчикомъ того, какъ зараждаются преданія, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Когда я началъ раскопку каменныхъ могилъ и кургановъ, про меня пошелъ слухъ, что я ищу золотую корону шведскаго короля, зарытую въ одной изъ этихъ могилъ. На слѣдующій годъ народъ уже рѣшилъ, что корону я нашелъ и теперь добираюсь до золотого гроба того-же короля. Этотъ слухъ встрѣчалъ и провожалъ меня въ каждой деревнѣ и, не смотря на всѣ мои протесты, не мало облегчилъ мнѣ наемъ рабочихъ.

плѣнные или мирные Ятвяги, а потомъ, когда край ихъ былъ завоеванъ Тевтонскимъ орденомъ, и бѣгле, спасшіеся отъ крещенія огнемъ и мечемъ, остатки этого племени. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, если *Муховита*, а передъ нимъ *Длугошъ*, застали близъ Дрогичина небольшое число (*quorum et pauci supersunt*) потомковъ этихъ плѣнныхъ, замиренныхъ или бѣглыхъ Ятвяговъ.

По поводу бѣглыхъ Ятвяговъ мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе отъ начатаго нами вопроса. Лѣтописецъ рассказываетъ, какъ въ 1276 г. «придоша Пруси ко Тройденови и(зъ) своей земли неволею передъ Нѣмци; он(ъ) же приа ѣ к собѣ и посади часть и(хъ) в Городнѣ, а часть ихъ посади во Вѣслонимѣ»¹⁾. Какъ въ слѣдующемъ 1277 г., при нападеніи русскихъ князей на Гродно, «Пруси и Бортове», (воспользовавшись оплошностью Русскихъ, улегшихся спать безъ доспѣховъ) «выѣхавше из города, удариша на нѣ ночь и избивша ѣ всѣ»²⁾. Одновременно съ Бартами (лѣтоп. Бортове) бѣжали отъ Нѣмцевъ и прочіе Прусы, слѣдовательно, какъ нужно полагать, Варми (лѣтоп. Варвы), Галинды (Голядь) и Судава (Ятвяги). Голяди и Ятвягамъ ближе всего было спастись черезъ Бобръ въ нынѣшнюю Гродненскую губернію, гдѣ слѣды ихъ сохранились. Часть Голяди еще раньше была выселена на рѣку Пороть (въ Смоленской губ.), гдѣ мы ее встрѣчаемъ въ 1147 году³⁾. Но остатки этого племени мы видимъ въ нынѣшнихъ Галиндахъ, живущихъ на берегу рѣчки Каменки, впадающей въ Бобръ⁴⁾. Что касается ятвяжскихъ слѣдовъ, то они, какъ уже замѣчено Нарбутомъ, Ярошевичемъ и многими другими, сохранились въ селеніяхъ и урочищахъ⁵⁾, самыя названія которыхъ доказываютъ, что они принадлежали не кореннымъ жителямъ, а поселенцамъ⁶⁾. Едва-ли можно сомнѣваться, что всѣ эти поселенія принадлежали бѣглымъ, спасшимся отъ Нѣмцевъ, Ятвягамъ, нашедшимъ пріютъ у Литовскихъ великихъ князей. Нарбутъ⁷⁾ видѣлъ на паперти церкви въ Скидели (между Гродной и Щучинымъ) обломокъ служившаго для сидѣнія бревна, на которомъ была вырѣзана церковно-славянскими буквами слѣдующая надпись: «....авникъ варфоломей к. с. хрещенію п.... поганъ Ятвяговъ живущихъ безъ.... божего нароженія 1550» (индикта). Стрыйковскій, издавшій свою хронику въ 1582 году, рассказываетъ (стр. 181), что въ его время Ятвяги жили около Новогрудка, Райгорода, Инстербурга, въ Курляндіи и въ витебскихъ Инфлянтахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ послѣднихъ Ятвяговъ, еще сохранившихъ свое племенное названіе, только небольшое число оставалось дома (въ Инстербургѣ, Райгородѣ) или вернулось домой; всѣ прочіе остатки этого племени являются въ 16-мъ вѣкѣ разбросанными на чужбинѣ, невольными или добровольными поселенцами.

¹⁾ Ип. лѣт., стр. 577. ²⁾ Ип. лѣт., стр. 579. ³⁾ Ип. лѣт., стр. 240.

⁴⁾ Свящ. Германъ Тыминскій сообщилъ намъ, что Галинды и Шкоць, жители обоихъ береговъ этой рѣчки принадлежатъ къ одному приходу и говорятъ однимъ и тѣмъ-же бѣлорусско-польскимъ нарѣчіемъ, но вѣчно враждуютъ между собой и ни за что не вступаютъ въ родство. Вообще фамиліи Галинда, Голенда и Иленда весьма распространены по Бѣлост. и Сокольскому уѣздамъ.

⁵⁾ Въ Лидскомъ у. Виленской губ., между Щучинымъ и Каменкой, двѣ деревни: Ятвескъ польскій и Ятвескъ русскій; въ Восковскомъ у., въ 7-ми верстахъ отъ Свислочи, село Ятвескъ; въ Бѣлостокскомъ у. на берегу р. Березовой, близъ Суходоля, двѣ деревни: большой и малый Ятвескъ; въ Августовскомъ у. также есть деревня Ятвескъ.

⁶⁾ Самъ Ятвягъ никогда не называлъ-бы свое село Ятвескомъ или Ятвежемъ; такія названія могли дать только другіе, Русскіе или Поляки; ятвяжское названіе этихъ селеній было, конечно, другое, собственное, а не нарицательное.

⁷⁾ Tygodn. Wil. 1817. Т. III. стр. 62, 63.

Къ числу такихъ поселенцевъ принадлежали, можетъ быть, и тѣ немногіе Ятвяги, которыхъ засталъ Мѣховита близъ Дрогичина. Но какъ они попали туда? Не при томъ-ли литовскомъ князѣ Тройденѣ, который въ 1274 г. напалъ на Дрогичинъ, взявъ его штурмомъ и избилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика? Взявъ подъ свое покровительство Прусовъ (слѣдовательно и Ятвяговъ), онъ, какъ мы видѣли, поселилъ ихъ въ Гроднѣ и Слонимѣ; можетъ быть, нѣкоторая часть ихъ была поселена и на развалинахъ Дрогичина. И такъ, если предположить, во 1-хъ, что тѣ доисторическіе и сохранившіеся по нынѣ курганы, которые народъ называетъ *шведскими* могилами, по аналогической причинѣ во времена *Длугоша* назывались *ятвяжскими* могилами, и во 2-хъ, что онъ засталъ остатки этого племени, поселеннаго близъ самаго Дрогичина, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его время существовало преданіе о томъ, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею Ятвяговъ. Если, согласно сохранившемуся по теперь въ устахъ народа преданію, Дрогичинъ былъ когда-то резиденціею королевы Боны, никогда не жившей въ этомъ городѣ ¹⁾, то почему же во времена *Длугоша* преданіе не могло обратить Дрогичинъ въ *principalis et metropolis arch Iacwingorum*, которые не разъ бились и грабили подъ самымъ дрогичинскимъ дѣтинцемъ и наконецъ нашли тамъ послѣдній пріютъ? Мы видимъ, что знаменитая фраза *Длугоша*, на которой всецѣло построена теорія о ятвяжской землѣ на лѣвомъ берегу Нарева, и о пресловутомъ ятвяжскомъ клинѣ, втиснутомъ въ славянскія земли, едва-ли можетъ считаться незыблемымъ основаніемъ.

Теперь разсмотримъ тотъ-же вопросъ съ другой стороны. Предположимъ, что *Длугошъ* и его комментаторы правы, то есть, во 1-хъ, что Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею и метрополіею Ятвяговъ, и, во 2-хъ что *когда-то* (?) эти занаревскіе Ятвяги были вытѣснены русскими колонистами на правый берегъ рѣки. Событіе это, какъ мы видѣли выше, никакимъ образомъ не могло произойти ранѣе 11-го вѣка и приурочено Ярошевичемъ, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, къ 1038 году.

Если у Ятвяговъ 11-го и предшествовавшихъ столѣтій была своя столица, если осѣдлое, зажиточное дохристианское племя, населявшее Бѣльскій уѣздъ и оставившее послѣ себя многочисленные слѣды цивилизаціи, были Ятвяги, то мы вправѣ искать у потомковъ тѣхъ-же Ятвяговъ, переселившихся на правый берегъ Нарева, и у соотчичей ихъ, слѣды подобнаго-же общественнаго строя и тѣхъ-же признаковъ цивилизаціи.

Поищемъ эти слѣды въ письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ.

Письменные памятники о Ятвягахъ до 13-го вѣка кратки и безцвѣтны: «иде Володімиръ на Ятвягы и взя землю ихъ» ²⁾; «иде Ярославъ на Ятвягы» ³⁾; «Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святотополь, и побѣди я» ⁴⁾; только въ самомъ концѣ 12-го вѣка (въ 1196 г.) сказано нѣсколько подробнѣе: «тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ на Ятвягы отомыщиваться: бяхуть бо воевали волость его, и тако Романъ вниде в землю ихъ; они же не могучи стати противу силѣ его, и бѣ-жаша во свои *тверди*, а Романъ пожегъ *волость* ихъ и отомъстився, возвратися во свояси» ⁵⁾. Затѣмъ съ 1227 по 1279 г. Ипат. лѣтопись очень часто говоритъ о Ятвягахъ. Слѣдя за во-лынско-галицкою лѣтописью, можно составить болѣе или менѣе точный маршрутъ походовъ рус-

¹⁾ «Сидѣла на дрогичинской замковой горѣ королева Бона, а сестра ея сидѣла на замковой горѣ въ Мельниѣ (въ 30-ти верстахъ), и обѣ сестры переглядывались». Слышано мною въ Дрогичинѣ.

²⁾ Въ 983 г.

³⁾ Въ 1038 г.

⁴⁾ Въ 1112 г.

⁵⁾ Ип. лѣт. стр. 471.

скихъ князей на Ятвяговъ. Изъ Дрогичина они идутъ прямо на сѣверъ ¹⁾; при Визнѣ, пограничномъ русскомъ городѣ, переходятъ Наревъ; затѣмъ, направившись на сѣверо-востокъ къ озеру Спирдингу и сосѣднимъ озерамъ, раззоряютъ здѣсь ятвяжскія селенія; на обратномъ пути доходятъ берегомъ рѣки Лыкъ до Райгорода; правымъ берегомъ Бобра идутъ до слиянія его съ Наревомъ и черезъ Визну возвращаются домой; такъ, судя по отрывочнымъ даннымъ лѣтописи, шли они два раза, а можетъ быть и чаще. Всѣ селенія, упоминаемая лѣтописью, находились за Бобромъ, въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи ²⁾; рѣку Бобръ князья не переходятъ ни разу; значить въ лежащихъ между Бобромъ и Наревомъ мѣстностяхъ ³⁾ не было непріятеля или, по крайней мѣрѣ, его селеній.

И такъ при Даніилѣ и Василько Романовичахъ Ятвяговъ нужно было искать верстахъ въ 150 отъ Дрогичина.

Городовъ у Ятвяговъ не было вовсе ⁴⁾, но были села и тверди. Ихъ тверди были несомнѣнно ничто иное, какъ обыкновенныя лѣсныя засѣки. Окруженныя неприступными въ лѣтнее время болотами и лѣсами ⁵⁾, селенія Ятвяговъ, по всей вѣроятности, служили имъ убѣжищемъ только въ зимнее время, потому что большую часть года они проводили на охотѣ, рыбной ловлѣ или въ набѣгахъ. Русскіе и союзные съ ними польскіе князья ходили на Ятвяговъ исключительно зимою, потому что въ другое время земля ихъ была недоступна; иногда князья, изъ-за глубокихъ снѣговъ, возвращались съ полпути, то и дѣло сбивались съ дороги, отыскивая скрывающіяся среди болотъ селенія и благодарили судьбу, когда оканчивался тяжелый походъ ⁶⁾. Ятвяги не дожили до государственнаго порядка и потому у нихъ не было и не могло быть столицы, *principalis et metropolis arch.*

Дальше семейно-родовыхъ союзовъ, Злинцевъ, Крисменцевъ, Покѣнцевъ ⁷⁾ и т. под., они не дошли. Союзы эти формировались только на время общей опасности подъ начальствомъ какого-нибудь выдающагося по своей храбрости старшины или князька, Стекинта, Комата и имъ подобныхъ. Вольинско-галицкій лѣтописецъ, повидимому лично принимавшій участіе въ послѣднихъ походахъ Даніила и Льва, не скрываетъ своего уваженія къ необузданной храбрости Ятвяговъ. Польскій лѣтописецъ, напротивъ, сравниваетъ ихъ съ хищными животными. Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ они при своемъ плохомъ вооруженіи могли такъ долго противустоять отлично устроенному войску Даніила ⁸⁾. Судя по лѣтописнымъ

¹⁾ Изъ нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда Гродн. губерніи, черезъ Соколовскій у. Сѣдлецкой вступаютъ въ Мазовецкій у. Ломжинской губерніи.

²⁾ Шѣгрень: Ueber die Wohnsitze etc.

³⁾ Т. е. въ нынѣшнихъ Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ уѣздахъ.

⁴⁾ Quia municipium nullus apud illos usus, eosdem urbium habent muros, quos et ferae. Кадлубекъ изд. Пшездзецкаго, стр. 202.

⁵⁾ Propter vastissimas solitudinum intracapedines, propter concretissimas nemorum densitates, propter bituminata inaccessibleibus palustria. Кадл. стр. 201.

⁶⁾ Ип. лѣт., стр. 537, 539, 540.

⁷⁾ Ип. лѣт., стр. 552.

⁸⁾ Лѣтописецъ, между прочимъ, съ гордостью рассказываетъ, какъ Даніилъ показывалъ свое войско Пруссамъ и Бортамъ, выведшимъ его изъ ятвяжскихъ болотъ; «щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, конемъ же ихъ дръжащимъ в рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣльцемъ же обополь идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: *можете ли древо поддерѣжати сумицами и на сию рать дерзнути?*» (Ип. лѣт., стр. 540).

даннымъ, у нихъ не было ни мечей, ни копій; оружіемъ ихъ служили короткіе метательные дробтики — сулицы, пращи или просто головни ¹⁾. Живя среди неприступныхъ болотъ и трясинъ, ятвяги не могли заниматься земледѣліемъ, и даже обиліе дичи не всегда спасало ихъ отъ голода ²⁾.

Отъ ятвяжскихъ селеній, всѣхъ этихъ, упоминаемыхъ лѣтописью, Болдикищъ, Привищъ, Таисевичей ³⁾ и проч. конечно не осталось и не могло остаться никакихъ вещественныхъ слѣдовъ, потому что не только строенія, но и стѣны были рублены, деревянные. Если лѣтописецъ однажды обмолвился словомъ «грады», то и въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нужно разумѣть тѣ-же окруженныя бревенчатымъ тыномъ селенія.

Словомъ, на основаніи письменныхъ источниковъ, Ятвяги представляются намъ племенемъ хотя и храбрымъ, но вполне не культурнымъ; это былъ *«gens atrocissima, omni ferarum inmitate trunculencior»* ⁴⁾.

Теперь намъ-бы слѣдовало сказать о *вещественныхъ ятвяжскихъ памятникахъ*, сохранившихся въ несомнѣнно принадлежавшихъ имъ мѣстностяхъ, т. е. между Наревомъ и оз. Спирдингомъ съ одной стороны, между р. Винцентой и Свислочью съ другой, или иначе въ Кадлубковой Поллексіи ⁵⁾.

Но къ сожалѣнію ни я, ни лица болѣе меня компетентныя въ этомъ дѣлѣ, не могли, при всѣхъ стараніяхъ, найти никакихъ вещественныхъ ятвяжскихъ слѣдовъ въ этомъ районѣ. Бѣло-

¹⁾ Ип. лѣт. 538: «и сулицами мечюще и головнями, яко молнія идяху, и каменье яко дождь с небеси идяще».

²⁾ Такъ въ 1279 г. посланцы ихъ обратились къ Владиміру Васильковичу: «не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, к намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы» (Ип. л., 580). Отсюда мы видимъ, что, за исключеніемъ серебра, конечно добытаго на войнѣ, все богатство ихъ состояло изъ лѣсныхъ произведеній.

³⁾ Ип. лѣт. стр. 551—553.

⁴⁾ Mag. Vinc. Chron. Polon. Изд. Пшездецкаго, стр. 201. У того-же Кадлубка сказано: «quibus non repertis, ne nihil agere viderentur, operosiores populacioni dant operam lechite; fana, burgos, rogos, celsas edium fabricas cum spicariis horrea flammis involunt». Проф. Антоновичъ (Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи. Т. I, стр. 10—11), сокративъ первое предложеніе и относя слово lechite (т. е. Lechitae) ко второму, переводитъ такъ: «Поляки, ворвавшись въ страну ихъ, предавали пламени: храмы, мизы, села, возвышавшіяся зданія и житницы, наполненныя хлѣбомъ». Здѣсь очевидно недоразумѣніе, потому что откуда было у Ятвяговъ явиться храмамъ и прочему? Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто: въ первомъ предложеніи подлежащимъ нужно считать слово Lechitae, а во второмъ (подразумѣваемое) Pollexiani (т. е. Ятвяги). Издатель Кадлубка, гр. Пшездецкій, совершенно справедливо поставивъ послѣ слова *lechite* точку съ занятой, переводитъ это мѣсто Кадлубка такъ: «aby się nie zdawało, że Lechitowie nie znalazłszy ich są besczynni (здѣсь подразумѣвается слово *oni*, т. е. Поллексіане) z większem należeniem wzięli się do pustoszenia świątyni, zamków» и проч. Другими словами: не Поляки раззоряли ятвяжскіе храмы и проч., а, наоборотъ Ятвяги — польскіе. Виновицей этого недоразумѣнія является, конечно, лишь варварская латынь почтеннаго магистра В. Кадлубка.

⁵⁾ Кадлубекъ называетъ Ятвяговъ Pollexiani, то есть жителями Подлѣсья. Но въ 12—15 столѣтіяхъ слово Подлѣсье было не административнымъ, а географическимъ терминомъ и обозначало именно тѣ мѣстности, гдѣ мы находимъ Ятвяговъ въ 13-мъ вѣкѣ. Точныя границы Подлѣсья обозначены впервые въ актѣ, заключенномъ между делегатами Кейстута и Земовита въ 1378 году и подтвержденномъ въ 1434 г. (Cod. Mazow № 80). Границы были слѣдующія: «отъ каменнаго брода на Райгородъ; р. Мента; р. Бобръ; Тарговискъ; «большая струга»; источники малой Сухолды; р. Супрасль до «испеленной селитбы» (городнища?) и наконецъ устье Невотницы, впадающей въ Наревъ (смотри Słownik geograficzny. Т. VIII, стр. 411). Въ половинѣ 15-го вѣка къ Подлѣсью, уже въ смыслѣ административной единицы, присоединяются части нынѣшнихъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, а въ 16-мъ въ составъ его уже входитъ нынѣшній Бѣльскій уѣздъ Гродненской губерніи съ *Дроичиномъ*, Бѣльскомъ и проч. (ibid. стр. 412). Но Pollexia Кадлубка, земля Поллексіановъ, то есть Ятвяговъ 13-го столѣтія, лежитъ цѣликомъ на правомъ берегу Нарева, и Бѣльскій уѣздъ въ нее не входитъ.

стокскій уѣздъ, въ которомъ я живу съ 1885 года, мнѣ болѣе или менѣе знакомъ; отчасти знакомы уѣзды Сокольскій и Мазовецкій. На всемъ этомъ пространствѣ, входившемъ въ составъ Поллессіи 13-го вѣка, я не нашелъ ни одного могильника того типа, которыми характеризуется Бѣльскій у. Гродн. губерніи, и Соколовскій—Сѣдлецкой. Встрѣчались древнія православныя кладбища ¹⁾, большія братскія могилы 17-го вѣка съ монетами Яна Казимира ²⁾; боевое поле съ костяками и обломками оружія ³⁾; немногіе одиночныя курганы; городища, передѣланныя въ Польско-литовскія укрѣпленія ⁴⁾; попадались и случайныя находки, на примѣръ небольшіе каменные топоры ⁵⁾; но типичныхъ каменныхъ могилъ я на правомъ берегу Нарева не нашелъ ни одной. Отсюда я вывожу, что народъ, которому принадлежали каменные могилы, никогда не переселялся, ни добровольно, ни въ силу обстоятельствъ, съ лѣваго берега Нарева на правый.

Желая провѣрить свои наблюденія, я вошелъ въ сношеніе съ двумя археологами, гг. Глогеромъ и графомъ де Флѣри, живущими въ самомъ центрѣ древняго ятвяжскаго края и хорошо знакомыми съ его древностями.

Г. Зыгмунтъ Глогеръ ⁶⁾, владѣлецъ имѣнія Ежево въ Мазовецкомъ уѣздѣ Ломжинской губерніи, въ теченіи двадцати лѣтъ собралъ богатѣйшую коллекцію древностей, состоящую преимущественно изъ предметовъ каменнаго вѣка; вмѣстѣ съ гр. де Флѣри онъ изслѣдовалъ берега Бобра отъ его источниковъ до впаденія въ Наревъ и нашелъ здѣсь до семи станцій человѣка каменнаго вѣка; затѣмъ на лодкѣ поднялся по Бугу вплоть до его истока, продолжая тѣ-же изслѣдованія; помимо собственныхъ раскопокъ, онъ собиралъ всѣ древніе предметы, находимые въ его мѣстахъ, хорошо изучилъ исторію своего края и спеціально исторію Ятвяговъ. Я просилъ его отвѣтить на три вопроса: 1) встрѣчалъ-ли онъ на сѣверъ отъ Соколовскаго и Бѣльскаго уѣздовъ каменные могилы? 2) можетъ-ли онъ отличить славянскіе курганы отъ ятвяжскихъ? 3) можетъ ли онъ указать на какіе либо предметы изъ своей коллекціи, какъ на несомнѣнно ятвяжскіе? На всѣ эти вопросы г. Глогеръ отвѣчалъ отрицательно. Я нашелъ у него нѣсколько вещей, сходныхъ съ найденными мною въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но всѣ онѣ принадлежатъ къ числу случайныхъ находокъ и видимо занесены сюда пришельцами, можетъ быть тѣми-же ятвяжскими грабителями.

Графъ Луи де Флѣри — владѣлецъ извѣстной Кемпы, большого болотистаго имѣнія при слияніи Бобра съ Наревомъ. Вся эта Кемпа сливается весною въ одно громадное озеро, за исключеніемъ небольшого холма, на которомъ стоитъ помѣщичья усадьба. Если гдѣ нужно искать *ra-lustria bituminata* Кадлубка, то прежде всего въ этой и понынѣ трудно доступной Кемпѣ гр. де Флѣри.

¹⁾ На примѣръ, въ лѣсу близъ дер. Клепачи, въ 5-ти верстахъ отъ Бѣлостока, нынѣ населенной католиками.

²⁾ Близъ дер. Калиновка, между Кнышиномъ и р. Бобромъ.

³⁾ Близъ м. Василькова, Бѣлост. уѣзда.

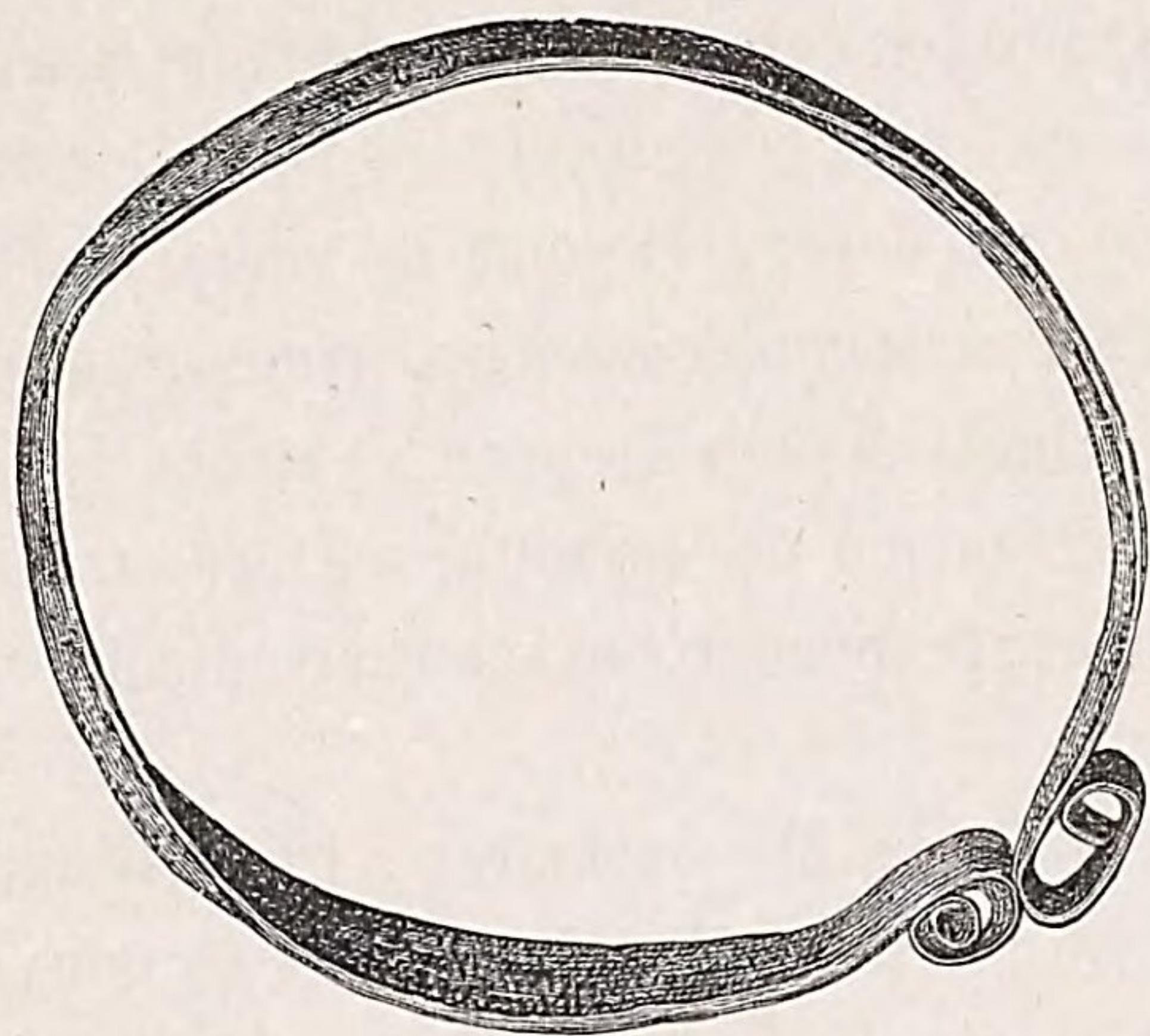
⁴⁾ На берегу Нарева въ Суражѣ; здѣсь, между обломками кирпичнаго фундамента, я, между прочимъ, нашелъ мѣдный ключъ, принадлежащій 15 — 16 вѣкамъ, а во рву забредшую неизвѣстно какимъ путемъ пряслицу.

⁵⁾ Одинъ имѣющійся у меня топорикъ выкопанъ между Бѣлостокомъ и Хорошемъ; другой, въ послѣдствіи затерянный, найденъ въ 8-ми верстахъ отъ Бѣлостока, въ имѣніи протоіерея Антониковскаго.

⁶⁾ Нѣкоторыя изъ археол. работъ г. Глогера помѣщены въ «Библіотекѣ Варшавской», въ «Pamiętnikach Fizyograficznych» за 1881 и 1882 гг., въ *Zbiurze wiadomości do Antropologii krajü T. VI*, въ «Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa» von E. Mehlis. Bd. I. и т. под.

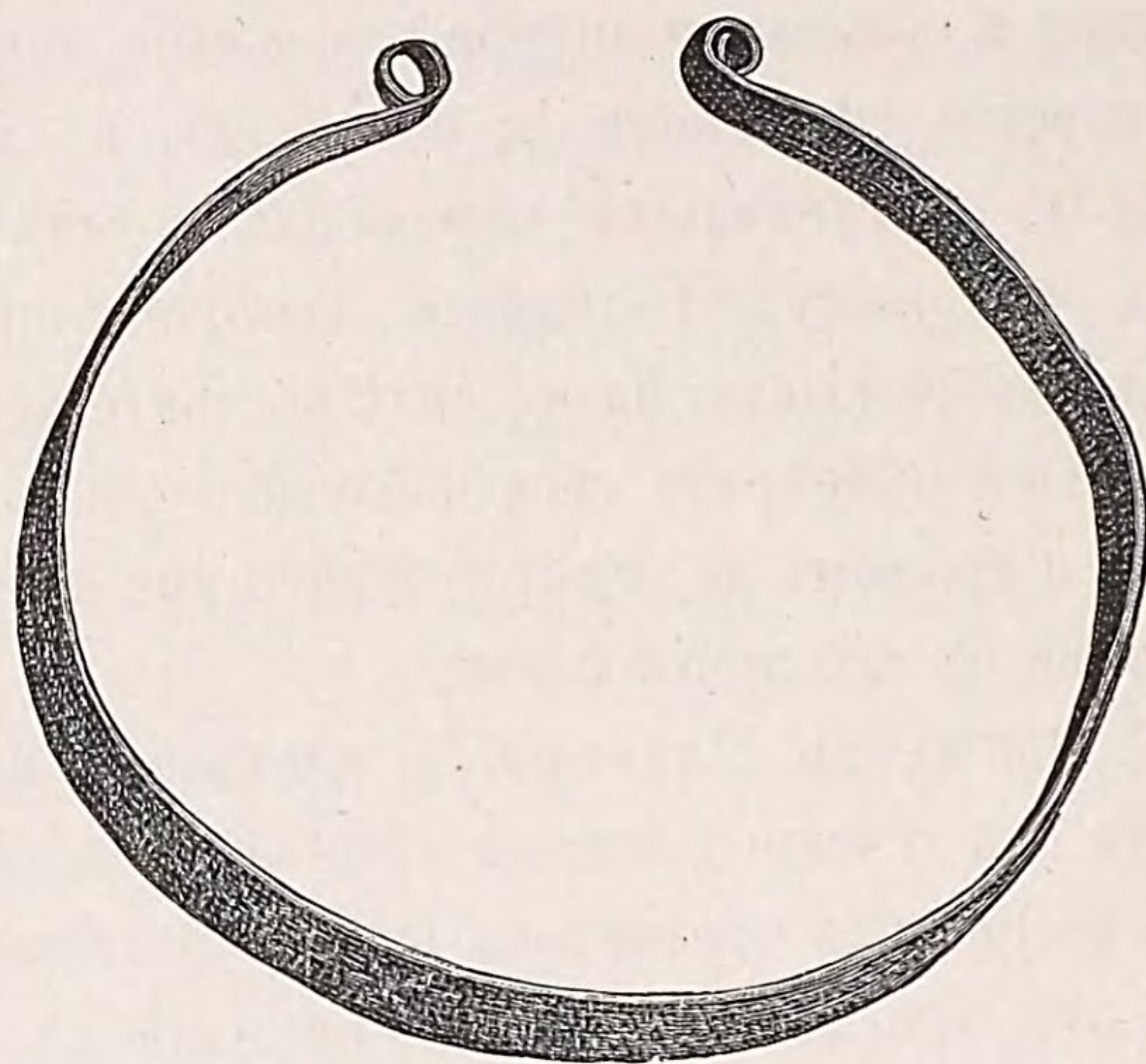
Подобно Глогеру, онъ составилъ себѣ прекрасную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, собранную по большей части въ самой Кемпѣ¹⁾; но и онъ далъ мнѣ тотъ-же безотрадный отвѣтъ: «ятвяжскихъ могилъ я не знаю и ятвяжскихъ могилъ отъ другихъ отличить неумѣю».

№ 14.

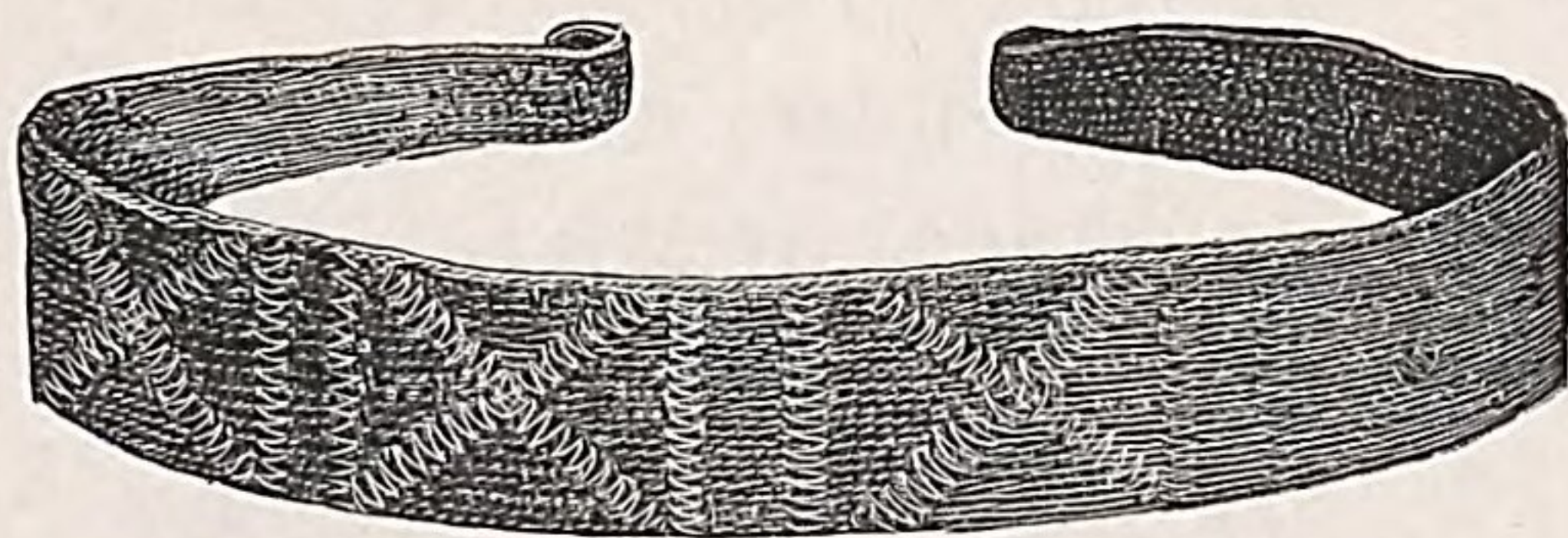

Бронзовые браслеты, найденные въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ каменныхъ могилахъ, близъ Чарны-Великой (см. стр. 22).

№ 15.

№ 16.

Гдѣ-же искать слѣды Ятвяговъ? конечно не ихъ временныя, наскоро сколоченныя жилища, которыхъ уже давно нѣтъ, а болѣе прочныя слѣды — ихъ кладбища? Полагаю, что и искать ихъ нечего. Проводя большую часть жизни на войнѣ или на охотѣ, Ятвягъ, этотъ вѣчный бродяга, умиралъ далеко отъ своего дома, въ дремучемъ

лѣсу или въ открытомъ бою. Кости его не покоятся на родовомъ кладбищѣ, подъ высокимъ курганомъ или въ тщательно сложенной каменной могилѣ. Онѣ легли тамъ, гдѣ его застала смерть, и исчезли безслѣдно²⁾.

VI.

Впрочемъ, пока довольно о Ятвягахъ. Можетъ быть впослѣдствіи найдутся историческія данныя, подтверждающія пресловутое изрѣченіе Длугоша; можетъ быть найдутся и вещественныя слѣды Ятвяговъ. Но въ настоящую минуту мы можемъ лишь повторить: Ятвяги никогда не жили на лѣвомъ берегу Нарева, и Дрогичинъ никогда не былъ ихъ столицею. Если же археологическіе памятники дрогицкаго края принадлежатъ не Ятвягамъ, то они принадлежатъ Славянамъ, потому что другихъ претендентовъ на эти могилы нѣтъ. Вопросъ о времени первой

¹⁾ Изъ ученыхъ трудовъ гр. де Флѣри назову: «Découverte d'un four de tuiles romaines au village de Chez-Ferroux» Angoulême. 1888. «Les cendres de Nalliers». Vannes, 1888.

²⁾ Замѣчательно, что жители Бѣлостокскаго уѣзда, совершенно забывъ о Ятвягахъ, сохранили еще смутную память о жестокихъ врагахъ Ятвяговъ—Тевтонскихъ рыцаряхъ. Слово *Крыжакъ* (крестоносецъ) употребляется въ бранномъ смыслѣ и означаетъ злодѣй, разбойникъ.

колонизації Славянами бассейновъ Днѣпра и Вислы еще далеко не разработанъ. Шафарикъ полагаетъ, что Славяне жили по этимъ рѣкамъ еще до начала нашей эры ¹⁾. Проф. Самоквасовъ производитъ Славянъ отъ Гетовъ или Даковъ, которые, побѣжденные Римлянами, во 2-мъ столѣтіи по Р. Хр. двинулись на сѣверъ и заняли побережья Вислы, Буга, Днѣпра и проч., гдѣ и получили новое общее имя Славянъ и новыя частныя или мѣстныя имена — Ляховъ, Поморянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и проч. ²⁾. Другіе изслѣдователи перенесли движеніе Славянъ къ періоду великаго переселенія народовъ. Словомъ — вопросъ пока темный. Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что Славяне явились на восточно-европейской равнинѣ первымъ культурнымъ племенемъ, замѣнившимъ камень желѣзомъ, и несомнѣнно, что они уже крѣпко сѣли на мѣсто за цѣлые вѣка до начала русскаго государства и до принятія имъ христіанства.

Намъ извѣстно, что въ тотъ моментъ, когда начинается повѣсть временныхъ лѣтъ, «Дулѣбы живяху по Бугу», что тамъ-же сидѣли Бужане, послѣ же Волыняне; что племена, извѣстныя подъ этими именами, были безусловно Славяне. Обыкновенно полагаютъ, что Дулѣбы и Бужане сидѣли только на верхнемъ Бугѣ, въ нынѣшней Волыни, потому что ниже были Ятвяги. Согласившись, что Ятвяговъ на лѣвомъ берегу Нарева не было, мы не имѣемъ никакого основанія толковать по своему составителя лѣтописи. «Дулѣбы живяху по Бугу», другого болѣе, ранняго племени по Бугу лѣтописецъ не знаетъ. Потому мы утверждаемъ, что древнѣйшими извѣстными намъ жителями обоихъ береговъ Буга, значить и дрогицкаго края, были Славяне.

Которые же изъ вещественныхъ памятниковъ этого края могутъ быть отнесены къ дохристіанскимъ Славянамъ? Конечно не случайныя находки каменнаго вѣка, кремневые и каменные топоры, владѣльцы которыхъ намъ неизвѣстны. Но курганы, каменные могилы и, наконецъ, до-историческій слой дрогичинскаго городища?

Говоря о курганахъ Бѣльскаго уѣзда, мы замѣтили, что черепки горшковъ съ сожженными остатками покойника и тризны постоянно встрѣчаются на небольшой глубинѣ, разметанными на довольно обширномъ пространствѣ, и затѣмъ высказали предположеніе, что горшокъ первоначально не былъ зарытъ, а стоялъ *на курганѣ* (см. выше).

При этомъ случаѣ вспомнимъ извѣстное мѣсто изъ нашей лѣтописи, гдѣ говорится о способѣ погребенія, соблюдавшемся у древнихъ Радимичей, Вятчей и Сѣверянъ: «и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, и по семь събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ (вѣроятно на курганѣ) на путехъ» ³⁾. Арабскій писатель X вѣка, Ибнъ Даста, выражается еще яснѣе: «когда умираетъ кто-либо изъ Славянъ, они сожигаютъ трупъ его... На слѣ-

¹⁾ Шафарикъ (Слав. древн. 322 и слѣд.), посвятивъ цѣлую главу геродотовскимъ Неврамъ, будто-бы жившимъ «въ окрестностяхъ Буга, Нурца и Нарева», слѣдовательно и въ дрогицкой землѣ, по своему обыкновенію видитъ въ нихъ Славянъ. Но ни Геродотъ, ни Тацитъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о Вислѣ и тѣмъ менѣе о Бугѣ, Наревѣ или маленькомъ Нурцѣ. Геродотовыхъ Невровъ и Тацитовыхъ Нагарваловъ можно съ одинаковою легкостью помѣстить на 500 верстъ на право и на лѣво отъ этихъ рѣкъ. Между тѣмъ Птоломей Александрійскій, жившій позже Геродота и Тацита и повидимому хорошо знакомый съ бассейномъ Вислы, ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о Неврахъ, ни о Нагарвалахъ.

²⁾ Д. Я. Самоквасовъ: Ист. Русскаго Права. Вып. II, стр. 145. Авторъ между прочимъ, доказываетъ, что всѣ клады римскихъ монетъ, найденныя въ славянскихъ земляхъ, относятся ко 2-му столѣтію. Мы, съ своей стороны, можемъ добавить, что къ тому-же столѣтію относятся всѣ, безъ исключенія, монеты изъ большаго клада, открытаго въ 1887 году въ Сокольскомъ уѣздѣ Гродн. губерніи.

³⁾ Ип. лѣт. 8.

дующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепель и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ» ¹⁾).

Курганы Бѣльскаго уѣзда какъ нельзя болѣе подходятъ къ этимъ описаніямъ и потому мы съ извѣстною долею вѣроятности относимъ ихъ къ первому славянскому племени (Праславамъ, или же къ обособившимся уже Дулѣбамъ?), поселившемуся въ этихъ мѣстахъ. Далѣе этого предположенія мы не можемъ идти, за отсутствіемъ въ курганахъ какихъ-либо предметовъ, исключая разбитые горшки и сожженные кости.

Каменные могилы, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ курганами, ни по обряду погребенія, ни по вещественнымъ признакамъ. Единственный между ними общій признакъ тотъ, что и тѣ и другіе расположены группами, кладбищами, на берегу рѣчекъ, и очевидно принадлежали осѣдлому населенію. А между тѣмъ имѣются данныя, что оба рода могильниковъ принадлежали одному и тому-же племени—Славянскому, конечно въ разные періоды его жизни.

Обряды погребенія не постоянно оставались неизмѣнными. Извѣстно, что не только въ принадлежащихъ къ одной эпохѣ курганахъ, но иногда въ одномъ и томъ-же курганѣ, встрѣчаются сожженные трупы и несожженные костяки. Такимъ образомъ различіе въ способѣ погребенія не всегда является непремѣннымъ условіемъ различія народности.

Каменные могилы очевидно новѣе кургановъ. Если время насыпки кургановъ остается вполне гадательнымъ, то каменные могилы можно съ большою вѣроятностью отнести къ переходному времени отъ язычества къ христіанству. Къ этому заключенію приводитъ насъ не только разборъ находимыхъ въ нихъ предметовъ (см. выше), но и самый способъ погребенія. Въ центральной (древнѣйшей) части громаднаго могильника близъ Чарны Великой, очевидно сооруженнаго цѣлымъ рядомъ поколѣній, мы нашли могилы съ цѣлымъ приданнымъ различныхъ вещей, а въ крайней (новѣйшей) части явно христіанскія могилы, безъ всякаго приданаго и въ одномъ случаѣ даже съ христіанскимъ символомъ, вырѣзаннымъ на изголовномъ камнѣ. Между тѣмъ тѣ и другія могилы, начиная съ древнѣйшихъ и кончая новѣйшими, сложены совершенно одинаково, слѣдовательно принадлежатъ одному и тому-же племени. Затѣмъ среди древняго, давно упраздненнаго, православнаго кладбища близъ деревни Радзивиловки (Александровки), среди православныхъ могилъ съ надгробными камнями ²⁾, мы нашли каменные могилы того-же типа, что и на подножіи Чарнской «каменицы». Первые христіане въ здѣшнемъ краѣ были русскіе Славяне. Последніе язычники, похороненные на одномъ съ ними кладбищѣ, были очевидно ихъ предки, значить тѣ-же Славяне. Не полагаясь на нашу опытность, мы показывали найденныя въ каменныхъ могилахъ вещи одному изъ лучшихъ экспертовъ по этой части, проф. Самоквасову, изслѣдовавшему не одну сотню могилъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и онъ категорически призналъ вещи славянскими. То-же мнѣніе высказалъ намъ и извѣстный археологъ профессоръ В. Б. Антоновичъ, знакомый съ нашими раскопками по фотографическимъ снимкамъ.

¹⁾ Хвольсонъ, Извѣстія о Хозарахъ, Бургасахъ, Болгарахъ, Мадырахъ, Славянахъ и Руссахъ, Абу-Али Ахмеда бенъ Омаръ, Ибнъ-Даста, стр. 29.

²⁾ На большей части этихъ камней изображены только восьмиконечные кресты. Но отъ стариковъ я слышалъ, что прежде здѣсь встрѣчались памятники, на которыхъ были вырѣзаны разные предметы: топоры, скрышки (?), подковы и т. под. Послѣ долгихъ поисковъ, мы съ почтеннымъ настоятелемъ Мельницкаго прихода, отцомъ Іосифомъ Сосновскимъ, нашли, среди бурьяна и кустовъ, большой камень (2½ арш. длины и ½ — 1½ арш. ширины), на которомъ по обѣ стороны нижней части восьмиконечнаго креста вырѣзаны изображенія двухъ топоровъ, очень сходныхъ съ могильными.

Далѣе намъ извѣстно, что многіе изъ этихъ предметовъ совершенно тождественны съ вещами, найденными во Владиміро-волинскомъ уѣздѣ, въ краѣ несомнѣнно дулѣбскомъ. Наконецъ мы нашли въ дрогичинскомъ городищѣ, рядомъ съ православными крестиками и церк. славянскими свинцовыми пластинками, тѣ-же неспаянныя кольца, тѣ-же фибулы, бусы, топоры, ножи, кресала и проч., что и въ каменныхъ могилахъ.

Сопоставляя эти данныя, мы остаемся при высказанномъ выше положеніи, пока оно не будетъ опровергнуто и замѣнено другимъ, болѣе вѣрнымъ. Можетъ быть, со временемъ и найдутся неизвѣстные намъ пока источники, которыми пользовался Длугошъ. Если онъ правъ, то, *можетъ быть*, Ятвяги дѣйствительно и жили когда-то осѣдымъ, культурнымъ племенемъ въ дрогицкомъ краѣ, и затѣмъ, вытѣсненные оттуда русскими колонистами, удалились за Наревъ, гдѣ и одичали. Почему знать? Но суть не въ томъ, вѣрна-ли наша гипотеза или нѣтъ. Суть въ самихъ вещахъ, спасенныхъ отъ уничтоженія и готовыхъ къ услугамъ для каждаго, кого интересуетъ исторія нашей сѣверо-западной окраины.

VII.

Тутъ мы разстанемся съ Дрогичиномъ археологическимъ и еще разъ вернемся къ Дрогичину историческому, древне-русскому. Начнемъ съ населенія и затѣмъ укажемъ вещественные памятники, сохранившіеся поверхъ мусорнаго слоя.

Всѣ то, что сказалъ извѣстный изслѣдователь малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій, о колонизаціи сѣдлецкаго Подлѣсья, одинаково примѣнимо и къ дрогицкому краю. Здѣсь, какъ мы видѣли выше, съ доисторическихъ временъ жило славянское племя, извѣстное подъ именемъ Дулѣбовъ или Бужанъ. «Затѣмъ, въ кіевско-галицкую эпоху, въ языкъ древнѣйшихъ туземцевъ постепенно вносилась примѣсь южно-русскихъ элементовъ, которые въ то время еще не утратили первобытныхъ оттѣнковъ»... «Много разъ край былъ раззоряемъ, но старое населеніе не пропадало безслѣдно. Остатки его, по прошествіи грозы, снова занимали старое мѣсто: являлась новая примѣсь изъ новыхъ пришельцевъ, которая входила въ соединеніе съ однородными элементами прежняго населенія. Затѣмъ наступало новое раззореніе края и новый приливъ населенія. Такъ повторялась нѣсколько разъ одна и та-же исторія безъ существенныхъ измѣненій: на одинъ слой населенія внѣшнимъ образомъ налегалъ другой, и притомъ такъ, что, рядомъ съ позднѣйшимъ, оставались слои болѣе древніе, не выключая и самыхъ древнихъ» ¹⁾.

Объясняемое этими причинами поразительное разнообразіе малорусскихъ говоровъ въ сѣдлецкомъ Подлѣшій, замѣчается не въ меньшей мѣрѣ и во всемъ дрогицкомъ краѣ. И здѣсь—что деревня, то особый говоръ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ селомъ Чарна Великая, гдѣ я производилъ раскопки, лежатъ двѣ другія Чарны—Средняя и Церковная; всѣ онѣ говорятъ однимъ и тѣмъ-же, сильно испорченнымъ, малорусскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью бѣлорусскаго, но говоръ каждой изъ нихъ отличается множествомъ глоссическихъ и фонетическихъ оттѣнковъ ²⁾.

¹⁾ Житецкій: Очерки звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 275.

²⁾ Для примѣра привожу начало пушкинской сказки «о рыбацѣ и рыбкѣ», въ переводѣ на говоръ Чарны Великой, сдѣланномъ для меня уроженцемъ этой деревни, сельскимъ учителемъ Д. Высоцкимъ:

«Зыў старикъ зо своєю старухою у самиво шійяво мѣра. Вони зыли у вѣтхой жемлянчи рѣмно трійчать литъ и три рѣки. Старикъ ловѣу нѣводомъ рѣбу; старуха прѣла свое прѣдиво» и т. д. Въ сосѣдней деревнѣ говорятъ: жиў, сѣняго, рѣвно, трійчать; кромѣ того замѣтно уже дзяканье: адзинъ и т. под.

Разнясь въ говорахъ, а можетъ быть, отчасти, и въ бытовой жизни, населеніе дрогицкаго края, постоянно обновляемое новыми колонистами изъ Волыни и недалекаго пинскаго Полѣсья, въ теченіи многихъ вѣковъ оставалось всецѣло русскимъ, православнымъ. Оно сохранило свою вѣру и національность и въ первый періодъ иноземнаго владычества. Только въ концѣ 15-го вѣка мало по малу надвигается на дрогицкую землю польская колонизація. Литовскіе князья, преемники расположеннаго къ русскимъ Витольда, и польскіе короли поселили здѣсь нѣсколько тысячъ мазуровъ, наградивъ ихъ за военныя заслуги землей и дворянскимъ достоинствомъ. Эта мелкая шляхта, теперь почти не отличающаяся отъ прочихъ крестьянъ, сѣла частью по Бугу, частью по Нурцу и Нареву, гдѣ она держится и по теперь. Постоянное и повсемѣстное общеніе съ Поляками не могло не отразиться на языкѣ русскаго населенія. Но, если, вслѣдствіе этого общенія, произошло, смотря по мѣстности, большее или меньшее смѣшеніе языковъ, то полного ихъ сліянія ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ, не замѣчается. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого интереснаго явленія. Достаточно сказать, что русскій человѣкъ могъ ополячиться или-же, оставаясь русскимъ, могъ принять въ свой языкъ много польскихъ словъ, но ни онъ, ни сосѣдь его, Полякъ, никогда не могли слить свою рѣчь въ одно среднее, польско-русское нарѣчіе. Словомъ: смѣшеніе встрѣчается часто, органическое сліяніе никогда.

Когда съ введеніемъ уніи, Дрогичинъ сдѣлался для своихъ окрестностей центромъ польско-католической пропаганды, когда проводникомъ просвѣщенія сдѣлалась дрогичинская іезуитская коллегія, то городскіе жители мало по малу забыли свой родной языкъ, между тѣмъ какъ крестьяне вверхъ по Бугу и на востокъ отъ него сохранили свой говоръ и по нынѣ ¹⁾. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Свято-Троицкомъ дрогичинскомъ монастырѣ проповѣди говорились на южно-русскомъ нарѣчій, котораго жители теперь не знаютъ ²⁾. Въ настоящее время всѣ жители Дрогичина, не только католики, но и православные, употребляютъ въ домашнемъ быту польскій языкъ, хотя тѣ и другіе очень порядочно изъясняются по великорусски.

Теперь обратимся къ вещественнымъ остаткамъ дрогичинской русской старины.

Въ началѣ нашей статьи мы замѣтили, что, согласно лѣтописи, Даніилъ Романовичъ *возобновилъ и создалъ* въ Дрогичинѣ церковь во имя Пречистой Богородицы и что, вѣроятно, въ этомъ-же храмѣ онъ возложилъ на себя королевскій вѣнецъ. Бѣдныя, едва замѣтные слѣды этого храма сохранились и понынѣ. Между замковой горой и бывшею базилианскою, нынѣ православною, Никольскою церковью, по направленію отъ городской площади къ Крашчевской горѣ, на планѣ 1787 года значится Люблинская улица. Этой улицы теперь нѣтъ; послѣ пожара 1805

¹⁾ Такъ напр. въ дер. Заешникахъ, въ 5-ти верстахъ отъ Дрогичина, вверхъ по Бугу, крестьяне говорятъ по малорусски; за Дрогичиномъ-же, внизъ по рѣкѣ, по польски.

²⁾ Вотъ образчикъ дрогичинскаго языка прошлаго столѣтія, выписанный нами изъ хранящагося въ архивѣ церкви Св. Варвары рукописнаго сборника проповѣдей архимандрита Миханла, настоятеля Троицкаго монастыря и всего дрогичинскаго прихода: «Казал Бгѣ одного часу Прѣрку Геремѣи внити въ домъ гончарски. Гдѣ тамъ пришло, знамо гончара, которы робил на колѣ (колесѣ) начиніе глиняное. Тое начиніе гдѣ запсовало, онъ зтое же глины уробилъ инное начиніе, якое ему подобало. Православные христіане: коло естъ свѣтъ; такъ его называетъ псалмистъ, мовячи: «гласъ грома моего вколеси». Далѣе, сравнивая судьбу человѣка съ колесомъ, проповѣдникъ приводитъ примѣры изъ византійской и *русской* исторіи: «поднесло было тое коло высоко Валенса на царство Грецкое, потым его надол кинуло. Валенса Геттове на войнѣ поразили и живаго огнем спалили. Поднесло было тое коло высоко *Олеха на княство древянское*, потым его на дол кинуло. Олех на войнѣ збытяжаны, гдѣ утикал предъ неприятели през мостъ велики. На той час люде утикаючи и тиснучися, захнули его змосту и сами падаючи его прибили и удушили» и проч.

года отъ нея осталось лишь какъ-бы начало переулка, тотчасъ-же прекращающагося двумя крутыми непроходимыми промоинами. Уголь, образуемый этими спусками, занятъ огородомъ стараго николаевского солдата, Данила Евтуха. Здѣсь, на площади, занимаемой огородомъ, стоялъ нѣкогда Пречистенскій соборъ Данила Романовича. Преданіе объ этой церкви сохранилось въ Дрогичинѣ и по теперь. Всѣ жители, христіане и не христіане, знаютъ, что здѣсь была когда-то «русская церковь». Въ томъ углу огорода, который примыкаетъ къ обоимъ спускамъ, виднѣется небольшой кусокъ фундамента, вышиною въ аршинъ, шириною въ три аршина, сложенный изъ дикаго камня. Вотъ и весь наружный остатокъ Данилова храма. Старикъ Евтухъ говоритъ, что, раскапывая свой огородъ, онъ постоянно натыкался на камни и куски обугленного дерева, но кирпича или остатковъ фундамента въ другихъ частяхъ огорода не находилъ. Кромѣ того онъ передалъ мнѣ двѣ желѣзныя вещи, сильно заржавленныя, очевидно служившія для затвора церковныхъ дверей; одна изъ нихъ, неправильной формы, плоская, длиною въ 5 вершковъ, шириною въ 1—2 вершка; другая состоитъ изъ двухъ продолговатыхъ большихъ звеньевъ. Очевидно, что церковь была деревянная, на каменномъ фундаментѣ.

Вѣроятно она не разъ сгорала до основанія, при чемъ гибли или подвергались разграбленію всѣ сколько нибудь цѣнныя вещи. Такъ какъ едва можно надѣяться найти что-либо интересное въ этихъ развалинахъ, то я отказался отъ дальнѣйшихъ раскопокъ, тѣмъ болѣе, что все мѣсто было засѣяно огородными овощами.

Другая древняя православная, впоследствии униатская, церковь во имя Чудотворца Николая, находилась между замковой горой и зданіемъ піарскаго училища; она также была деревянная и сгорѣла въ 1805 году. Мѣсто это обозначено большимъ деревяннымъ крестомъ, подъ которымъ на половину врытъ въ землю большой камень съ изображеніемъ православнаго креста и слѣдовъ надписи. Такъ какъ фруктовый садъ, въ которомъ стоитъ этотъ крестъ, а слѣдовательно находилась и самая церковь, принадлежалъ къ нанятой мною на цѣлое лѣто квартирѣ, то я имѣлъ возможность произвести цѣлый рядъ пробныхъ раскопокъ, но не нашелъ ничего, кромѣ массы человѣческихъ костей, обломковъ кирпича и нѣсколькихъ кусковъ толстаго стекла. Евреи, арендующіе и раскапывающіе этотъ садъ уже много лѣтъ, также говорятъ, что не находили здѣсь ни одной металлической вещи.

Св.-Троицкій монастырь былъ расположенъ на Крашчевской горѣ, отдѣляющейся отъ главной части города глубочайшимъ оврагомъ. Онъ состоялъ изъ деревянной церкви, разобранной по совершенной ветхости въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ трапезной церкви Св. Великомученицы Варвары и монашескихъ келій. Мѣсто Троицкой церкви обозначается теперь большимъ деревяннымъ крестомъ. Она, подобно прочимъ церквамъ, была деревянная. Тѣсныя и низенькія келіи служили, по упраздненіи монастыря, квартирою настоятеля церкви, по теперь совершенно необитаемы.

Церковь Св. Варвары, прежде трапезная, была, по разборкѣ Троицкой церкви, единственнымъ православнымъ храмомъ въ цѣломъ Дрогичинѣ, вплоть до 1839 года. Здѣсь-же и теперь, въ зимнее время, иногда совершается богослуженіе. Она представляетъ собою небольшую низенькую комнату, съ крошечными окнами въ свинцовой оправѣ, раздѣленную иконостасомъ на двѣ части. Эта церковь, какъ и многія другія въ нашемъ западномъ краѣ, служитъ живымъ свидѣтельствомъ бѣдственнаго положенія православія въ польскій періодъ. Но за то церковная бібліотека возбуждаетъ удивленіе и вмѣстѣ уваженіе къ настоятелямъ этого бѣднаго храма. Ме-

жду тѣмъ какъ въ ризницѣ и архивѣ дрогичинскаго католическаго фарнаго (соборнаго) костела, богатѣйшаго и обеспеченнаго во всѣхъ отношеніяхъ, сохранилась какая-нибудь дюжина церковныхъ книгъ, да и то не старѣе начала нынѣшняго столѣтія, въ бѣдной трапезной церкви вѣчно подвергавшагося гоненію Троицкаго монастыря, мы нашли большой шкафъ, едва вмѣщающій богатое собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ, частью весьма замѣчательныхъ.

Уважаемый пастырь дрогичинскаго прихода, отецъ Иларіонъ Будиловичъ, передалъ пишущему эти строки, для представленія въ Импер. Археологическую Коммиссію, древнюю икону, уже давно исключенную изъ церковнаго инвентаря по совершенной ея ветхости, но интересную въ историческомъ отношеніи. Она писана на холстѣ и имѣетъ въ длину приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршина, а въ ширину около аршина. На этой, такъ называемой выносной и служившей при крестныхъ ходахъ, иконѣ съ одной стороны изображено Распятіе съ предстоящими, а съ другой погребеніе Божіей Матери. Согласно священному преданію, іудейскій священникъ Аѳѳоній, проходя мимо погребальнаго шествія, съ яростью бросился впередъ и схватился руками за одръ, чтобы опрокинуть на землю несенное на немъ тѣло Пречистой Матери. Но Ангелъ Господень отсѣкъ ему до локтей руки, и кисти ихъ повисли при одрѣ ¹⁾. Этотъ именно моментъ изображенъ на иконѣ. Но замѣчательно, что Аѳѳоній представленъ въ видѣ *іезуита*, именно въ шляпѣ и мантии іезуитской. Такимъ образомъ икона эта служитъ какъ-бы живописнымъ олицетвореніемъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергалась православная церковь отъ іезуитовъ. Къ сожалѣнію икона сохранилась весьма плохо и краска съ нея осыпается при малѣйшемъ прикосновеніи.

Слѣды древнихъ православныхъ церквей сохранились во всѣхъ окрестностяхъ Дрогичина. Урочище Рай или цегельня, въ верстѣ отъ города, называется иначе церквискомъ. По ту сторону Буга, въ виду Дрогичина, близъ деревень Щеглятинъ, Ласковицы и Дражево, населенныхъ теперь католиками, также есть урочища, называемыя церквисками. Церквиско значитъ церковище, то есть мѣсто, гдѣ была нѣкогда церковь, подобно тому какъ городище есть мѣсто древняго города. Такихъ церквискъ въ Бѣльскомъ и Соколовскомъ уѣздахъ очень много. Отъ храмовъ этихъ, давно разрушенныхъ временемъ и врагами православія, не осталось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ; намъ посчастливилось лишь собрать довольно большую коллекцію мѣдныхъ крестовъ и иконъ, частью весьма замѣчательныхъ.

Всѣ они принадлежатъ къ числу случайныхъ находокъ, сдѣланныхъ мѣстными жителями, православными и католиками. Нѣкоторыя изъ нихъ хранились въ семьѣ уже нѣсколькихъ поколѣній и, по семейному преданію, были найдены близъ древнихъ церквискъ по сю и по ту сторону Буга; другія найдены недавно въ разныхъ мѣстахъ Дрогичина и его окрестностей: въ оврагахъ, спускающихся къ Бугу и размываемыхъ весенней водой, при рытіи картофельныхъ ямъ, при раскопкѣ огородовъ и т. под., наконецъ, какъ сказано выше, всѣ маленькіе крестики найдены нами на подножіи городища, на берегу Буга и, отчасти, даже въ самой рѣкѣ.

Предоставляя специалистамъ обсудить бѣольшую или меньшую древность собранныхъ нами древнихъ предметовъ, мы отмѣтимъ только тѣ изъ нихъ, которые, по нашему разумѣнію, кажутся самыми древними.

Къ такимъ я отношу, прежде всего, двѣ иконы Чудотворца Николая, почти одинаковыя. Обѣ изображаютъ Святаго съ мечемъ (точнѣе съ саблей) въ правой и церковью въ лѣвой рукѣ.

¹⁾ В. Муравьевъ: Жизнь Пресвятыя Богородицы, стр. 121.

Работа очень грубая; поле въ обоихъ экземплярахъ частью выкрошилось; ц.-славянская надпись неразборчива. Первая изъ этихъ иконъ была найдена Антономъ Панасюкомъ въ оврагѣ близъ развалинъ Пречистенскаго собора Даніила Романовича. Другая, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, густо вызолоченная и потому лучше сохранившаяся, найдена крестьяниномъ посада Русскій Дрогичинъ, Иваномъ Совковичемъ, на его собственномъ полѣ въ урочищѣ Горы, близъ котораго находится урочище церковско. По словамъ Совковича, онъ задѣлъ икону плугомъ; она лежала ликомъ внизъ, а подъ нею была горсточка гнилой пшеницы. Не менѣе древней кажется мнѣ мѣдная икона весьма первобытной работы, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія съ предстоящими, а съ другой ветхозавѣтной Троицы. Замѣчательна также небольшая тѣльная икона, найденная въ огородѣ крестьянина деревни Минчева, Ивана Скавронка, съ изображеніемъ Вознесенія на небо пророка Іліи. Передъ пророкомъ—десница Божія; позади Ангелъ; внизу кто-то, вѣроятно пророкъ Елисей, принимаетъ милость пророка Іліи; другой человѣкъ, какъ-бы пораженный этимъ зрѣлищемъ, лежитъ распростертый на землѣ.

Всего собрано мною въ Дрогичинѣ и передано въ Импер. Археологич. Коммиссію, кромѣ маленькихъ крестиковъ, 4 большихъ мѣдныхъ креста, 12 тѣльныхъ образовъ и 10 складней.

Много вѣковъ трудился Зап. Бугъ надъ гибельной разработкой дрогичинскаго городища. Съ каждымъ весеннимъ половодьемъ поглощаетъ онъ сотни, а можетъ быть и тысячи древнерусскихъ предметовъ. Остановить это разрушеніе нельзя, но можно спасти хоть тѣ вещи, которыя по спадѣ воды остаются на береговой отмели. Равнымъ образомъ можно и должно спасать и тѣ предметы, которые случайно находятся жителями при постройкѣ домовъ, копкѣ картофельныхъ ямъ и т. под. Дрогичинскіе крестьяне и мѣщане теперь болѣе или менѣе знаютъ, какая вещь годится и какая нѣтъ, потому что за каждую изъ первыхъ получали отъ меня плату. Уѣзжая изъ Дрогичина, я направилъ ихъ къ почтенному и просвѣщенному настоятелю мѣстнаго православнаго прихода, отцу Иларіону Будиловичу, который обязательно согласился собирать находимые въ Дрогичинѣ предметы и пересылать мнѣ.

Надѣюсь, что мнѣ удастся этимъ путемъ, хотя до нѣкоторой степени, обезпечить для науки частицу древняго Дрогичина.

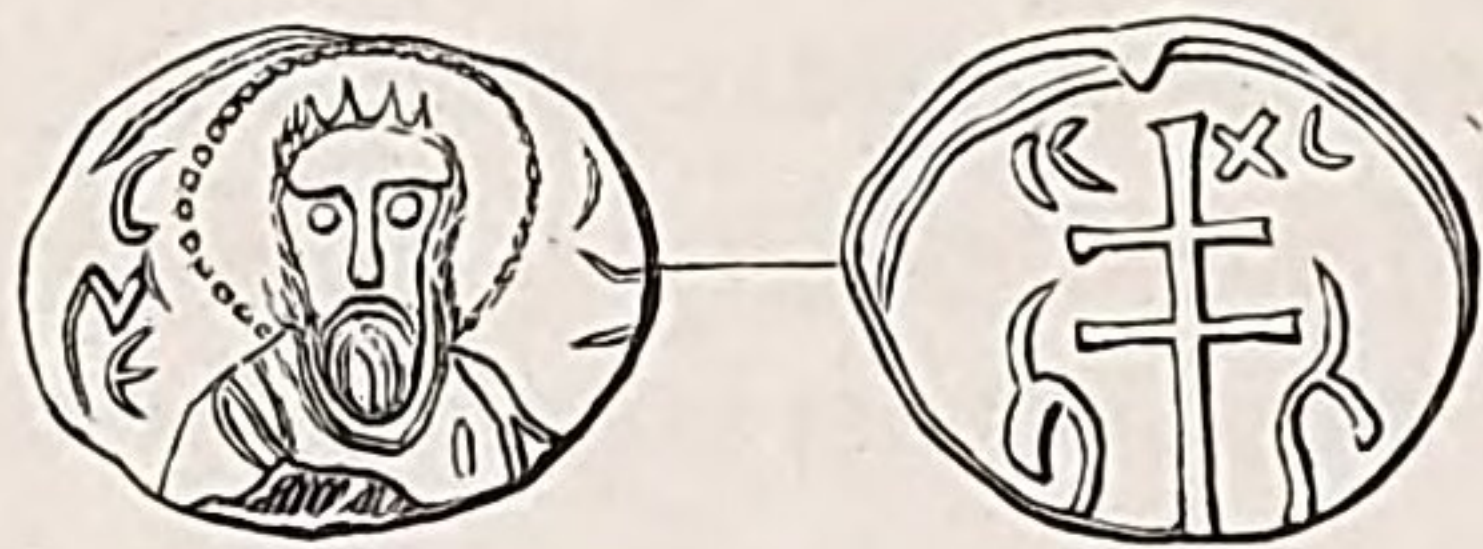
Бѣлостокъ.
Февраль 1889 г.

Когда первая половина настоящей статьи была уже напечатана, я получилъ изъ Дрогичина нѣсколько сотъ предметовъ, собранныхъ на берегу Буга въ послѣднее половодье крестьяниномъ Антономъ Барщевскимъ и мѣщаниномъ Феликсомъ Коханскимъ, принимавшими дѣятельное участіе въ моихъ прошлогоднихъ работахъ, какъ-то: бронзовый и каменный крестикъ; двѣ свинцовыхъ привѣски съ изображеніями и надписями; нѣсколько бронзовыхъ привѣсокъ; мѣдный наконечникъ какого-то неизвѣстнаго предмета; обломки большаго костянаго гребня съ украшеніями; бронзовый замѣкъ; худо сохранившійся денаръ Антошина Пія; около 160 каменныхъ и стеклянныхъ бусъ; болѣе 400 свинцовыхъ оттисковъ съ изображеніями и буквами; двадцать пять пряслицъ; двѣнадцать малыхъ желѣзныхъ ножей; сулица и желѣзный наконечникъ стрѣлы; двѣ очень широкихъ и плоскихъ желѣзныхъ подковы; обломокъ желѣзнаго серпа;

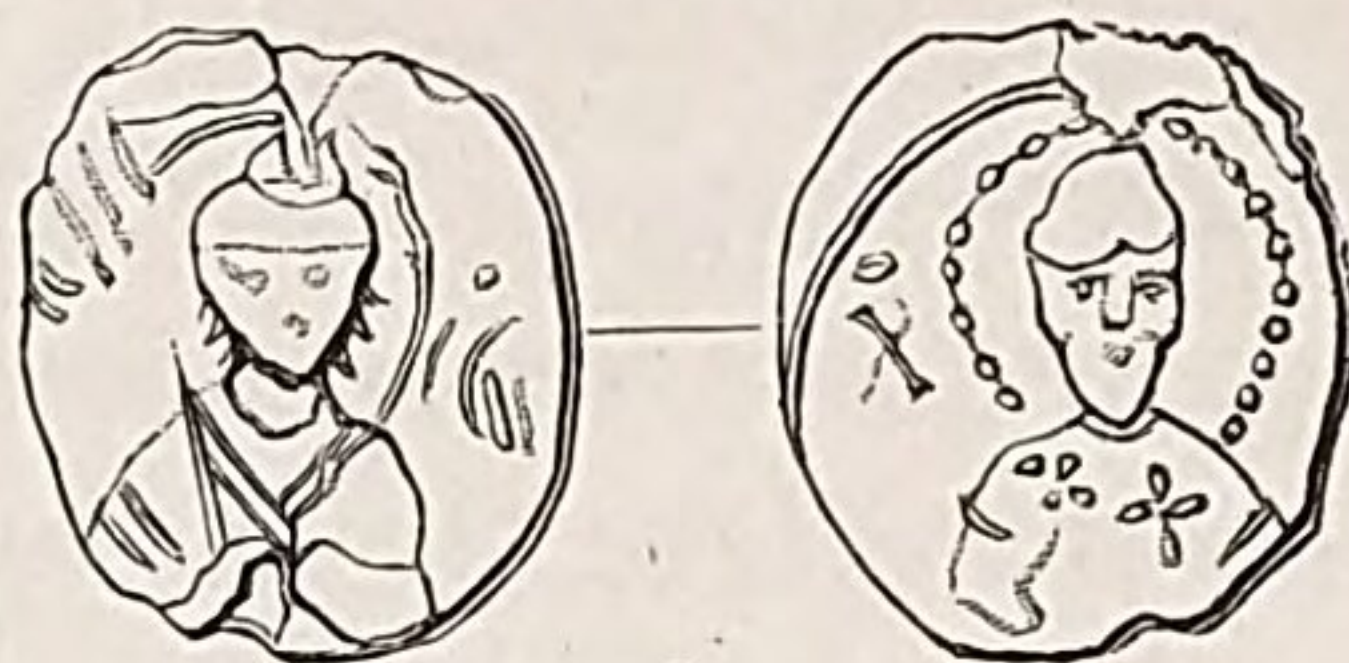
обломки фитильнаго ружья и т. под. Кромѣ того Барщевскій прислалъ два не вполне сохра-
нившихся небольшихъ могильныхъ горшка, выкопанныхъ рабочими при проведеніи шоссе изъ
Дрогичина въ Высоко-Литовскъ. Изъ этихъ предметовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

1) Свинцовая привѣска съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Меѳодія и начальною над-
писью его имени. На другой сторонѣ православный крестъ съ надписью: ІС ХС и двумя акан-
ѳами по обѣ стороны нижней части креста (см. прилагаем. рисунокъ № 17); 2) другая свинцовая

№ 17.

№ 18.

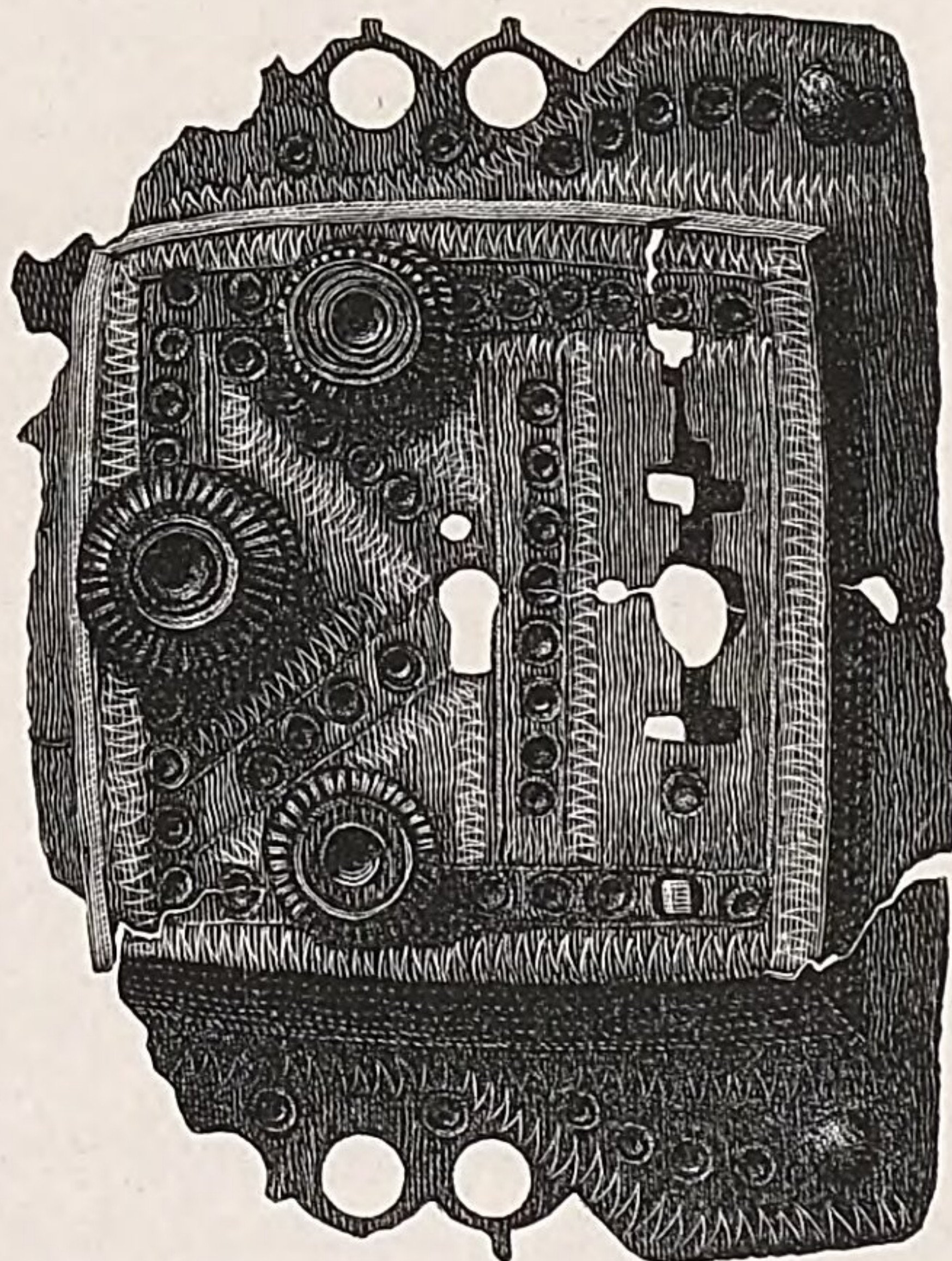

привѣска съ изображеніемъ святаго на обѣихъ сторонахъ (см. прилаг. рис. № 18); 3) бронзовая
очень изящная привѣска, въ видѣ трилистника съ изображеніями человѣческихъ лицъ въ круж-
кахъ изъ точекъ (см. прилаг. рис. № 19); 4) бронзовый, хорошо сохранившійся, замѣкъ отъ шка-
тулки или другого небольшого предмета, съ украшеніями, весьма сходными съ замѣченными на
костяныхъ гребняхъ и нѣкоторыхъ бронзовыхъ вещахъ прежнихъ находокъ (см. прилаг.
рис. № 20); 5) бронзовое украшеніе отъ ремня (см. прилаг. рис. № 21).

№ 19.

№ 20.

№ 21.

ОПИСАНІЕ
НѢКОТОРЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ,
НАЙДЕННЫХЪ
ВЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОСТАВЛЕНО ПО МАТЕРІАЛАМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

STATE OF NEW YORK

Древности Витебской губерніи неоднократно обращали на себя вниманіе нашихъ любителей и изслѣдователей отечественной старины. Благодаря указаннымъ ниже трудамъ графа Ад. Платера (1), А. Брандта (2), графовъ Евст. и Конст. Тышкевичей (3), К. А. Говорскаго (4), М. Ф. Кусцинскаго (5), А. М. Сементовскаго (6), графа А. С. Уварова (7), А. П. Сапунова (8), Э. Лемана (9), З. Глогера (10), Ю. Дёринга (11), В. Неймана (12) и друг. (13), мы имѣемъ уже довольно значительное количество матеріаловъ по этой части. Нѣкоторыми изъ нихъ воспользовался пок. К. Гревинкъ въ своемъ изслѣдованіи о языческихъ могилахъ Литвы (14), высказавъ въ немъ нѣсколько общихъ соображеній и предположеній относительно различныхъ древнихъ издѣлій, найденныхъ въ предѣлахъ Витебской губерніи. Въ виду неудовлетворительной разработки матеріаловъ, находившихся въ его распоряженіи, онъ самъ, впрочемъ, не придавалъ своимъ догадкамъ особеннаго значенія. «Какъ бы ни отнеслись къ моимъ гипотезамъ» (говоритъ онъ въ названномъ трудѣ, стр. 165), «всякій однакоже согласится, что точнѣйшее археологическое изслѣдованіе Витебской губерніи представляетъ большой интересъ и что я исполнилъ, по крайней мѣрѣ, свою обязанность, обративъ на него особенное вниманіе».

Желаніе содѣйствовать дальнѣйшей разработкѣ археологическихъ матеріаловъ, относящихся до Витебской губерніи, побудило Императорскую Археологическую Коммиссію издать нѣкоторые, имѣющіеся въ рукахъ ея, документы по этому предмету. Въ тѣхъ-же видахъ она считаетъ долгомъ обратиться къ лицамъ, занимающимся и интересующимся изслѣдованіемъ Витебскихъ древностей, съ просьбою сообщить ей находящіеся въ распоряженіи ихъ неизданные матеріалы, могущіе послужить къ разъясненію тамошней старины, какъ-то: свѣдѣнія о раскопкахъ и случайныхъ археологическихъ находкахъ, относящіеся къ нимъ рисунки и планы, или самыя найденныя предметы, которые, по снятіи съ нихъ рисунковъ, будутъ немедленно возвращены приславшимъ ихъ.

Съ искреннею благодарностью Археологическою Коммиссіею будутъ приняты также указанія на пробѣлы, которые могутъ оказаться въ нижеслѣдующемъ библиографическомъ обзорѣ.

1) A. Plater: O starożytnych kamieniach z napisami, znajdujących się w rzece Dźwinie (od XIII wieku) koło Polocka i Dzieśny. Въ соч. Rubon. Pismo, poświęcone pożytecznej rozrywce. T. II (Wilno, 1842), стр. 37—48, съ табл. рис. (О литературѣ, относящейся къ этимъ камнямъ, см. между прочимъ Археолог. Вѣстн. Моск. Арх. Общ., стр. 159—160; Труды Моск. Арх. Общ. IX, проток. стр. 21; Вилен. Вѣстн. за 1864 годъ, № 56).

Его-же: O dawnych grobach i starożytnościach odkrytych w Inflantach Polskich. Въ томъ-же журналѣ, Т. V (Wilno, 1845), стр. 7—33, съ 3 табл. рис. Нѣмецкій переводъ этой статьи (съ нѣкоторыми дополненіями и поправками) помѣщенъ въ Mittheil. aus der livländ. Gesch. Bd. IV (Riga, 1845), стр. 253—279, съ 3 табл. рис., и стр. 482—492, съ 2 табл.

Его-же: Poszukiwania historyczne, do jakiego narodu należeć mogły groby znajduwane w Inflanciech i innych Nadbaltyckich prowincjach. Въ томъ-же журн. Т. VI (1845), стр. 7—35, и Т. VIII (1847), стр. 22—49.

2) A. Brandt: Alte Gräber und darin gefundene Alterthümer in Polnisch-Livland. Въ Дерптской газетѣ Inland за 1846 годъ, №№ 42 и 43. Извлечение изъ этой статьи, подъ заглавіемъ: «О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ», помѣщено въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1851 годъ, т. XXXIII, стр. 212—226. Тѣмъ-же источникомъ, вѣроятно, пользовался Фр. Франкъ въ своей статьѣ: «Die eigenthümlichen Todtenhügel in den Gubernien Witepsk, Pskow und Kurland (Hamburger literär. und krit. Blätter, 1851, № 87), о которой упоминаетъ Мантейфель въ своемъ соч. Inflanty Polskie. Poznań, 1879.

3) Eust. Tyszkiewicz: Rzut oka na źródła archeologii krajowej, czyli opisanie zabytków niektórych starożytności odkrytych w zachodnich guberniach Cesarstwa Rosyjskiego. Wilno, 1842. Съ 8 табл. рис.

Его-же: Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki i rzemiosł w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850. Съ 5 табл. рис.

К. Tyszkiewicz: Wiadomosc historyczna o zamkach, horodyszach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859.

Его-же: О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. Вильна, 1865 г. (Отд. оттискъ изъ Вилен. Вѣстн. за 1864 г., №№ 112—117). Есть также польское изданіе этого соч.: O kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Berlin, 1868. Съ 16 табл. рис.

4) К. А. Говорскій: Археол. поѣздка изъ Полоцка, по направленію такъ называемой Ольгердовой дороги, и Археолог. розысканія въ окрестностяхъ г. Полоцка. Въ Зап. Импер. Археол. Общ., т. V (Спб., 1853), Прилож., стр. 88—103. См. также Витеб. Губ. Вѣдом. за 1860 г., №№ 5—9. 11. 12, и за 1863 годъ, № 4. Вѣстн. Юго-Зап. и Западной Россіи, 1863 года. Авг., стр. 122—140.

5) М. Ф. Кусцинскій: Опытъ археологич. изслѣдованій въ Лепельскомъ уѣздѣ. Въ Витебск. Губ. Вѣд. за 1865 годъ, № 20. См. также Вилен. Вѣстн. за 1860 г., № 12.

Его-же: Надгробный камень надъ павшими въ сраженіи въ 1568 году, найденный въ Лепельскомъ уѣздѣ Витеб. губ. Въ Труд. Моск. Арх. Общ., IV, 92—93. Проток. стр. 46—49. 54, гдѣ помѣщены свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ имъ, въ 1872 г., въ землѣ Кривичей. См. также Przegląd bibliograf.-archeol., за 1882 годъ, № 27—28, стр. 119—120.

6) А. М. Сементовскій: Памятники старины Витебской губерніи. Спб., 1867 годъ. Съ археолог. картою и 46 полиטיפажми. (Книга эта составляетъ отдѣльный оттискъ изъ Памятн.

Книжки Витеб. губ. за 1867 годъ). Большая часть помѣщенныхъ въ ней рисунковъ появилась уже въ Пам. Кн. Витеб. губ. за 1864, 1865 и 1866 годы. Новое, значительно пополненное и исправленное изданіе этого соч. вышло подъ заглавіемъ: «Бѣлорусскія древности». Выпускъ 1-й. Спб., 1890.

Его-же: Замѣтка для археолога. Витебск. Губ. Вѣдом. за 1863 г., № 44. См. также: Свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ въ Витеб. губ. Витеб. Губ. Вѣд. за 1864 г., № 28 и 29.

Его-же: Полотскій Борисоглѣбскій монастырь и Тадулинскій Св. Успенскій монастырь. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1866 годъ. Съ 5 рис. въ текстѣ. — Полоцкая Софійская церковь. Въ Памятн. Книжки Витеб. губ. за 1878 годъ, стр. 51—92, съ помѣщенными въ текстѣ рисунками древняго складня, лампы и надписи на ней, тканого орлеца, части ковра, митры и кресла.

Его-же: О раскопкахъ нѣ им. Бездѣдовичахъ. Въ Витеб. Губ. Вѣд. за 1884 г. № 73.

Его-же: Вновь открытая въ Полоцкомъ уѣздѣ, на берегу р. Ушача, группа древнихъ кургановъ. Витебск. Губ. Вѣд. за 1889 г. № 60. (Изъ Вилен. Вѣстн.).

7) Графъ А. С. Уваровъ: Археологія Россіи. Каменный періодъ. Москва, 1881 г., т. II, Приложенія: Витебская губ., стр. 50—53 и 137—138. Табл. 39-ая.

8) А. П. Сапуновъ: Историч. свѣдѣнія о Витебскомъ замкѣ. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1881 годъ, ч. II, стр. 143—176, съ 2 рис. въ текстѣ.

Его-же: Витебская старина, т. I, IV и V. Витебскъ, 1883, 1885 и 1889, со множествомъ картъ, табл. рис. и полиптижей. См. также Витеб. Губ. Вѣд. за 1886 г., №№ 8—19.

Его-же: Историч. судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлянтъ, и Историч. свѣдѣнія о городахъ и замѣчательныхъ мѣстностяхъ его. Въ Памятн. Кн. Витеб. губ. за 1887 годъ, Прилож., стр. 1—38, съ видами и планами пяти древнихъ замковъ, герба Инфлянтскаго и печатей комтуровъ Динабургскаго и Волькенбургскаго.

9) Ed. Lehmann: Bericht über die Gräberaufdeckungen bei Stirnian (въ Рѣжицкомъ уѣздѣ) im Herbst 1872. Въ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. VII, Heft 3—4, стр. 106—115.

10) Zygm. Glogier: Wykopalska Maryjehauskie (въ Люцинскомъ уѣздѣ). Отд. оттискъ изъ 1-го тома издав. въ Варшавѣ Pamiętnik Fizyograficzny за 1881 г. Съ 1 табл. рис. (О нѣкоторыхъ древностяхъ, найденныхъ въ 1883 году въ имѣніи Скильбанъ, въ 15 верст. отъ Мариенгаузена и подаренныхъ г. П. фонъ-Геккелемъ музею Эстонскаго Общ., см. Sitz.-Ber. d. gel. Estn. Ges. за 1884 годъ, стр. 26—27). См. также L. Dudrewicz: O czaszkach ludzkich z cmentarzyska w Maryjehauzie. Въ Pam. Fiz. l. c. 4 стр. съ 1 табл. рис.

11) I. Döring: Der Pilskalns in Schlossberg (Poln.-Livland), muthmasslich das alte Gericke. Въ Sitz.-Ber. d. kur. Ges. für Lit. u. Kunst, aus d. Jahre 1878, p. 56—66, съ 1 табл. рис.

12) W. Neumann: Die Ordensburgen im sog. polnischen Livland. Въ Mittheil. aus der livländ. Gesch. Bd. XIV (Riga, 1889), стр. 299—323, съ 6 табл. рис.

13) О разныхъ древностяхъ, найденныхъ въ Витебской губерніи, см. еще Отчеты Импер. Археол. Комм. за 1868 г., стр. XXI; за 1870—71 г., стр. XLIV; за 1872 г., стр. XXVII; за 1873 г., стр. XXXIV; за 1875 г., стр. XXXV; за 1876 г., стр. XL; за 1877 г., стр. XXVI; за 1878—9 г., стр. XXXVIII и LXVIII; Зап. Импер. Археол. Общ. V, проток. стр. 33 (раскопки г. Вильчинскаго въ Лепельск. уѣздѣ); Зап. для обозр. русск. древн., стр. 11. 14. Изв. Импер. Русск. Арх. Общ., т. I, стр. 239—240; т. II, 126; т. III, 288; т. X, стр. 87—90 (раскопки Д. В. Зиновьева въ Люцинскомъ уѣздѣ); Труды Моск. Арх. Общ., II, 78. 79. IV, прот. стр. 15.

VI, прот., стр. 12—13. VII, прот., стр. 36. VIII, прот., стр. 17. 27—28. 41. IX, прот., стр. 13. X, отч., стр. 10. XI, прот., стр. 45. XII, прот., стр. 54; Каталогъ отдѣл. доисторич. древн. Моск. Публ. Муз. (Москва, 1873), стр. 32, 37, 38; Указат. Имп. Росс. Истор. Муз. (Москва, 1883), стр. 13, 59, 60; Киркора, Перечневый Каталогъ предметовъ въ Вилен. Муз. древностей (Вильна, 1858), №№ 15. 67. 874—876. 892. 2613, и Бѣлорусское Полѣсье (Живоп. Россія, т. III); Каталогъ предметовъ Музея древностей, состоящаго при Вилен. Публич. Библ. (2-е изданіе. Вильна, 1885), стр. 8, 9, 10, 14, 15, 16, 20, 72. Hartmann: Das Vaterländ. Museum zu Dorpat (Verhandl. d. gel. Estn. Ges. Bd. VI, Heft 3. 4), стр. 221. 224.

14) C. Grewingk: Ueber heidnische Gräber Russisch Litauens und einiger benachbarter Gegenden, insbesondere Lettlands und Weissrusslands. Dorpat, 1870. Съ 1 табл. рис. и 11 политипажам. (Отд. оттискъ изъ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. VI, Heft 1—2). См. его-же: Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurlands und einiger angrenzenden Landstriche. Dorpat 1865. Съ 2 табл. рис. (Изъ Schr. der gel. Estn. Ges. № 4) и Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat, 1871. Съ 1 табл. рис. (Изъ Verhandl. d. gel. Estn. Ges. Bd. VII, Heft I, стр. 1—49). Нѣкоторыя мѣста находокъ древнихъ каменныхъ и желѣзныхъ издѣлій въ Витеб. губ. обозначены на археологич. картѣ, изданной пок. Гревинкомъ въ Verhandl. der gel. Estn. Ges. Bd. XII (1884): Archaeol. Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisentalers von Liv-, Est- u. Kurland.

І.

Въ 1877 году Витебскій Губернскій Статистическій Комитетъ доставилъ въ Археологическую Коммиссію слѣдующія *бронзовыя* вещи, найденныя въ Люцинскомъ уѣздѣ, Балтиновской волости, деревни Чилипино, на земляхъ имѣнія Школбаны, въ мѣстности, называемой «военныя могилы»¹⁾:

1) Украшенное насѣчкою шейное кольцо, изображающее три изгиба змѣи, безъ головки (поломано на двѣ части).

2) Остатки цѣпи изъ спирально свитой проволоки, снаружи закругленной, а съ внутренней стороны — плоской (табл. VIII, рис. 5, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.). Срав. Kruse: Necroliv. Tab. III, A, и XXVII, 12.

3) Остатки пластинокъ и проволоки, очевидно отъ колець цѣпи.

4) Два браслета, изъ которыхъ одинъ, оканчивающійся съ обѣихъ сторонъ змѣиною (?) головою²⁾, свитъ изъ двухъ круглыхъ проволокъ (табл. VIII, рис. 4, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.), а другой со-

¹⁾ По словамъ А. М. Сементовскаго (Труд. Моск. Арх. Общ. VIII, Проток. стр. 41), вещи эти открыты въ одной изъ могилъ находящагося тамъ древняго кладбища, занимающаго около полудесятины и уже болѣе или менѣе разрытаго кладонскаателями. См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1877 г., стр. XXV.

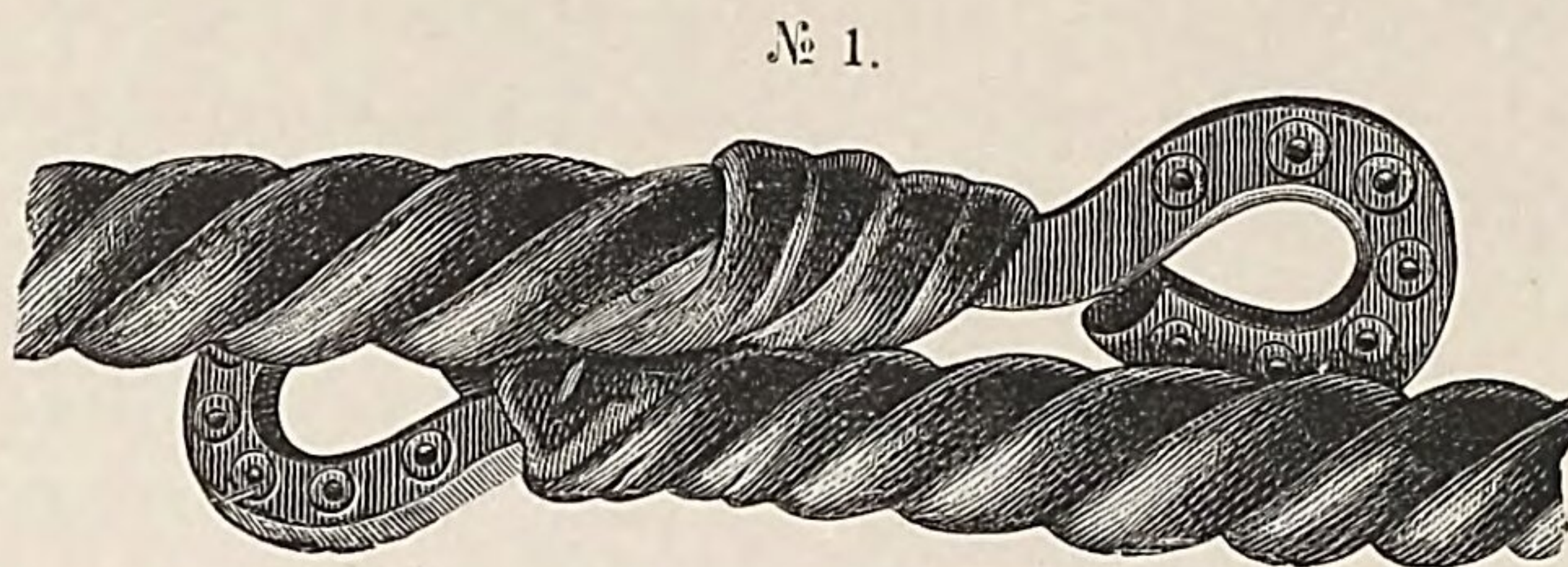
²⁾ Такая головка встрѣчается перѣдко на древнихъ браслетахъ Прибалт. края. См. Plater: Ueber alte Gräb. Tab. II, 34. Kruse: Necroliv. Tabl. XIX, 4. 5. XXVII, 10. Bähr: Die Gräb. d. Liven, табл. II, 4. 5.

стоитъ изъ плоской пластинки, снаружи украшенной выпуклымъ пояскомъ, на которомъ вырѣзаны кружки и по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщены въ срединѣ арабески, а по направленію къ обоимъ концамъ, имѣющимъ видъ змѣиныхъ головокъ, два ряда треугольниковъ (табл. VIII, рис. 6, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.).

5) Шейное проволочное съ нарѣзною спиралью кольцо, съ однимъ тупымъ, четырехугольнымъ граненымъ, и другимъ гладкимъ круглымъ обломаннымъ концомъ (табл. VIII, рис. 9, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.).

6) Большое, вѣроятно поясное, кольцо, свитое изъ двухъ толстыхъ проволокъ и оканчивающееся двумя плоскими крючками, обѣ стороны которыхъ украшены нарѣзными кругами (табл. VIII, рис. 8, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.). Съ обоихъ крючковъ, образующихъ застежку, при семъ прилагается рисунокъ № 1 въ величину оригинала.

7) Шейное украшеніе, въ видѣ обруча, по срединѣ круглаго и гладкаго, а въ двухъ оконечныхъ частяхъ плоскаго; одинъ изъ этихъ плоскихъ полукруговъ украшенъ съ наружной стороны нарѣзными арабесками и содержитъ на нижнемъ краѣ 31 дырочку, въ каждую изъ которыхъ было вдѣто кольцо, съ привѣшанною къ нему четырехугольною, суживающеюся кверху, пластинкою; только въ одно изъ колечекъ, находящееся по срединѣ полукруга, вдѣтъ круглый полый бубенчикъ съ ушкомъ сверху и прорѣзнымъ отверстіемъ внизу (табл. VIII, рис. 2, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.); у нѣкоторыхъ колець привѣсокъ не достаетъ. Срав. Plater: Ueber alte Gräber Taf. I, 5. 10. Kruse: Necrolivon. Tab. XXVI, 8; Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, 12. E. Tyszkiewicz: Rzut oka, Табл. II, рис. 32. Hartmann: Das Vaterland. Museum, Табл. II, рис. 12.

8) Цѣпь, длиною въ $13\frac{1}{2}$ вершковъ, состоящая изъ тройнаго ряда мелкихъ, вдѣтыхъ одно въ другое, двойныхъ проволочныхъ колечекъ, сверху прикрѣпленнаго проволочнымъ кольцомъ, а снизу также вдѣтаго въ проволочное кольцо; къ послѣднему привѣшана круглая пластинка, съ обѣихъ сторонъ украшенная нарѣзными треугольниками и кружками, и кромѣ того, вверху и внизу имѣющая по полукруглой выемкѣ, а по обоимъ бокамъ зубчики¹⁾; затѣмъ надъ нижнею полукруглою выемкою въ пластинкѣ просверлена дырочка, въ которое также продѣто проволочное кольцо съ висящимъ на немъ круглымъ, прорѣзнымъ бубенчикомъ²⁾. См. табл. VIII, рис. 7, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.

Вмѣстѣ съ этими бронзовыми вещами были найдены остатки узкихъ, въ $\frac{1}{4}$ дюйма, ремней съ дырочками, вѣроятно для прикрѣпленія къ нимъ украшеній, и стеклянная, зеленовато-желтаго цвѣта, буса, величиною въ обыкновенный лѣсной орѣхъ³⁾.

¹⁾ Подобные бубенчики изображ. въ соч. Крузе: Necrolivon. табл. III, рис. G и H; см. тамъ-же табл. X. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, 2 в. X, 4, 6, 10, 13, 17, XI, 6.

²⁾ См. подобную пластинку съ крестомъ въ соч. Бэра: Die Gräber d. Liven, табл. XII, 12.

³⁾ Всѣ эти вещи переданы въ Императорскій Эрмитажъ.

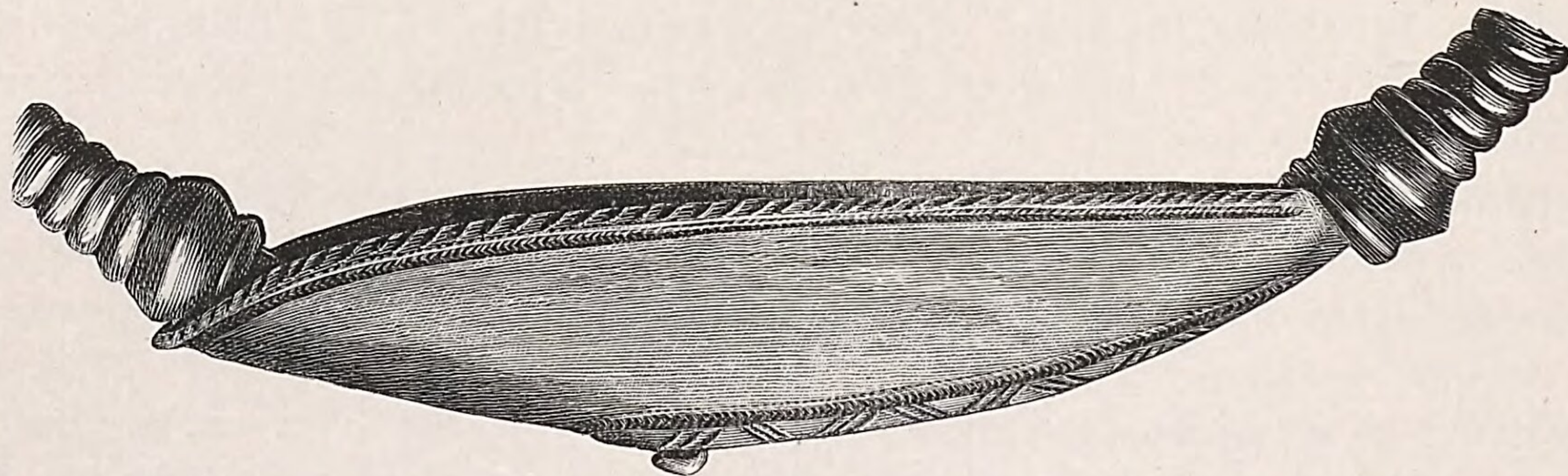
древн. сѣверо-западн. края.

II.

Въ сентябрѣ 1878 года въ томъ-же Люцинскомъ уѣздѣ, въ Аннопольскомъ обществѣ Истрской волости, дер. Мишкиневѣ, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ фольварка Фряшки, на взрытомъ песчаномъ полѣ, близъ котораго, по преданію, когда-то существовало древнее кладбище, найдены четыре *серебряныхъ* шейныхъ обруча, два вѣсомъ по $\frac{3}{4}$ фунта каждый, а два по 1 фунту¹⁾. Первые два состоятъ изъ круглаго и толстаго, согнутаго въ кольцо прута, утончающагося къ обоимъ концамъ, гдѣ онъ, принявъ уже форму проволоки, на одномъ концѣ изгибомъ назадъ образуетъ петлю, а на другомъ — входящій въ нее крючекъ, слѣдовательно вмѣстѣ застежку, затѣмъ остальною своею проволочною частию обматываетъ прилежающія къ застежкѣ части въ видѣ спирали (табл. VIII, рис. 10, 11, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.).

Два другихъ обруча представляютъ также довольно толстый, согнутый въ кольцо, прутъ, оканчивающійся съ одной стороны продолговатою, въ видѣ челнока, чашечкою, съ прорѣзомъ внизу, для вдѣванія въ нее крючка, которымъ оканчивается другая сторона кольца. Средняя часть обруча совершенно гладка, а примыкающія къ ней части обмотаны довольно толстою серебряною проволокою, которая съ обѣихъ сторонъ заканчивается боченкообразною дутою пуговкою съ поясками (табл. VIII, рис. 1 и 3, въ $\frac{1}{3}$ натур. велич.). На одномъ изъ этихъ обручей, уже въ старину поломанномъ и заплатанномъ, недостаетъ части проволочной спирали на той части кольца, которая оканчивается чашечкой. Съ наружной стороны одна изъ чашечекъ украшена сверху продольными желобками, а снизу треугольниками, другая же чашечка — такими-же треугольниками снизу и узорчатой каемкой сверху (см. прилагаемый рис. № 2 въ натур. велич.).

№ 2.

Всѣ четыре обруча, присланные въ Импер. Археол. Коммиссію Витебскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, переданы ею въ Императорскій Эрмитажъ²⁾.

III.

Въ ноябрѣ 1882 года Археологическая Коммиссія получила также отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета нѣсколько *бронзовыхъ* вещей, которыя случайно найдены были

¹⁾ См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1878—1879 гг., стр. XXXVIII.

²⁾ Туда-же поступили три обыкновенныхъ серебряныхъ витыхъ кольца, найденныхъ въ 1872 году, въ Витебскомъ уѣздѣ, Лосвидской волости, при деревнѣ Заборцахъ. См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1872 годъ, стр. XXVII—XXVIII. Семеновскій: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 73.

крестьяниномъ, при обработкѣ огорода, въ Динабургскомъ уѣздѣ, Ужвалдской волости, деревни Эгли¹⁾, какъ-то:

1) Семь браслетовъ, состоящихъ изъ толстыхъ пластинокъ, оканчивающихся змѣиными головками и украшенныхъ съ наружной стороны змѣиными чешуйками (см. табл. VII, рис. 13 и 16); сравн. браслеты, изображ. на табл. VII, рис. 5, 7.

2) Два шейныхъ кольца, скрученныхъ каждое изъ двухъ толстыхъ проволокъ и оканчивающихся одно двумя крючками (см. табл. VIII, рис. 13), другое конусообразными застежками, изображенными на прилагаем. рисун. № 3, въ натур. величину²⁾.

3) Украшенная снаружи нарѣзными кружками подковообразная пряжка или фибула съ изогнутымъ язычкомъ.

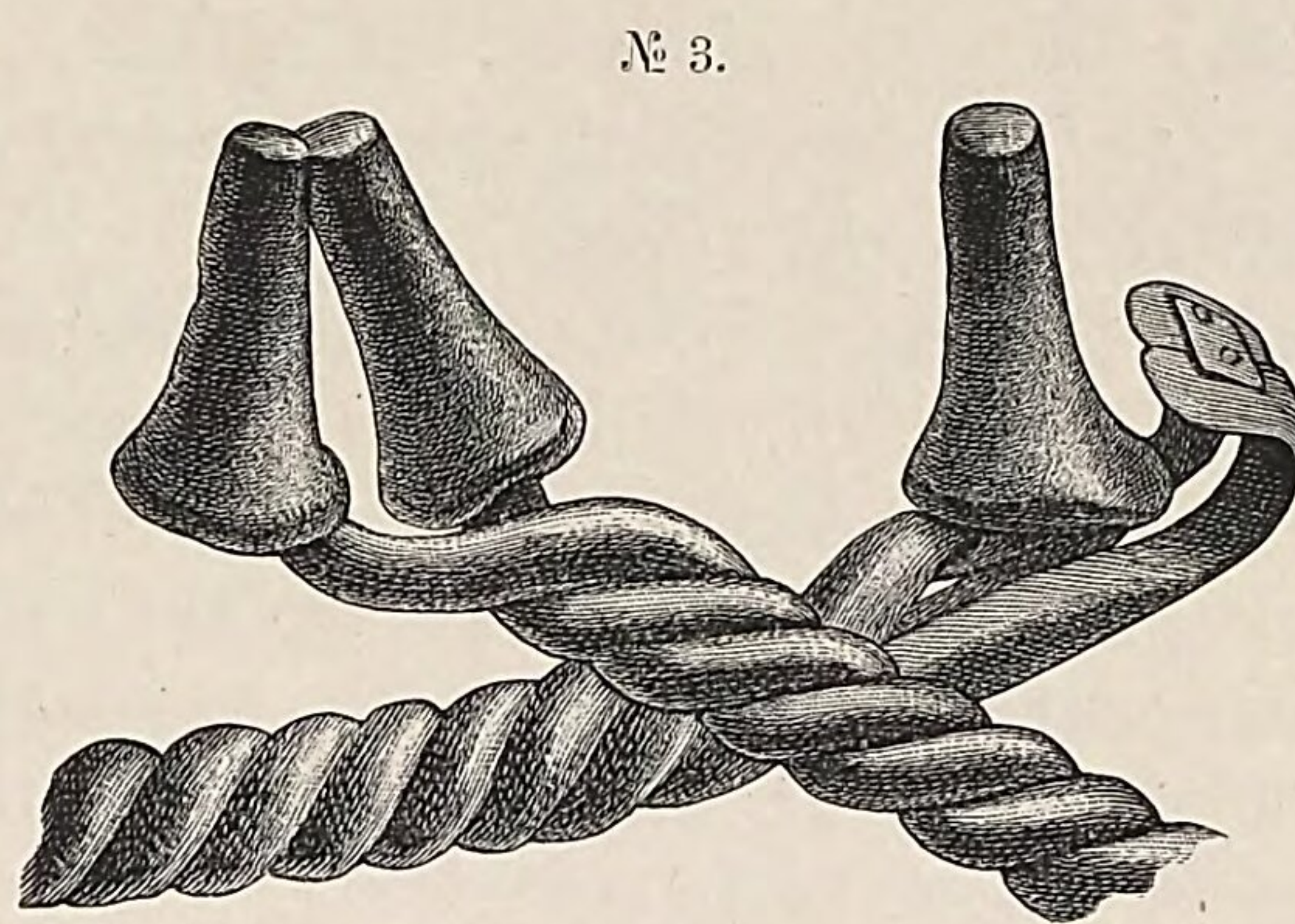
4) Четыре маленькія свернутыя спиралью пластинки, въ которыя вѣроятно также продѣты были шнурки или ремни, какъ въ спирали, найденныя въ Людвиковскомъ могильникѣ (см. ниже стр. 54—55).

5) Тонкая гладкая проволока, по всей вѣроятности отъ ручнаго кольца.

6) Небольшой крестикъ на проводномъ крючкѣ³⁾, украшенный съ одной стороны изображеніемъ лежащаго креста и четырехъ кружковъ (см. прилаг. рис. № 4 въ натур. велич.).

№ 4.

№ 3.

Эти вещи поступили изъ Археологической Коммисіи въ Императорскій Эрмитажъ.

IV.

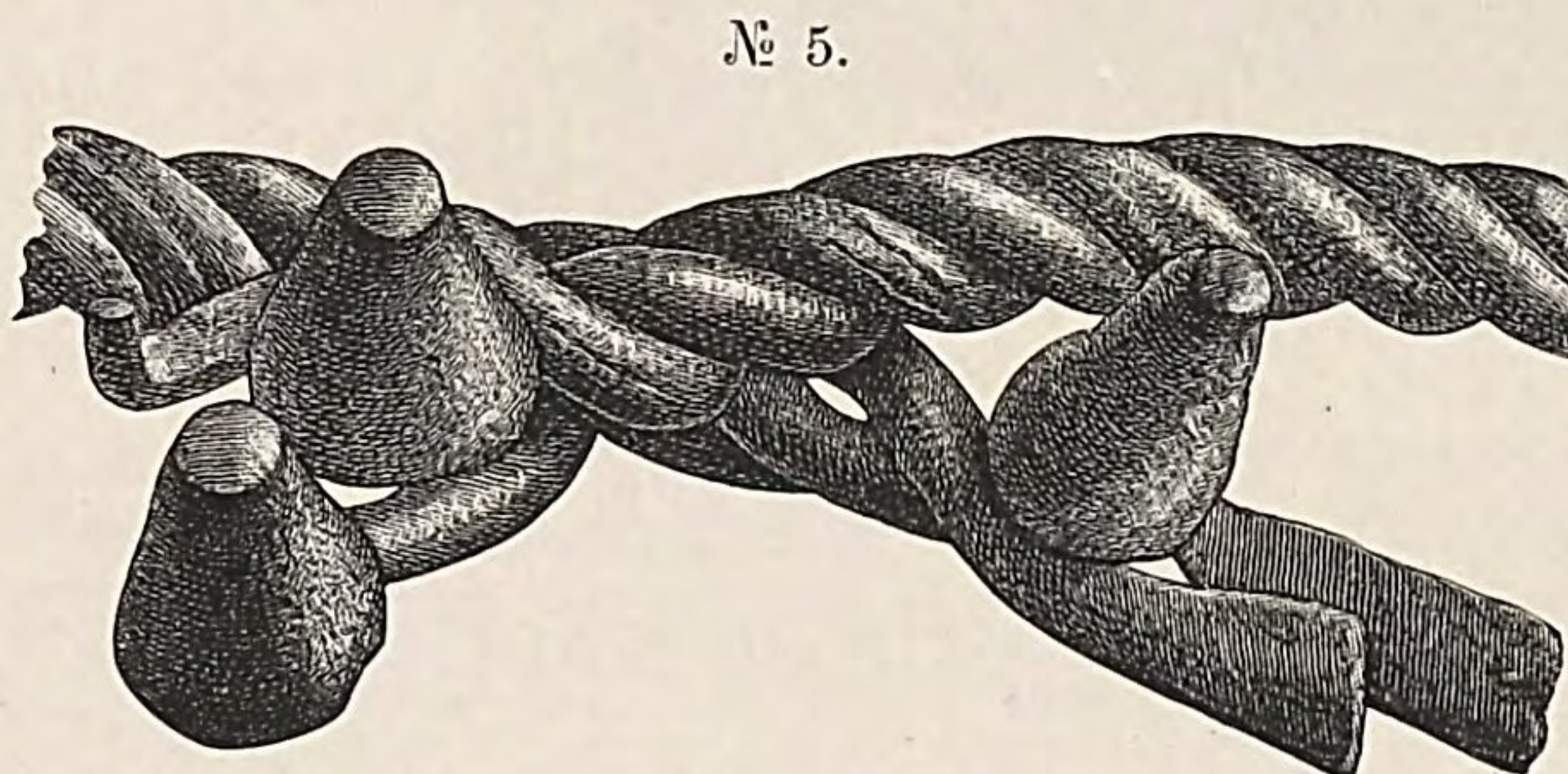
Въ той-же Ужвалдской волости, Динабургскаго уѣзда, въ дер. Кручери, въ 1886 году⁴⁾, при обработкѣ крестьяниномъ земли подъ посѣвъ хлѣба, найдены:

1) Три кольца, изъ свитыхъ спиралью бронзовыхъ проволокъ (два изъ нихъ изображ. на табл. VII, рис. 1 и 4, въ натур. велич.).

2) Подковообразная бронзовая фибула съ язычкомъ, оканчивающаяся двумя четырехконечными звѣздочками, которыя украшены изображеніемъ кружка, съ точкою внутри (табл. VII,

¹⁾ См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1882—1888 гг., стр. 23. Семеновскій: Бѣлорусскія древности, вып. I, стр. 65.

²⁾ Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится другое (также найденное, кажется, въ Витебской губ.) шейное кольцо, свитое изъ двухъ толстыхъ бронзовыхъ проволокъ и оканчивающееся подобною-же застежкой (см. прилаг. рисун. № 5, въ натур. величину). Срав. Plater: Ueber alte Gräber, Tab. II, 26. 27. Kruse: Necroliv. Tab. XXVII, рис. 9. Bähr, Die Gräber der Liven, Tab. XIV, a. b.

№ 5.

³⁾ Сравн. Kruse: Necrolivon. Табл. XVII, рис. 4. Bähr: Die Gräber d. Liven, Табл. XII, рис. 2. XXI, рис. 4 а.

⁴⁾ См. Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1882—1888 гг., стр. CLXIII. Семеновскій: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 64—65.

рис. 2, въ натур. велич.). Срав. Kruse: Necrolivon. Tab. XII, 6. Bähr: Gräb. d. Liv. Taf. VIII, 6. Taf. XVII, 16 a.

3) Бронзовая, украшенная съ обѣихъ сторонъ треугольниками и кружками, зубчатая пластинка, съ двумя выемками (табл. VII, рис. 3, натур. велич.), почти тождественная съ тою привѣскою, которая описана выше, на стр. 49, и изображена на табл. VIII, рис. 7. Срав. Hartmann: Das Vaterländ. Museum, pag. 53, № 20.

4) Два бронзовыхъ браслета, оканчивающихся змѣиными головками и украшенныхъ съ наружной стороны треугольниками (табл. VII, рис. 5, 7, въ натур. велич.).

5) Одинъ бронзовый плоскій браслетъ съ тупыми концами, украшенный снаружи прямыми пересекающимися чертами (табл. VII, рис. 11, въ натур. велич.). Сравни. Табл. VI, рис. 18 и 19. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. XIII, 8.

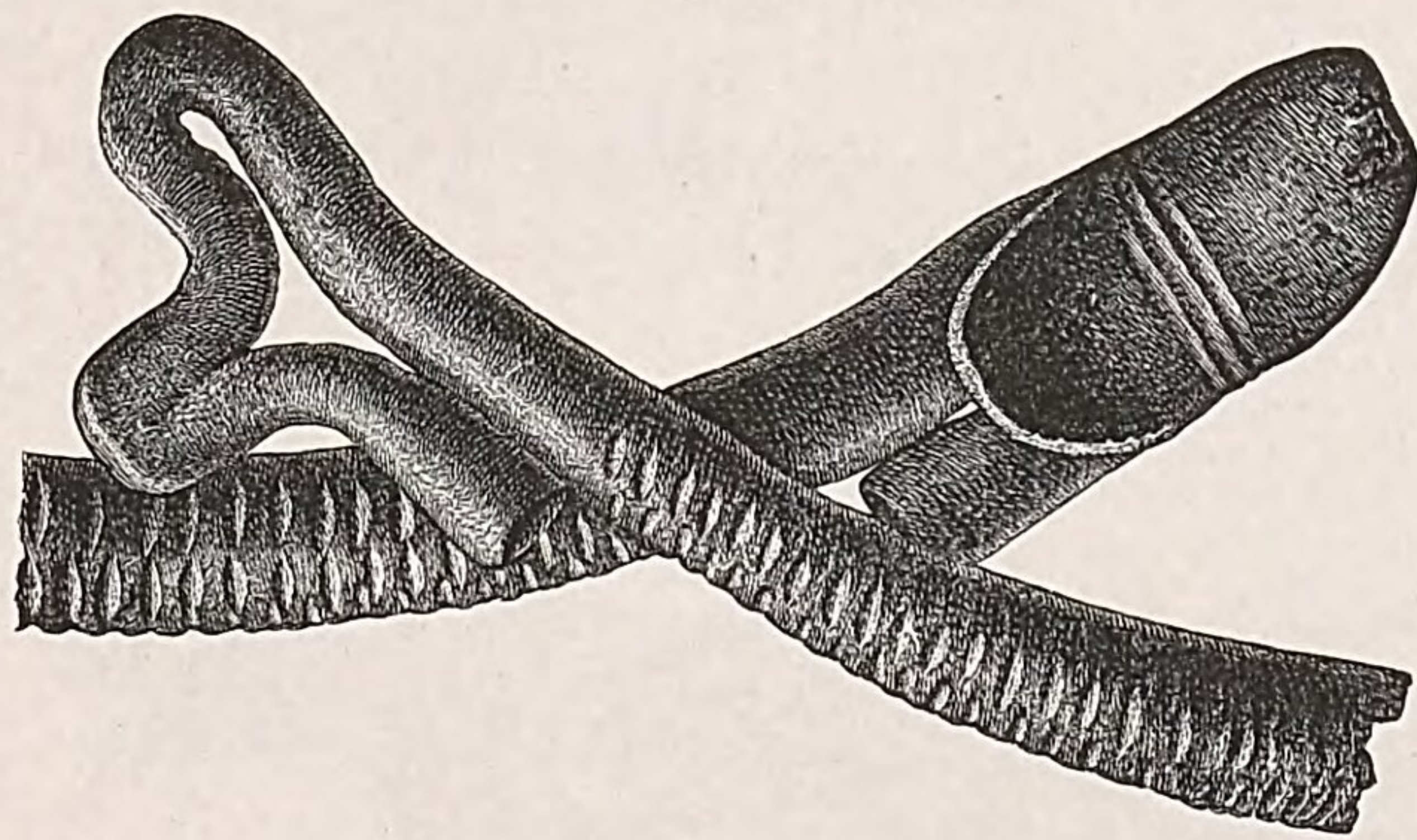
6) Нѣсколько браслетовъ изъ плоскихъ и совершенно гладкихъ пластинокъ (табл. IV, рис. 5, 6, 7, 8 въ натур. велич.).

7) Свитыя спиралью бронзовыя пластинки въ видѣ трубочекъ, надѣтыя на ремни и шнуры (табл. IV, рис. 11, 13, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.; VII, рис. 6, въ натур. велич.).

8) Двѣ бронзовыя четырехугольныя пластинки, украшенныя каждая снаружи тремя кружками (табл. VII, рис. 8 и 9, въ натур. велич.) и сходныя съ тѣми пластинками, которыя мы встрѣтимъ ниже на головномъ уборѣ, найденномъ въ Людвиковскомъ могильникѣ (см. табл. V, рис. 2 и 3). Срав. Крузе: Necrolivon. Табл. XVIII, рисун. 4. XXVII, рисун. 14. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, рисун. 3.

9) Бронзовое шейное кольцо, покрытое насѣчками въ видѣ змѣиной чешуйки, и оканчивающееся съ одной стороны выпуклымъ ушкомъ, въ которое вѣроятно вцѣплялся крючекъ, находившійся на другомъ обломанномъ кольцѣ (табл. IV, рис. 9, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.). Срав. Kruse: Necrolivon. табл. IV, лит. q. Bähr: Die Gräber d. Liven, табл. V, рис. 10 и 10 a. При семъ прилагается рисун. № 6 (въ натуральную величину) съ подобной застежки на бронзовомъ шейномъ

№ 6.

кольцѣ такого-же рода, хранящемся въ Императ. Эрмитажѣ. Срав. E. Tyszkiewicz: Rzut oka, Tab. II, 31. Plater: Ueber alte Gräber, Taf. II, 25. Dowgird: Pamiątki z czasów przedhistor. na Zmudzi, Warsz. 1887, Tab. VI. VII. Hartmann: Das Vaterländ. Mus. Tab. II, 4—9. Семеновскій: Бѣлорусскія древн. I, стр. 77.

10) Бронзовое шейное кольцо, состоящее по срединѣ изъ гладкой круглой проволоки, а на обѣихъ полукруглыхъ оконечностяхъ изъ плоскихъ гладкихъ пластинокъ, въ одной изъ которыхъ, въ просверленные въ ней отверстия, продѣты колечки съ висющими на нихъ четырехугольными пластинками¹⁾; большей части

¹⁾ Срав. Крузе: Necrolivon. табл. IV, рис. 1. «Патина зеленая. Металлъ свѣтло-желтый, изломъ желто-сѣрый. Куется. Вещь литая и кованная. Привѣски изъ листового металла, колечки проволочныя. Мѣди 82.5%, олова 2.3%, свинца 4.6%, цинка 10.2%, желѣза слѣды, сѣры слѣды, серебра большіе слѣды, сурьмы и висмута малые слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ).

этихъ колець и привѣсокъ недостаетъ (табл. IV, рис. 10). Срав. подобное-же шейное кольцо, изображ. на табл. VIII, рис. 2.

11) Прикрѣпленная къ проволочному кольцу цѣпочка, состоящая изъ 12, вдѣтыхъ одно въ другое, колець, спирально свитыхъ изъ бронзовой проволоки (табл. IV, рис. 12, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.). Срав. соч. гр. Платера: Ueber alte Gräber Taf. I, 15. Крузе: Necrolivon. Табл. XI, 1. Bähr: Die Gräb. d. Liven. Табл. V, 7.

12) Четыре обломка отъ бронзовыхъ проволочныхъ шейныхъ колець¹⁾ и пять обломковъ отъ гладкихъ бронзовыхъ лентообразныхъ пластинокъ.

Древности эти переданы Археологической Коммиссіей въ Императорскій Эрмитажъ.

V.

Въ апрѣлѣ 1886 года землевладѣлецъ Витебской губерніи А. А. фонъ-Крузе доставилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію нѣсколько древнихъ *бронзовыхъ* украшеній, случайно найденныхъ въ его имѣніи Людвиновѣ, Динабургскаго уѣзда, Яшмуйжской волости, Кастырскаго общества, при обработкѣ лежащаго на берегу озера Ступаны пахатнаго поля, на которомъ уже и прежде неоднократно были находимы древности, къ сожалѣнію разошедшіяся по разнымъ рукамъ²⁾.

Присланныя г-мъ фонъ-Крузе вещи заключаются: 1) въ большемъ, шейномъ или пояскомъ, кольцѣ (почти въ $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ), свитомъ изъ двухъ толстыхъ круглыхъ проволокъ и оканчивающемся двумя захватывающими другъ друга крючками (см. табл. IV, рис. 3, въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.)³⁾;

2) въ другомъ меньшемъ (5 вершковъ въ поперечникѣ) кольцѣ, которое состоитъ изъ одной круглой проволоки, по серединѣ гладкой, а въ остальной части украшенной желобчатою спиралью, и оканчивается двумя тупыми четырехугольными концами (см. табл. IV, рис. 4, исполн. въ $\frac{1}{2}$ натуральной величины);

3) въ плоскомъ, овальномъ, въ 5 миллиметровъ толщины, кольцѣ (см. табл. VII, рисун. 15, въ натур. велич.), съ обѣихъ сторонъ желобчатомъ, по срединѣ нѣсколько суживающемся, съ едва расходящимися оконечностями и съ одинаковою на обѣихъ сторонахъ орнаментировкою въ видѣ двойнаго, параллельно идущаго по краямъ, гуртика и двухъ треугольниковъ въ узкой части кольца⁴⁾;

¹⁾ «Патина темно-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый, изломъ такой-же. Куется, но цеплется вдоль, а потому надо полагать, что вещь кованная. Очень часто старинныя бронзовыя вещи показываютъ, и по излому и по анализу, неравномѣрность своего сплава; настоящий предметъ можетъ служить образчикомъ этого. Мѣди 87.3%, олова 1.2%, свинца 3.1%, цинка 7.2%, желѣза 0.3%, сѣры малые слѣды, серебра большіе слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ).

²⁾ «Года три тому назадъ» (писалъ въ 1886 г. фонъ-Крузе) «подняли на томъ-же мѣстѣ цѣлый гробъ, конечно совершенно истлѣвшій; въ немъ нашли много бронзовыхъ вещей, но пока мнѣ это сообщили и пока я пришелъ, все растащили мужики и мнѣ ничего не досталось, кромѣ обруча изъ толстой бронзовой проволоки (см. табл. IV, рис. 1); такой-же проволочный обручъ я прошлое лѣто видѣлъ въ сосѣдней деревнѣ на ведрѣ вмѣсто веревки, за которую захватываютъ коромысломъ».

³⁾ Срав. Kruise, Necrolivon. Tab. III, рис. 13. Bähr: Die Gräb. d. Liven, табл. XIV, 1.

⁴⁾ См. соч. Крузе (Necrolivon. Табл. XIX, 7), по мнѣнію котораго (тамъ-же, стр. 24) кольца такого рода служили для натягиванія тетивы, пропускавшей черезъ тонкую скважину кольца. Срав. также соч. гр. Е. Тышкевича: Rzut oka Tab. II, 38; IV, 21. Бэра: Die Gräber d. Liven, табл. XIII, 13. 14. 15.

4—5) въ двухъ плоскихъ браслетахъ, изъ которыхъ первый подковообразный (см. табл. VII, рис. 12, исполн. въ натур. велич.), къ срединѣ утолщенный и расширенный, съ далеко расходящимися оконечностями, имѣющими форму змѣиныхъ головокъ¹⁾, и съ орнаментировкою на одной только наружной сторонѣ, состоящею изъ двойнаго ряда точекъ, треугольниковъ и крестиковъ²⁾; другой (см. табл. VII, рис. 14, въ натур. велич.) въ видѣ толстой полосы съ змѣиною головкою на одномъ концѣ (другой конецъ отломанъ), украшенный также лишь съ наружной стороны нарѣзною сѣткою въ видѣ змѣиной чешуи³⁾;

6) въ ручномъ спиральномъ кольцѣ, свитомъ изъ плоской, гладкой пластинки (см. табл. VII, рис. 10, исполн. въ натур. велич.⁴⁾), и

7) въ кругломъ, по срединѣ суживающемся, предметѣ, въ видѣ двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ между собою верхушками своими, и украшенныхъ параллельно нарѣзанными на немъ горизонтальными чертами (см. табл. V, рис. 8, въ натур. велич.); судя по сохранившемуся на верхней площадкѣ круглому отверстию, онъ былъ на что-то надѣтъ; отверстие же, просверленное сбоку въ нижней его части, позволяетъ предполагать, что къ нему была еще прикрѣплена какая-нибудь привѣска, или что онъ, продѣтымъ черезъ это отверстие шнуркомъ, былъ привязанъ къ другому предмету.

На слѣдующій годъ г. Фонъ-Крузе лѣтомъ произвелъ въ той-же мѣстности нѣсколько развѣдокъ, о которыхъ сообщилъ Археологической Коммиссiи слѣдующія свѣдѣнія: «Въ теченiи четырехъ часовъ мы открыли четыре могилы. Въ первой, ближайшей къ дорогѣ (ведущей изъ мѣстечка Прелли, чрезъ им. Людвиново, дер. Ступаны и им. Фейшаны, къ С.-Петербур. шоссе), найдены остатки (шерстяной?) ткани⁵⁾; нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ⁶⁾, мѣстное названiе которыхъ *сакста*⁷⁾; длинная спиральная проволока, съ шерстяною веревкою внутри⁸⁾, и кусочки тонкой деревянной палочки, обмотанной шерстяными нитями и обитой полосками листовой бронзы⁹⁾.

«Во второй могилѣ были найдены ткань¹⁰⁾; очень много спирально согнутыхъ проволокъ¹¹⁾

¹⁾ Сравни. Kruse: Necrolivon. Tab. III, рис. K. N. O. Tab. XIX, 2—5. XXVII, 10. Bähr: Die Gräber d. Liven Taf. II, 4. 5.

²⁾ «Патина зеленовато-бурая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ свѣтло-сѣрый. Куется; вещь литая и чеканная. Мѣди 82.9%, олова 1.9%, свинца 4.0%, цинка 10.1%, желѣза 0.2%, сѣры мал. слѣды, серебра слѣды». (Д. А. Сабанѣевъ).

³⁾ Сравни. Kruse: Necrolivon. Табл. XIX, 3. 4. XXVII, 10. Bähr: Die Gräber der Liven, табл. II, 4. 5. 10. 11; III, 8. 9.

⁴⁾ Сравни. Kruse: Necrolivon. Табл. IV, лит. g. XXVII, рис. 6. Bähr: Die Gräb. d. Liv. Taf. II, 8. 9.

⁵⁾ См. табл. VI, рис. 12, въ натур. велич.

⁶⁾ См. табл. VI, рис. 1. 5. 6. 7, 27, натур. велич. Сравни. Kruse: Necrolivon. табл. I, лит. g. III, лит. D. IV, лит. L и M. XVII, 10 и 11. Одна изъ Людвиговскихъ пряжекъ (см. табл. IV, рис. 1) изслѣдована химически Д. А. Сабанѣевымъ, который сообщилъ о ней слѣдующее: «Патина буровато-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ пѣгій: свѣтло-желтый и свѣтло-сѣрый (отъ неравномѣрности сплава). Куется; вещь литая. Мѣди 80.2%, олова 0.5%, свинца 6.2%, цинка 12.2%, желѣза 0.2%, сѣры малые слѣды».

⁷⁾ «Серебряныя пряжки-саксты и по настоящее время носятъ латышами вмѣсто пуговицъ, у ворота рубашки; лѣтъ 50 тому назадъ онѣ вездѣ замѣняли пуговицы, и женщины застегивали свои кафтаны—*свейты*, отъ ворота до низу, сакстами различной величины, размѣщенными одна отъ другой на 1½—2 дюйм.» (К.).

⁸⁾ См. табл. VI, рис. 8, въ натур. велич. Сравни. Kruse: Necroliv. Табл. III, лит. A.

⁹⁾ См. табл. VI, рис. 9 и 10, въ натур. вел. Сравни. Kruse. Necrolivon. Табл. I, лит. e.

¹⁰⁾ См. табл. VI, рис. 17.

¹¹⁾ «Проволоки эти вѣроятно были пришиты ремешками къ ткани, какъ это видно на одномъ уцѣлѣвшемъ кускѣ» (К.). Сравни. Kruse, Necrol. табл. XXVI, 45.

съ продѣтыми въ нихъ ремешками; кусочки деревянной палочки, обмотанной шерстяною нитью и обвитой полоскою листовой бронзы¹⁾; нѣсколько ручныхъ колецъ изъ спирально свернутой бронзовой полоски²⁾; нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ-сакетъ³⁾; черепокъ отъ глинянаго обожженнаго сосуда; обломки бронзовой дужки (отъ браслета) съ нарѣзнымъ орнаментомъ изъ пересѣкающихся полосокъ⁴⁾; отрывокъ (сплетенной изъ тонкихъ бронзовыхъ проволокъ) цѣпочки⁵⁾; два бронзовыхъ (воронкообразныхъ) колпачка⁶⁾ и обломокъ желѣзнаго ножа.

«Изъ третьей могилы древности были добыты не раскопкой, а отмывкой, т. е. отъ могилы была прокопана отводная канава, и такую-же канавою обведена самая могила, на которую затѣмъ начали лить воду. Нашлись бронзовыя украшенія головное и шейное. Головная повязка⁷⁾—латышское ея названіе *сайникъ*—оказалась въ такомъ положеніи, что бантъ ея (табл. V, рис. 3) находился на затылкѣ; шейное украшеніе⁸⁾ лежало на землѣ горизонтально; маленькія бронзовыя спирали (въ родѣ вышеописанныхъ) находились подъ лоскутами кожи, на одномъ изъ которыхъ ясно былъ видѣнъ слѣдъ отъ вдавившейся въ нее спирали. Сквозь всѣ спирали шла шерстяная нитка, уцѣлѣвшая въ одной изъ нихъ вмѣстѣ съ двумя небольшими раковинами. Немного сбоку отъ лоскутievъ кожи лежали двѣ трубочки изъ рифленой (желобчатой) бронзы съ шерстяной веревкой внутри⁹⁾. Подъ спиралями нашли кусокъ бахромы, а ниже, можетъ быть на груди, лежало еще нѣсколько бронзовыхъ спиралей подъ сходящимся къ головѣ угломъ¹⁰⁾.

«Въ четвертой могилѣ древности также были добыты отмывкой, но неосторожность рабочихъ, при снятіи верхняго слоя земли, помѣшала намъ составить точное понятіе о первоначальномъ положеніи вещей: онѣ были найдены въ разсыпную. Оказались два бронзовыхъ браслета¹¹⁾, въ одномъ изъ которыхъ сохранились кости, съ кускомъ шерстяной ткани подъ ними (на этой ткани спиральныя кольца пришиты шерстяными нитками¹²⁾; желѣзный топоръ (см. при-

¹⁾ См. табл. VI, рис. 2 и 4.

²⁾ См. табл. VI, рис. 13, 14, 15, 16., натур. вел.

³⁾ См. табл. V, рис. 1 и 6. Срав. Kruse: Necrolivon. Табл. III, рис. C. IV, рис. L и M. XVII, 10, 11. XXI, 9. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. II, 2. VIII, 9, 11.

⁴⁾ См. табл. VI, рис. 18, 19, натур. вел. «Патина темно-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ желтовато-сѣрый. Вязокъ. Вещь литая съ насѣчкою. Мѣди 82.2%, олова 17%, свинца 6.8%, цинка 10.3%, желѣза 0.2%, сѣры мал. слѣды, серебра слѣды» (Д. А. Сабанѣевъ). Сравни. Bähr: Die Gräber d. Liven, Taf. XIII, 8.

⁵⁾ См. табл. VI, рис. 11, натур. вел.

⁶⁾ См. табл. VI, рис. 20, 21, натур. велич.

⁷⁾ См. табл. V, рис. 2, натур. велич. Она состоитъ изъ пяти параллельныхъ, круглыхъ рядовъ надѣтыхъ на крученныя веревки бронзовыхъ спиральныхъ проволокъ, съ восемью промежутками, изъ которыхъ пять перехвачены довольно широкими орнаментированными полосками листовой бронзы (въ двухъ промежуткахъ эти перехваты, должно быть, обломались, такъ что въ нихъ ясно видны скрученныя веревки); къ одной изъ промежуточныхъ полосокъ въ видѣ банта прикрѣплено съ обѣихъ поперечныхъ сторонъ по пяти коротенькихъ бронзовыхъ спиралей, также напизанныхъ на скрученныя веревочки и упирающихся однимъ концомъ въ поперечную пластинку, а другимъ въ толстый ремень, обвитый бронзовыми колечками. Сравни. Kruse: Necrolivon. Tab. XVIII, 4.

⁸⁾ См. табл. V, рис. 5. Оно сдѣлано изъ бронзовой, согнутой въ кольцо, пластинки, украшенной по обоямъ, далеко заходящимъ другъ за друга, концамъ нарѣзными черточками и обращающейся въ средней своей части въ гладкую круглую проволоку.

⁹⁾ См. табл. V, рис. 9, натур. велич.

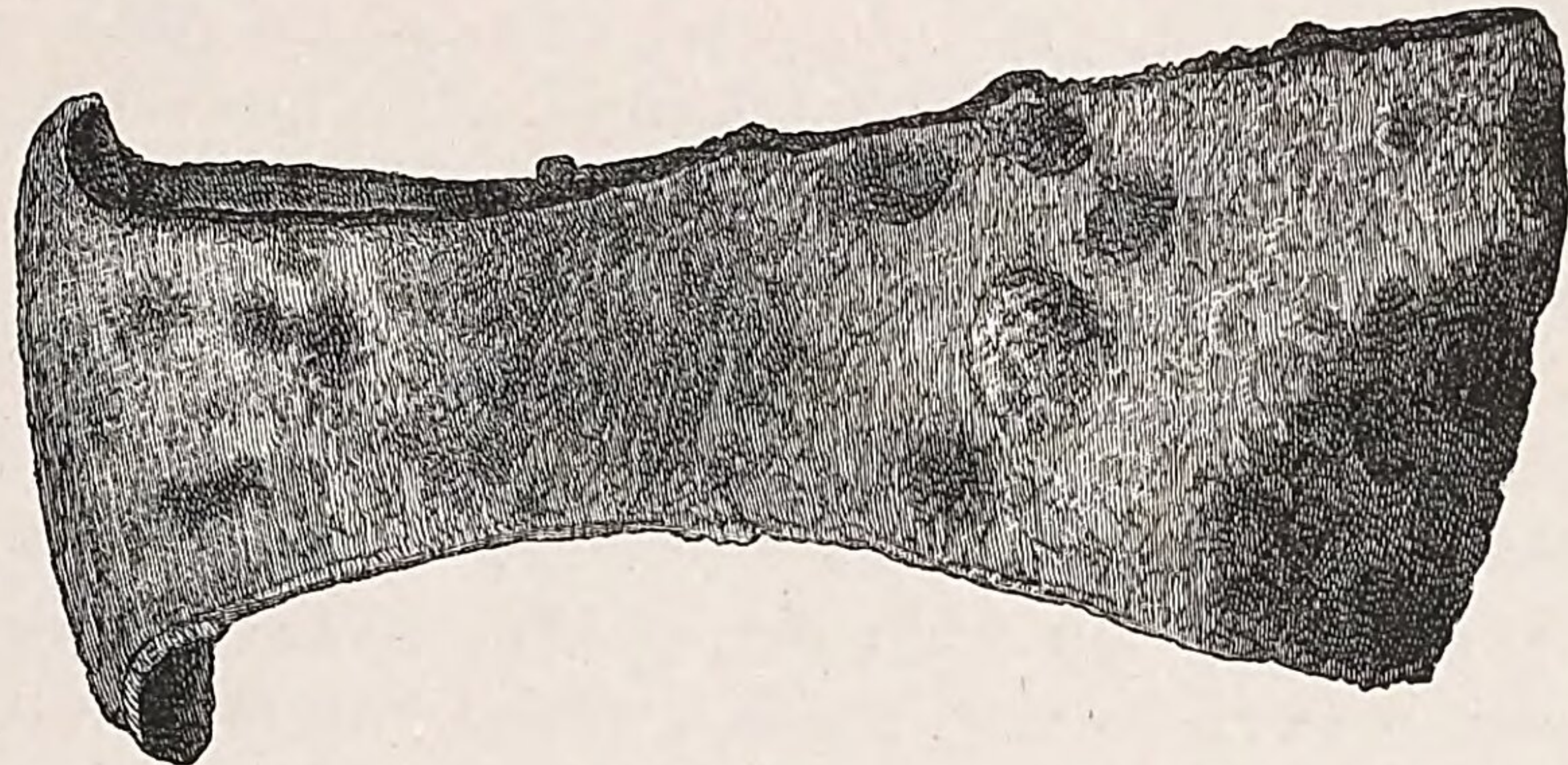
¹⁰⁾ См. табл. V, рис. 4, 7, VI, 23, 24, 25 (къ послѣдней прикрѣплена еще узорчатая пластинка).

¹¹⁾ Одинъ, сломанный на 2 части, изображ. на табл. IV, рис. 1, 2, въ $\frac{1}{2}$ натур. вел., другой на табл. VI, рис. 26, въ натур. велич.

¹²⁾ См. табл. VI, рис. 3.

лагаемый рисунокъ № 6, въ $\frac{2}{3}$ натур. вел.); бронзовое шейное кольцо (табл. VIII, 12); большая бронзовая спираль и плоское бронзовое желобчатое кольцо съ насѣчками¹⁾, стоявшее верти-

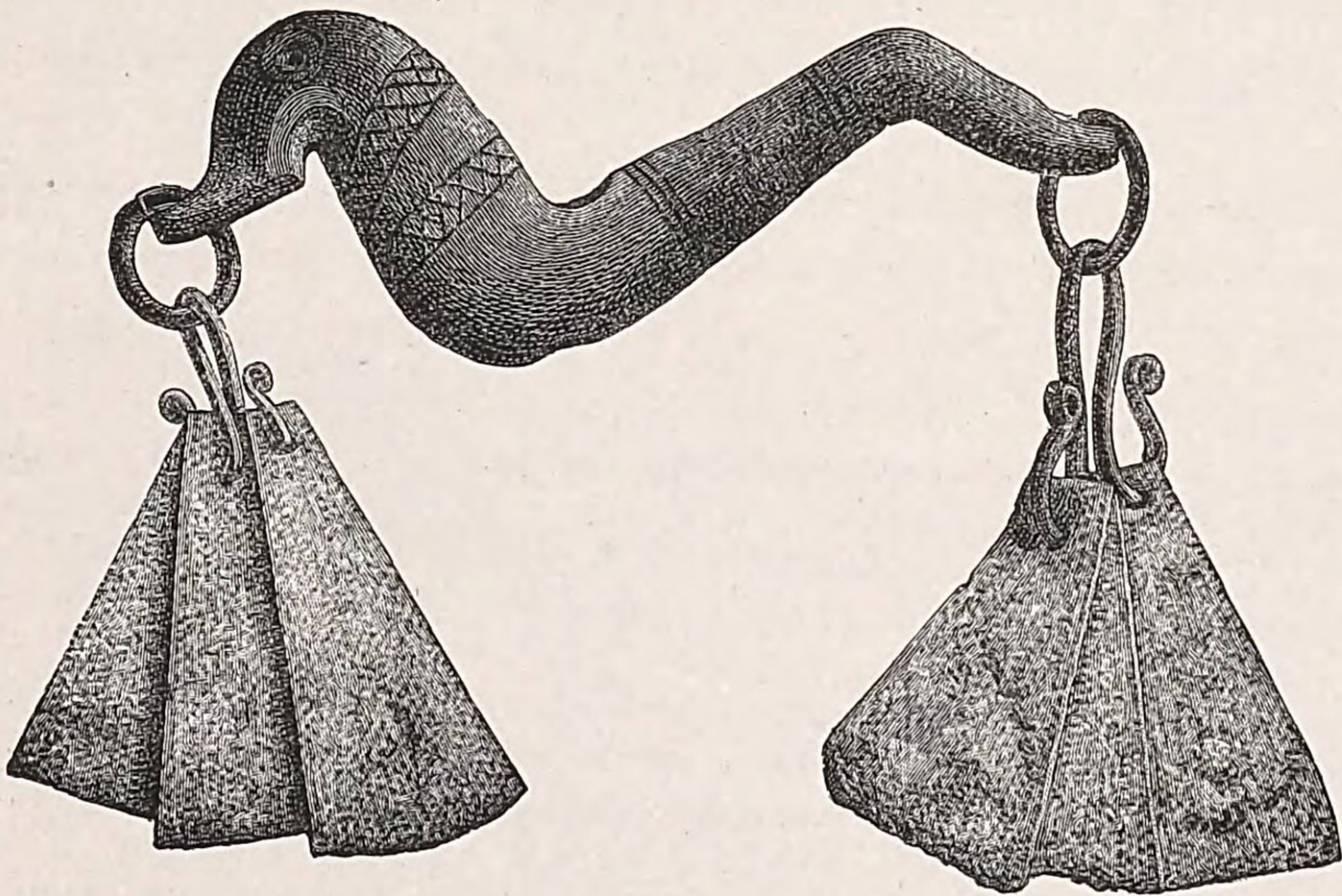
№ 6.

№ 7.

№ 8.

кально, разщепомъ кверху; черепокъ глиняной обожженной посуды; желѣзный ножъ (см. прилаг. рис. № 7 въ натур. величину); наконецъ нѣсколько костяныхъ изображеній птицы и множество треугольныхъ, съ усѣченной верхушкой, бронзовыхъ привѣсокъ²⁾.

«Немного въ сторонѣ отъ четвертой могилы найденъ кусокъ шерстяной ткани, несомнѣнно принадлежащій этой могилѣ, такъ какъ при немъ оказались бронзовыя спирали на шерстяныхъ ниткахъ, но не нашитыми, а въ разбродѣ, да этотъ кусокъ ткани и спирали эти сходны съ тѣми, которыя найдены подъ однимъ изъ браслетовъ этой могилы. Тутъ-же оказался другой кусокъ ткани съ двумя, воткнутыми въ него, бронзовыми пряжками-сакстами³⁾, и при немъ также бронзовыя спирали на шерстяныхъ ниткахъ».

«При раскопкѣ каждой могилы находили кусочки угля, но въ очень небольшомъ количествѣ. Оказавшіяся въ могилахъ человѣческія кости указываютъ на небольшой ростъ

тогдашняго поколѣнія. Кости эти и сохранившаяся мѣстами кожа съ волосами указываютъ, мнѣ кажется, не на очень древнее происхожденіе предметовъ. Хотя мѣдныя окиси и служили предо-

¹⁾ См. табл. VI, рис. 28; сходно съ изображ. на табл. VII, рис. 15.

²⁾ На прилаг. рисунокъ № 8, исполненномъ въ натуральную величину, восстановлено одно изъ образуемыхъ этими предметами украшеній въ томъ видѣ, въ какомъ подобныя-же украшенія являются въ соч. Крузе: *Necrolivonica*, табл. XI, 7, и Бэра: *Die Gräber der Liven*, табл. X, 7.

³⁾ См. табл. VI, рис. 22, въ натур. велич.

хранителями разложенія, но врядъ ли могли дѣйствовать на столько, чтобъ кости и волосы сохранились нѣсколько вѣковъ. Скелеты въ могилахъ, на сколько можно судить по моимъ наблюденіямъ во время раскопокъ, лежали головою на С.С.З.»

«Замѣчу еще нѣсколько словъ о головномъ уборѣ или, по мѣстному выраженію, *вайникъ*, т. е. вѣнцѣ. Это родъ кокошника, но съ тою разницею, что передняя и задняя его части одинаковой величины. Въ настоящее время его уже не носятъ, но въ пѣсняхъ онъ упоминается очень часто. Дѣлали его, на сколько я помню, изъ картона, который обшивали какой-нибудь матеріей и украшали нашитыми въ ряды разноцвѣтными бусами; сзади пришивались разноцвѣтныя ленты, которыя связывались бантомъ, а концы спускались по спинѣ. Я помню, какъ вайникъ надѣвался на голову молодой при вѣнчаніи, но говорятъ, что въ немъ и хоронили дѣвушекъ. На сколько можно судить по латышскимъ пѣснямъ, вайники служили символомъ дѣвственности; женщины же носили нѣчто въ родѣ тюрбана. Весьма вѣроятно, что и головной уборъ, найденный въ третьей могилѣ, принадлежалъ латышской дѣвушкѣ, а лубяная ткань его веревокъ, отлично сохранившаяся, по моему мнѣнію, также доказываетъ не столь отдаленную древность его».

Затѣмъ г. фонъ-Крузе на обращенные къ нему запросы объ означенныхъ могилахъ, сообщилъ Археологической Коммиссіи еще слѣдующія дополнителныя замѣтки:

«Пространство, занимаемое могильникомъ (Людвиковскимъ), представляетъ площадь около 2 $\frac{1}{2}$ десятинъ, лежащую на восточномъ и юго-восточномъ склонахъ безымянной горы, возвышающейся на 5,69 саж. надъ уровнемъ озера Ступаны».

«На могильникѣ никакихъ кургановъ и насыпей не видно; это — пахатное поле, разрабатываемое уже издавна и потому весьма вѣроятно, что возвышенія сглажены обработкою почвы. Мы спрашивали стариковъ, не были ли замѣтны, за ихъ памятью, бугры на этомъ мѣстѣ, но получили отрицательный отвѣтъ».

«Разспрошенные старики крестьяне рассказали лишь о существованіи преданія, что на этомъ мѣстѣ была битва со Шведами и что находимыя здѣсь монеты — шведскія, что гдѣ-то, на юго-восточномъ склонѣ, находится могила вождя, въ которой закопанъ богатый кладъ, но что кладъ этотъ зачатый и всѣ попытки достать его были неудачны».

«Почва супесокъ съ перегноемъ, толщиною въ 5 вершковъ, на песчаной подпочвѣ. Гробницы лежатъ въ подпочвѣ, т. е. въ пескѣ, но отъ поверхности земли не глубже $\frac{3}{4}$ аршина, иныя гораздо мельче. На мѣстѣ могилъ почва болѣе песчана, изъ чего можно вывести, что трупы хоронились въ ямы, при засыпаніи которыхъ песчаная подпочва смѣшивалась съ болѣе плотной почвой».

«Ни въ могилахъ, ни около нихъ, камней не находили; слѣдовъ пепла не было примѣчено; хотя угли и встрѣчались, но весьма не много: кое-гдѣ уголекъ. Кости обуглены не были. Въ одной могилѣ были найдены птичьи кости, но, не придавая имъ значенія, мы не обратили вниманія на ихъ положеніе въ могилѣ, и сохранены онѣ не были».

«Скелеты, какъ я уже замѣтилъ прежде, лежали головой на С.С.З.; но не во всѣхъ могилахъ это положеніе было точно соблюдено; въ нѣкоторыхъ скелетъ лежалъ почти по направленію отъ З. къ В. За общее положеніе слѣдуетъ принять направленіе головы къ западу. Костяки лежали всѣ на спинѣ, голова немного выше, руки на груди скрещены. Тазовыхъ костей и нижнихъ конечностей ни въ одной могилѣ найдено не было, поэтому нельзя было заключить мужскіе-ли это или женскіе костяки и были-ли на нихъ ножныя украшенія. Всѣ находимыя кости были вполне образовавшіяся, что доказываетъ ихъ принадлежность взрослымъ людямъ».

«Не смотря на самые тщательные поиски, не смѣемъ утверждать, что трупы хоронились въ гробахъ или обкладывались деревомъ».

«Желѣзный топоръ лежалъ съ правой стороны остова, а ножъ подъ нимъ, около поясницы. Мнѣ случалось видѣть, что латышей хоронили съ ножами въ кожаныхъ футлярахъ, привязанными къ поясу сзади».

«Еще лѣтъ 10 назадъ нельзя было встрѣтить латыша, у котораго сзади на поясѣ не висѣлъ бы ножикъ въ кожаномъ, украшенномъ мѣдными пуговицами и бляхами, чехольчикѣ. Эти ножи имѣли специальное названіе: «*тутень*» или «*тутеньгъ*», въ отличіе отъ обыкновеннаго ножа «*назсгъ*».

«Въ Памятникахъ старины Витебской губ. г. Сементовскій упоминаетъ въ Динабургскомъ уѣздѣ только о двухъ замковищахъ: Динабургѣ и Крейцбургѣ. Между тѣмъ на небольшомъ, знакомомъ мнѣ, клочкѣ Динабургскаго уѣзда я знаю три замковыхъ горы (мѣстное ихъ названіе *пилисъ-калнсъ*, а не Пили Колна, какъ ихъ называетъ г. Сементовскій). Самая большая изъ нихъ находится въ Яшмуйжской волости, у деревни Большія Шнейсты. Форма ея удлиненно-котловидная, двурусная; на верхней ея площадкѣ крестьяне высѣваютъ $1\frac{2}{3}$ четверти ржи; слѣдовательно она, т. е. одна верхняя площадка, занимаетъ площадь въ $1\frac{1}{2}$ десятины. Въѣздъ на гору съ юга. Вторая гора находится въ Прельской волости, на берегу озера Шусты; у подножія ея расположилась деревня Пилишка, получившая названіе отъ горы. Третья лежитъ въ Копинской волости на берегу, кажется, Аглонскаго озера. Послѣднія двѣ горы гораздо меньшихъ размѣровъ. Кромѣ пилисъ-калнсовъ еще извѣстны мнѣ два окопа; крестьяне называютъ ихъ *городками* или *рыцарскими горками*. Одинъ окопъ расположенъ въ Копинской волости, при рѣчкѣ Рушеницѣ, въ верстѣ отъ С.П.В. шоссе, второй въ Яшмуйжской волости, на землѣ им. Катигродъ».

«Кромѣ могильника, находящагося въ моемъ имѣніи, есть еще другой на землѣ им. Рушоны, Копинской волости, у самой дороги, ведущей со ст. Рушоны въ Копино. На мѣстѣ древняго могильника и въ настоящее время находится кладбище. Лѣтъ десять назадъ кладбище было окопано рвомъ, при копаніи котораго, говорятъ, находили много бронзовыхъ вещей и ржаваго оружія. Нѣсколько изъ этихъ вещей мнѣ удалось видѣть у владѣльца имѣнія Рушонъ; онѣ тождественны съ представленными мною въ Археологическую Коммиссію. Отъ него-же я слышалъ разсказъ, переданный ему какимъ-то рыбакомъ, что гдѣ-то на Рушонскомъ озерѣ часто случается задѣвать неводомъ за сваи, вбитыя недалеко отъ берега, и что около этого мѣста часто неводомъ вытягиваютъ каменные топоры, которыхъ у него было штукъ десять. Этотъ разсказъ и топоры навели насъ на мысль, что тамъ могутъ находиться остатки свайныхъ построекъ».

Къ сожалѣнію Археологическая Коммиссія лишена была возможности воспользоваться любезнымъ предложеніемъ г. фонъ-Крузе, заняться дальнѣйшею развѣдкою Людвиовскаго могильника, и потому должна ограничиться извлеченіемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ изъ двухъ статей г. Покровскаго, помѣщенныхъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ за 1887 годъ (№ 206), и за 1889 годъ (№ 223) относительно разныхъ древностей изъ этого могильника, переданныхъ въ Виленскій музей воспитанницею тамошняго Маріинскаго женскаго училища А. С. Приѣзжевою.

Въ 1887 году ею доставлены въ музей:

1) Бронзовая фибула, въ формѣ почти правильнаго круга, діаметромъ въ 48 миллим., съ прикрѣпленною къ ней булавкою изъ толстой бронзовой-же проволоки.

- 2—3) Двѣ бронзовыя фибулы меньшаго размѣра; діаметръ одной 34, другой 33 миллим.
- 4) Бронзовое кольцо, въ формѣ спирали изъ тонкой круглой проволоки въ 7 оборотовъ; діаметръ оборота 23 миллим.
- 5) Такое-же кольцо изъ болѣе тонкой проволоки, въ 10 оборотовъ, діаметромъ въ 20 миллим.
- 6—12) Семь обломковъ бронзовыхъ спиралей, свернутыхъ изъ пластинокъ, шириною въ 3 миллим. Діаметръ спирального оборота 21 миллим. Всѣ они найдены на пальцевыхъ костяхъ.
- 13) Бронзовая пластинка, въ формѣ трапеціи, вышиною въ 31 миллим., составлявшая подвѣску къ носку одной изъ двухъ костяныхъ утокъ, которыя служили застежкой шейнаго украшенія.
- 14) Бронзовое колечко, шириною въ $3\frac{1}{2}$ миллим., съ украшеніями на внѣшней сторонѣ, въ формѣ двухъ нарѣзовъ. Внутри его сохранился клочекъ грубой матеріи, въ которую вотканы были подобныя кольца. По мнѣнію г. Покровскаго, сотканная такимъ образомъ одежда могла имѣть значеніе кольчуги.
- 15—29) Пятнадцать обломковъ мелкихъ бронзовыхъ спиралей, составляющихъ остатки головного убора; въ большей части замѣтны слѣды бичевки.
- 30) Желѣзный топоръ, вышиною въ 130 миллим., шириною по обуху и нѣсколько выпуклому острію около 60 миллим.
- 31) Нѣсколько кусочковъ тонкой ткани.

Бронзовые предметы, упомянутые выше подъ №№ 15—29, и желѣзный топоръ № 30 найдены крестьянами случайно при обработкѣ полей на сѣв.-вост. склонѣ Ступанинской горы, а остальные вещи открыты г. Фонъ-Крузе во время раскопокъ на томъ-же склонѣ.

Въ 1889 г. г-жа Приѣзжева пожертвовала еще нѣсколько предметовъ изъ могилъ, разрытыхъ въ іюль того-же года у самого подножія Ступанинской горы, въ 5—10 саженьяхъ отъ озера; здѣсь (особенно въ юго-вост. части раскопанной площади) открыто пепелище, состоявшее изъ шлаковъ, перемѣшанныхъ съ черною землею, и нѣсколько (по крайней мѣрѣ пять) человѣческихъ остововъ, лежавшихъ въ разныхъ направленіяхъ и на различной высотѣ. Лучше другихъ сохранился костякъ въ западной части раскопки, около котораго и найдена большая часть добытыхъ тамъ вещей, какъ-то:

- 1) Шейный обручъ (165 миллим. въ поперечникѣ), свитый изъ толстой бронзовой проволоки, въ срединѣ цилиндрической, а на обоихъ концахъ четырехгранный, и въ своей большей (передней) части украшенный спиральными нарѣзами.
- 2) Бронзовая булавка (длиною въ 135 миллим.) изъ круглой проволоки, съ четырехгранною головкою, изогнутою въ видѣ буквы Y; черезъ отверстіе, образовавшееся отъ изгиба проволоки въ центральной части головки, продѣто бронзовое колечко. Затѣмъ отъ головки почти до самого конца, булавка спирально обвита довольно толстою трехгранною проволокою.
- 3) Пять бронзовыхъ колокольчиковъ одинаковой формы и величины (діаметръ отверстія 28 миллим., высота колокольчиковъ 17 миллим.), прикрѣпленныхъ къ конечнымъ кольцамъ обрывковъ бронзовыхъ цѣпочекъ и соединенныхъ въ двѣ группы, по 2 и по 3 колокольчика.

¹⁾ Кромѣ того, г-жею Приѣзжевою переданы въ Виленскій музей древностей каменный отбойникъ и каменный топоръ-клинъ (съ неоконченною кольцеобразною сверлипою), найденные въ им. Рушоны, въ 15 верстахъ къ Ю. отъ им. Людвигова.

4) Согнутая спиралью въ 5 оборотовъ трехгранная проволока изъ желтой мѣди (діаметръ оборота 20 миллим.), отчасти украшенная поперечными нарѣзами.

5) Распавшаяся на двѣ части бронзовая пластинка (длин. въ 46, шириною въ 19 миллим.), составлявшая прежде цилиндрикъ, на внѣшней сторонѣ котораго замѣтны нарѣзы.

6) Обломокъ браслета, состоящаго изъ овальной бронзовой пластинки (шириною въ 11 миллим.), одинъ конецъ которой изображаетъ головку какого-то животнаго.

7) Часть браслета, состоящаго изъ бронзовой пластинки (ширин. въ 7 миллим.), которая съ внѣшней стороны украшена квадратами, съ выпуклыми кружками въ срединѣ ихъ.

8) Четыре обломка бронзовыхъ спиралей, свитыхъ изъ довольно толстой трехгранной проволоки (діам. спиралей около 5 миллим.); внутри двухъ обломковъ уцѣлѣли шерстяные шнурки.

9) Сильно перержавѣвшій желѣзный ножъ, длиною въ 165 миллим.; средняя ширина клинка въ 23 миллим.

10) Два желѣзныхъ коническихъ стержня, одинъ длиною въ 170 миллим. и въ самой толстой своей части имѣющій 40 миллим. въ окружности, другой въ 110 миллим. съ отломаннымъ концомъ. Въ обоихъ стержняхъ находятся приспособленія для всаживанія въ деревянную рукоятку. По мнѣнію г. Покровскаго, эти два стержня могли служить или наконечниками пикъ, или шилами.

11) Коренной зубъ молодой лошади.

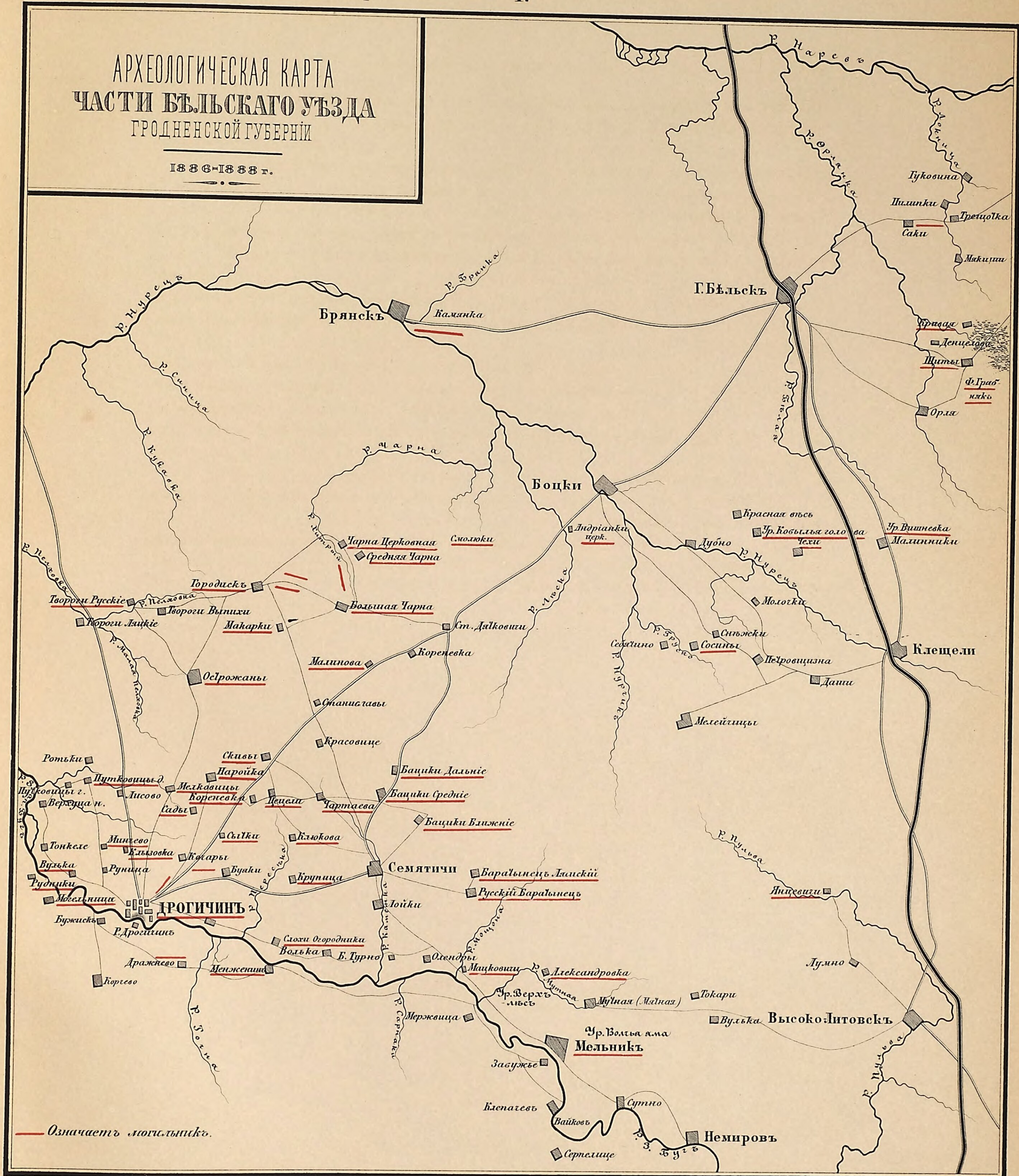
12) Черепки посуды изъ черной, непромтой земли, обмазанной сверху желтой глиной, безъ всякихъ слѣдовъ обжиганія.

Въ этой части раскопанной площади, которая отличается особеннымъ обиліемъ шлаковъ, уцѣлѣли незначительные остатки, повидимому, двухъ костяковъ, при которыхъ найдены только бронзовая пряжка и два желѣзныхъ топора, безъ черенковъ¹⁾.

¹⁾ Два бронзовыхъ витыхъ шейныхъ кольца, найденныхъ въ 1865 году въ самомъ Динабургѣ, близъ дамбы, и каменный молотъ, открытый, въ томъ-же году, въ Полоцкомъ уѣздѣ, возлѣ такъ называемаго Рогѣдина кургана, поступили въ 1870 году въ Московскій Публичный и Румянцовскій музей. Срав. Семеновскаго: Бѣлорусск. древн. Вып. I, стр. 61—64 и 87.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
ЧАСТИ БѢЛЬСКАГО УѢЗДА
ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ

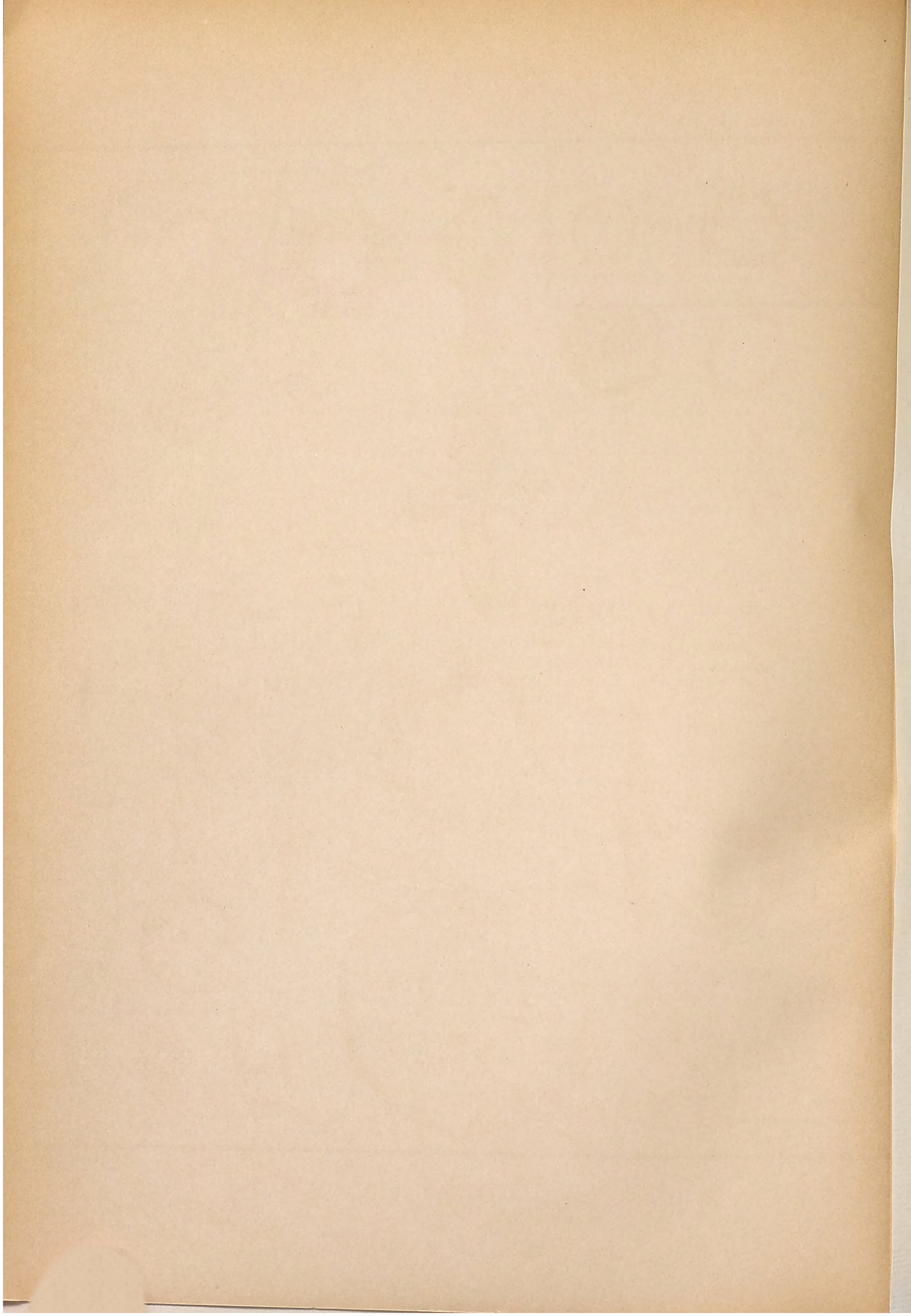
1886-1888 г.

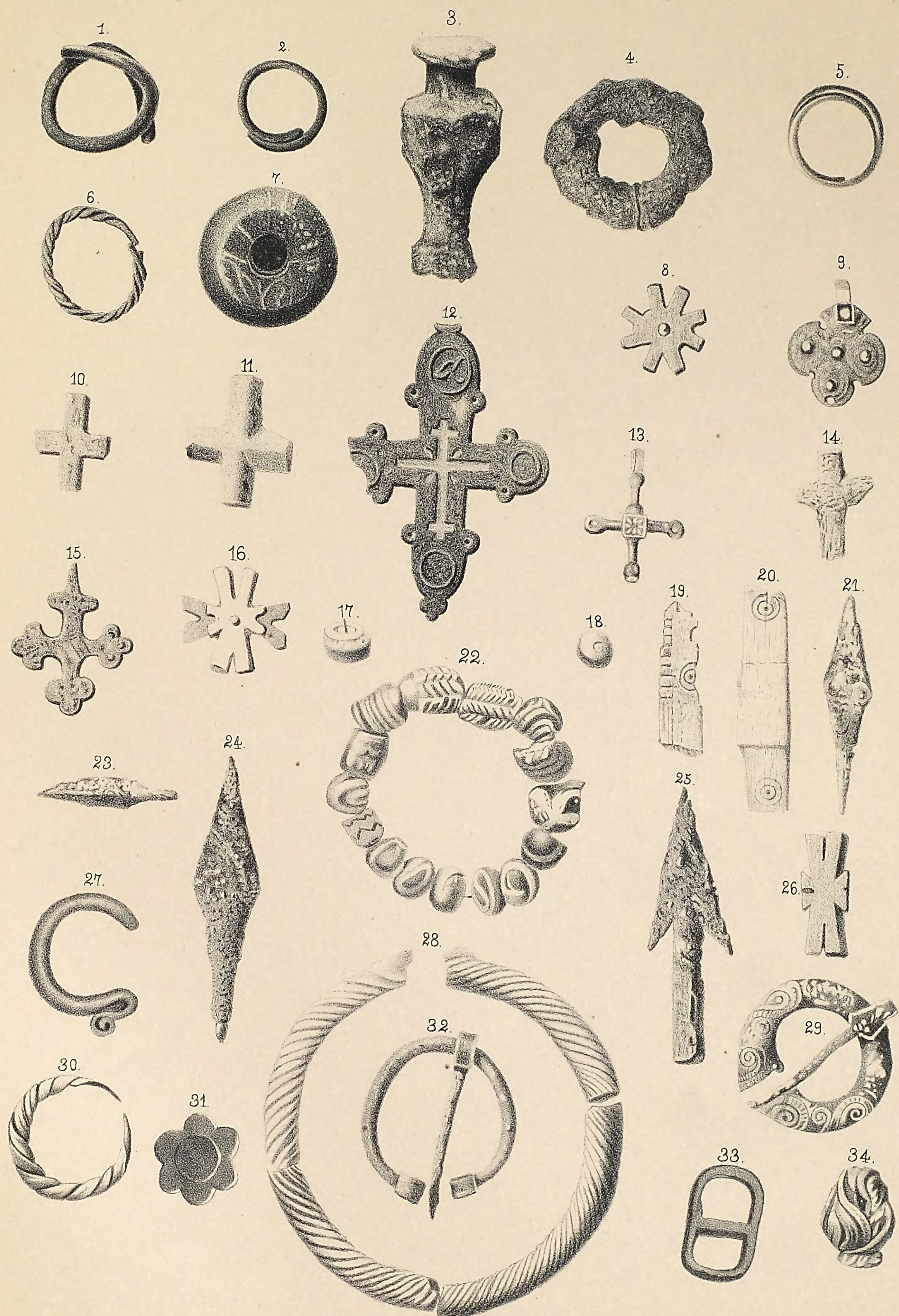

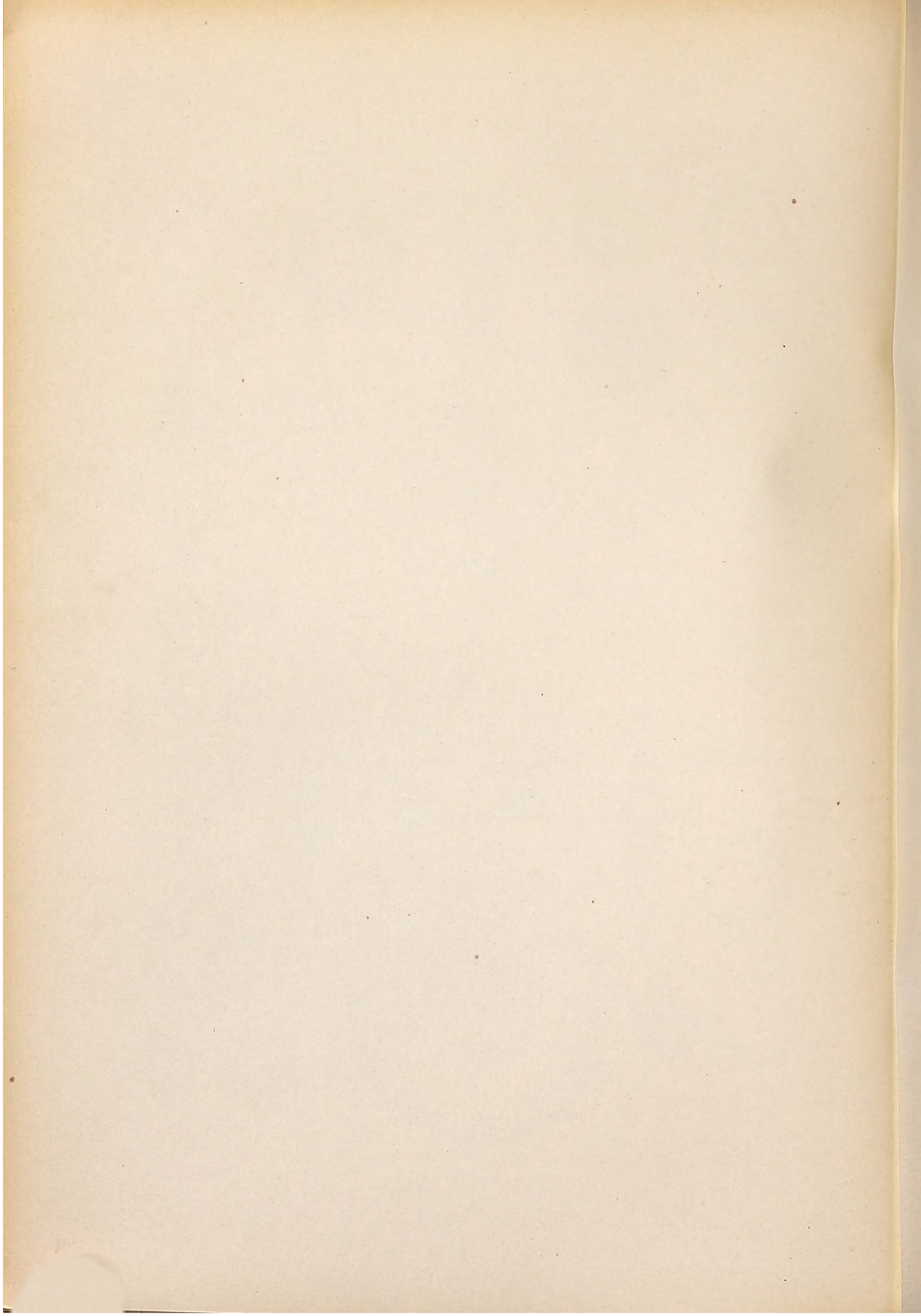
Состав Н.П. Авсариусъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 лн. СПб.

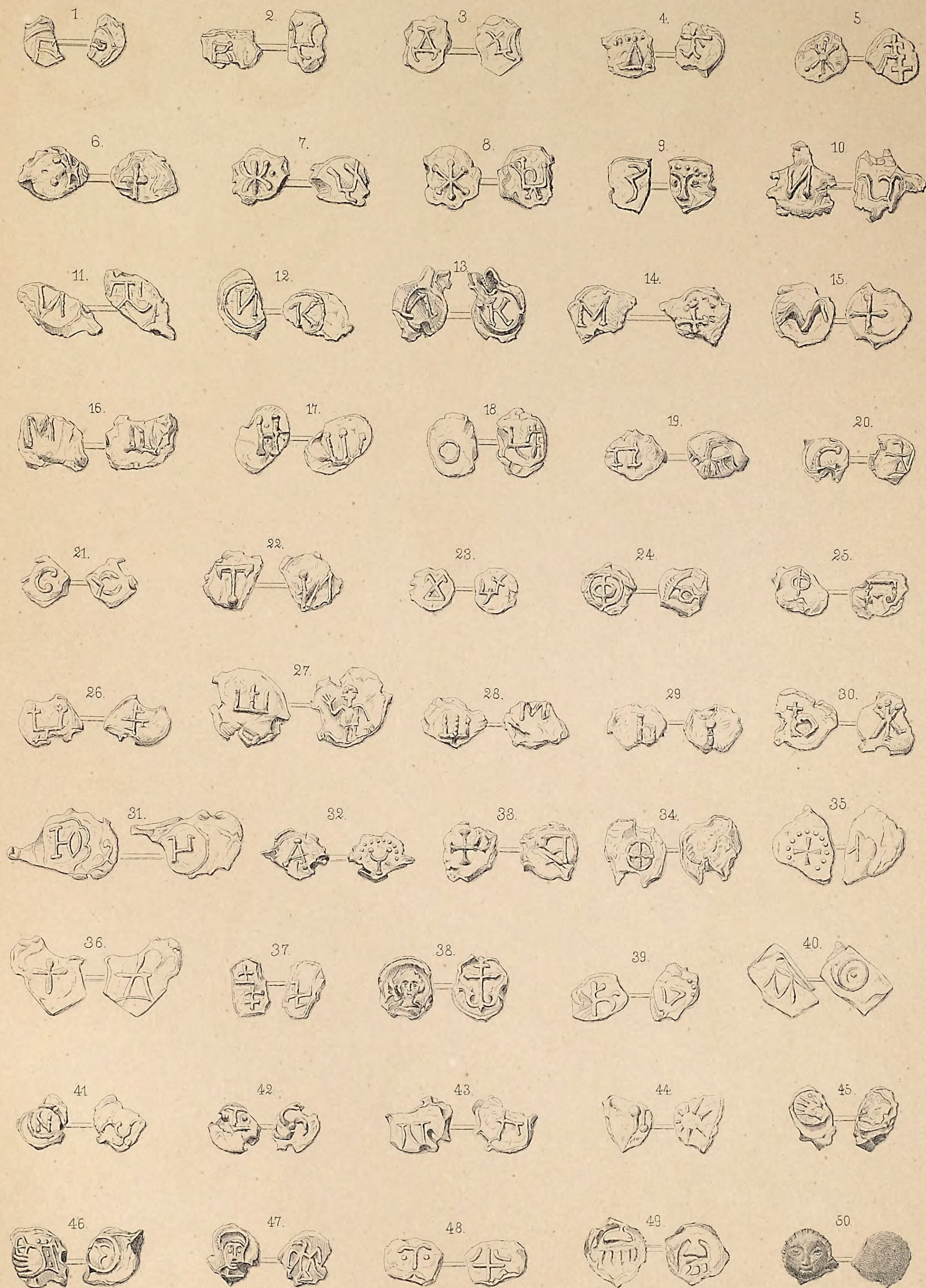
Масштабъ: 6 верстъ въ дюймѣ.

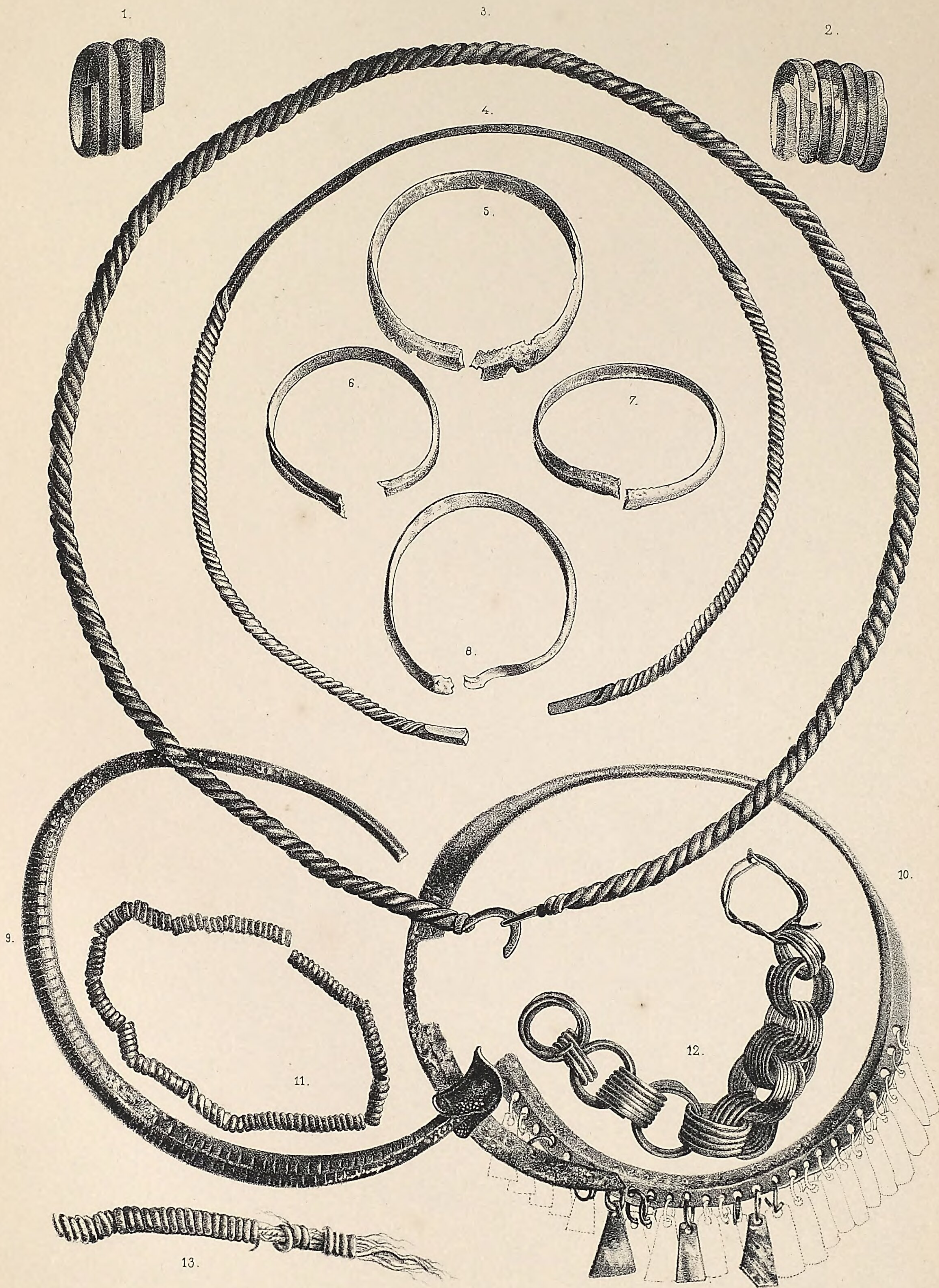

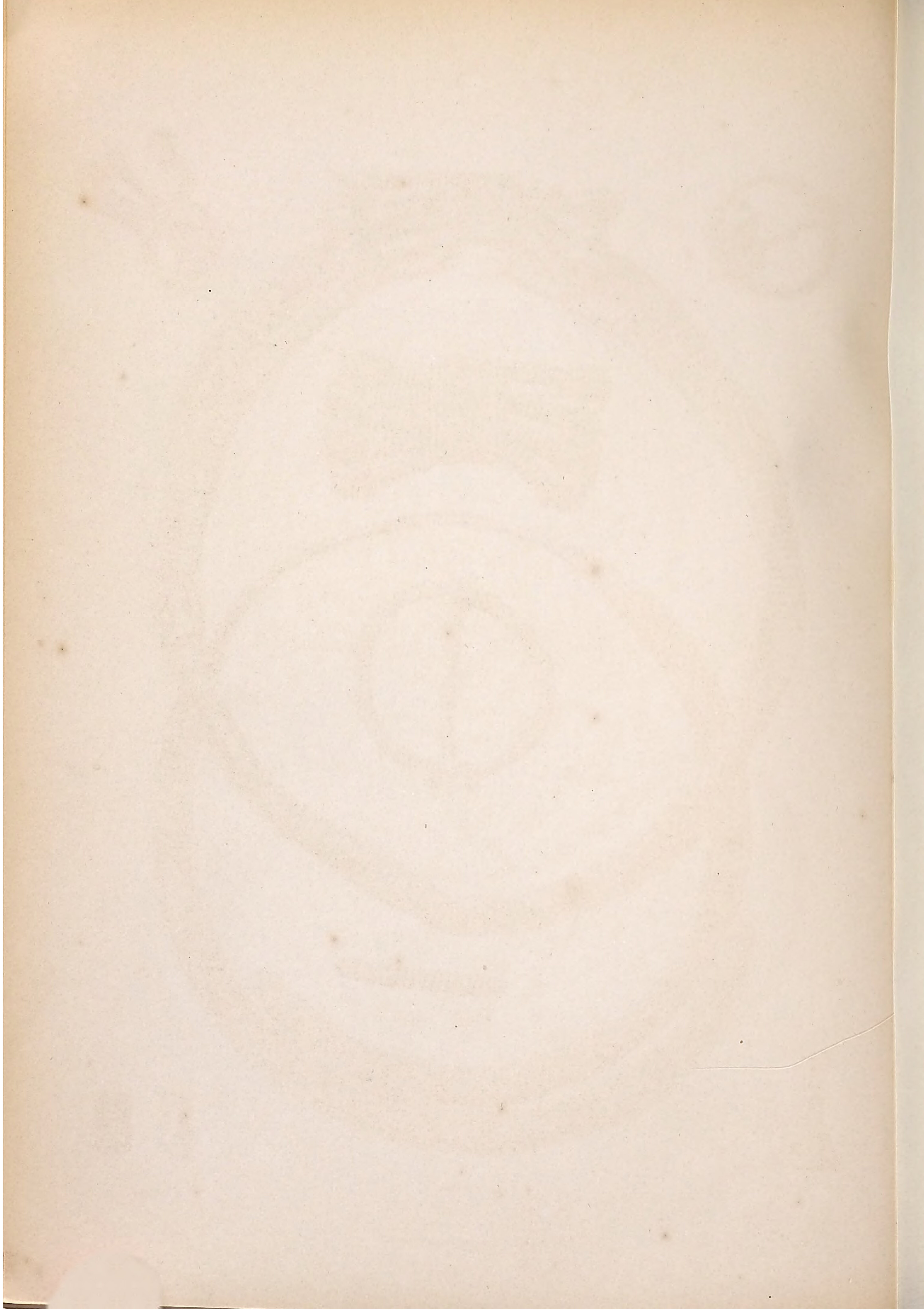
III.

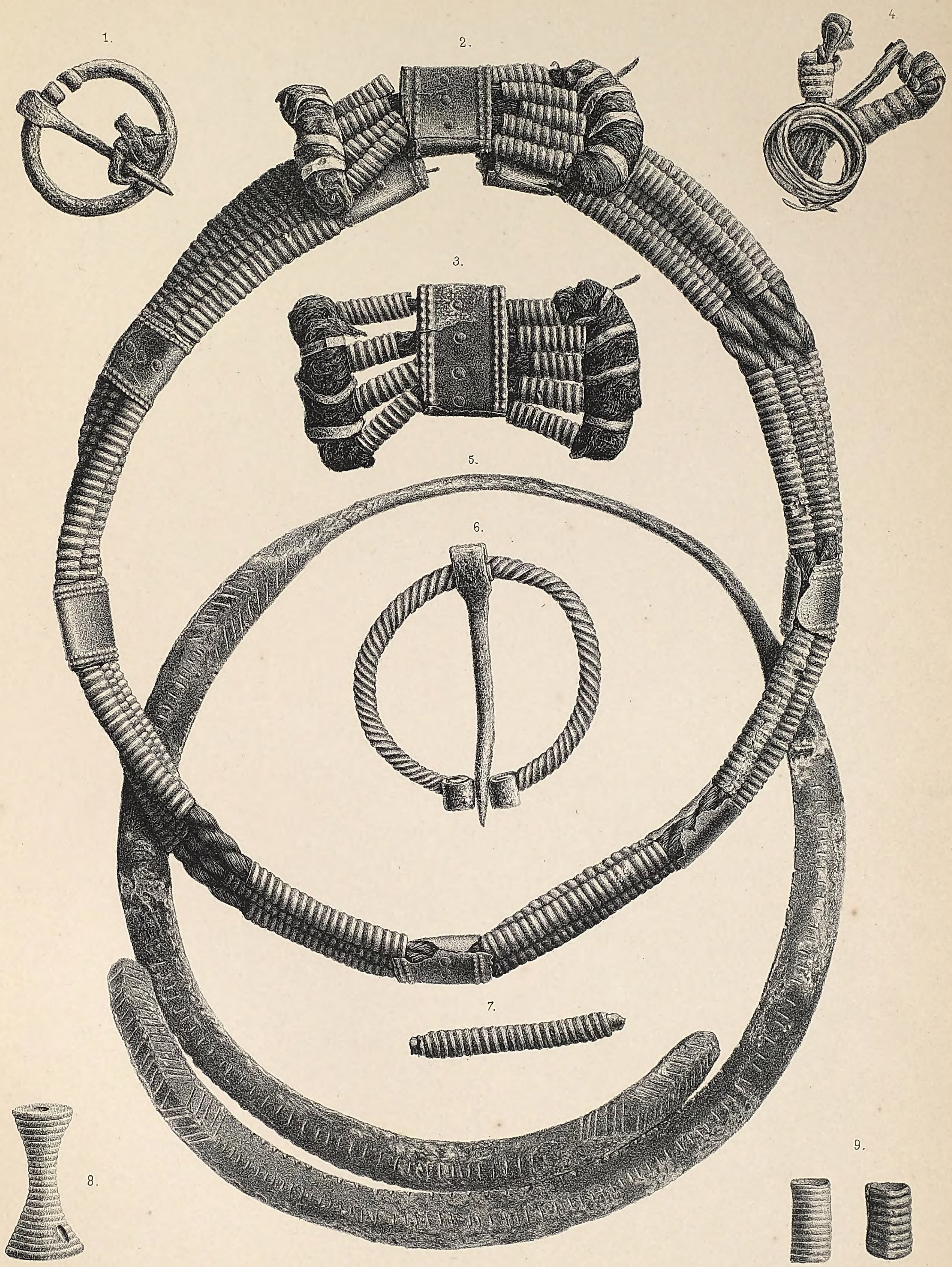

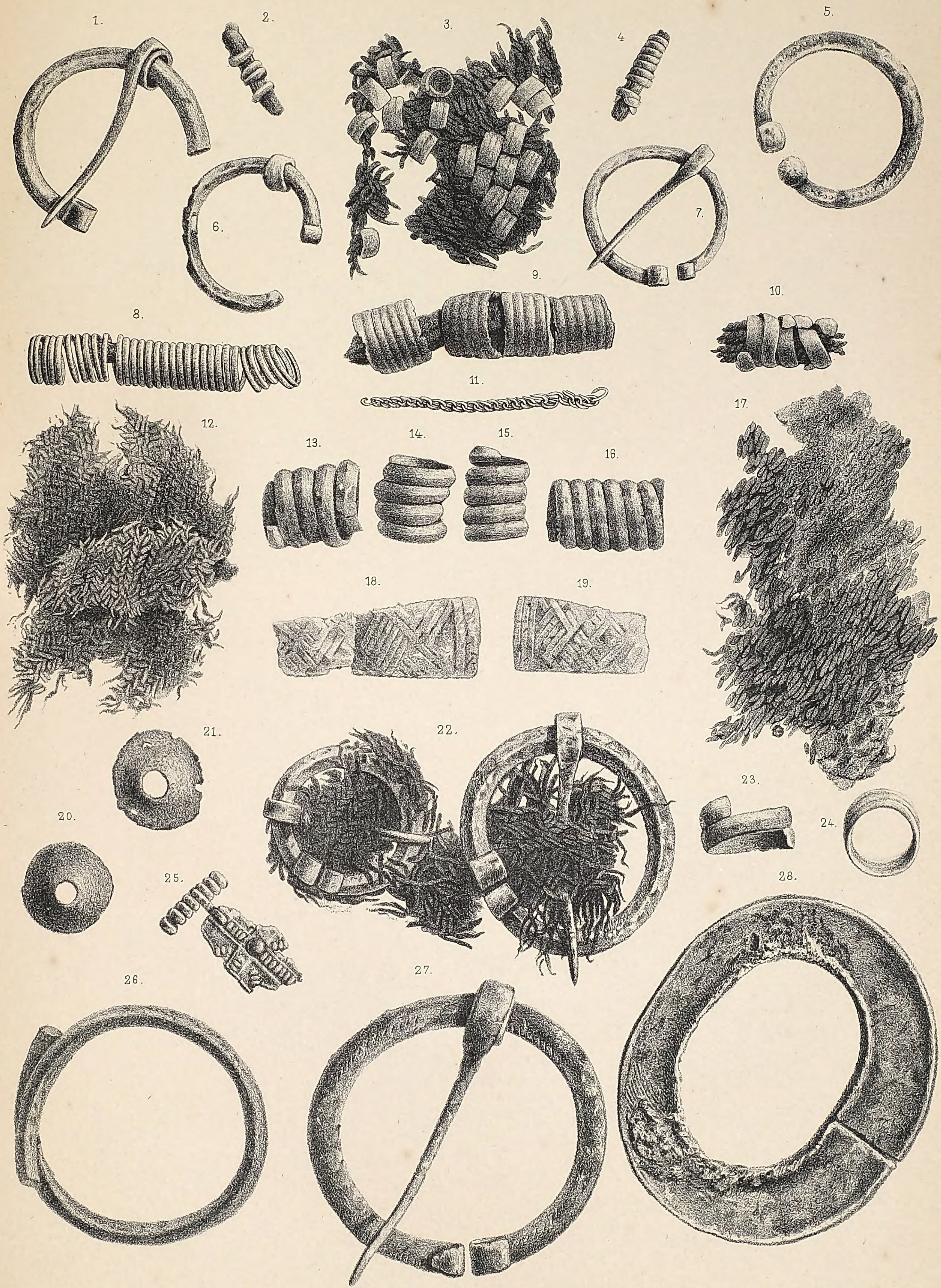

(½ натур. велич.)

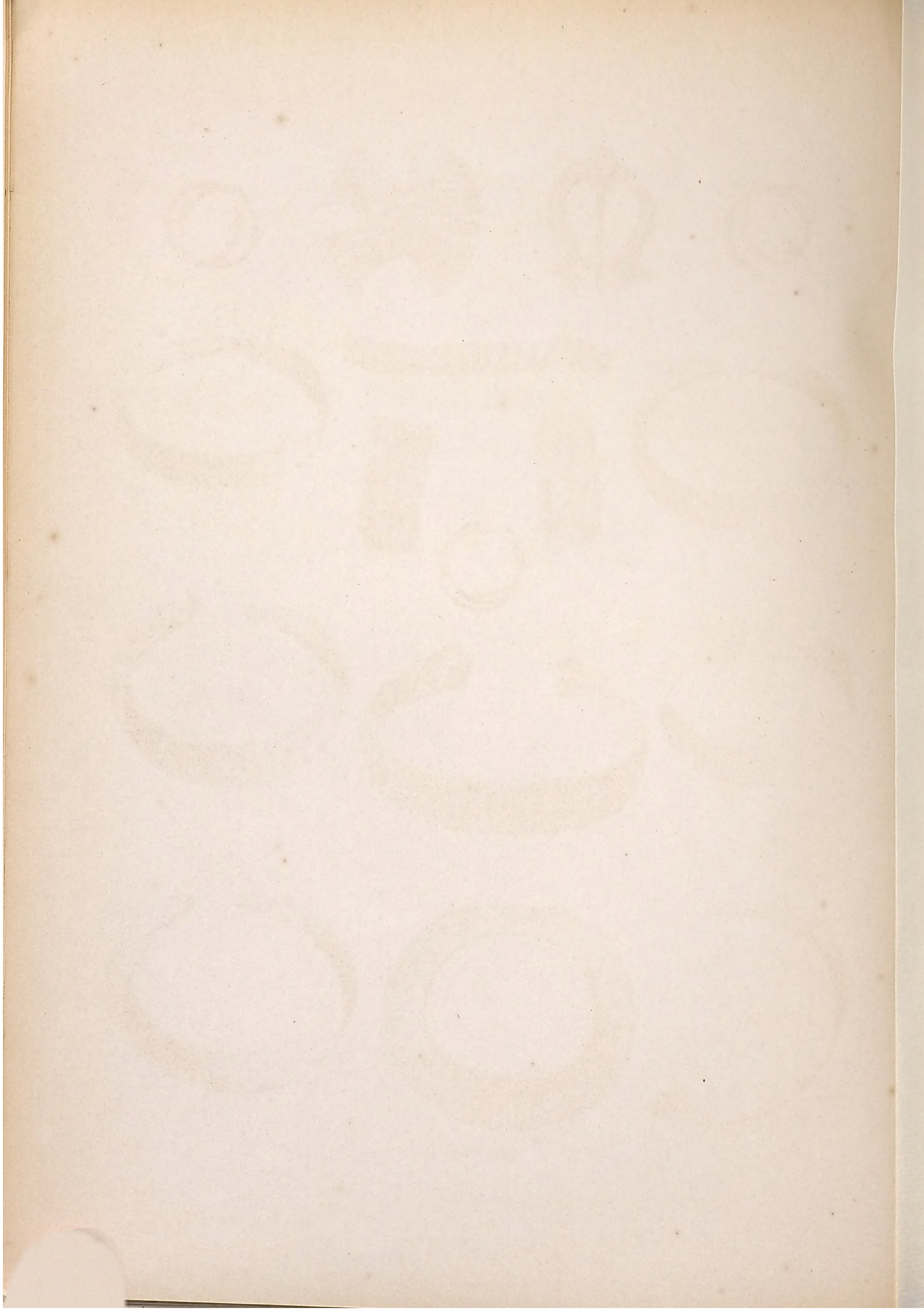

(натур. велич.)

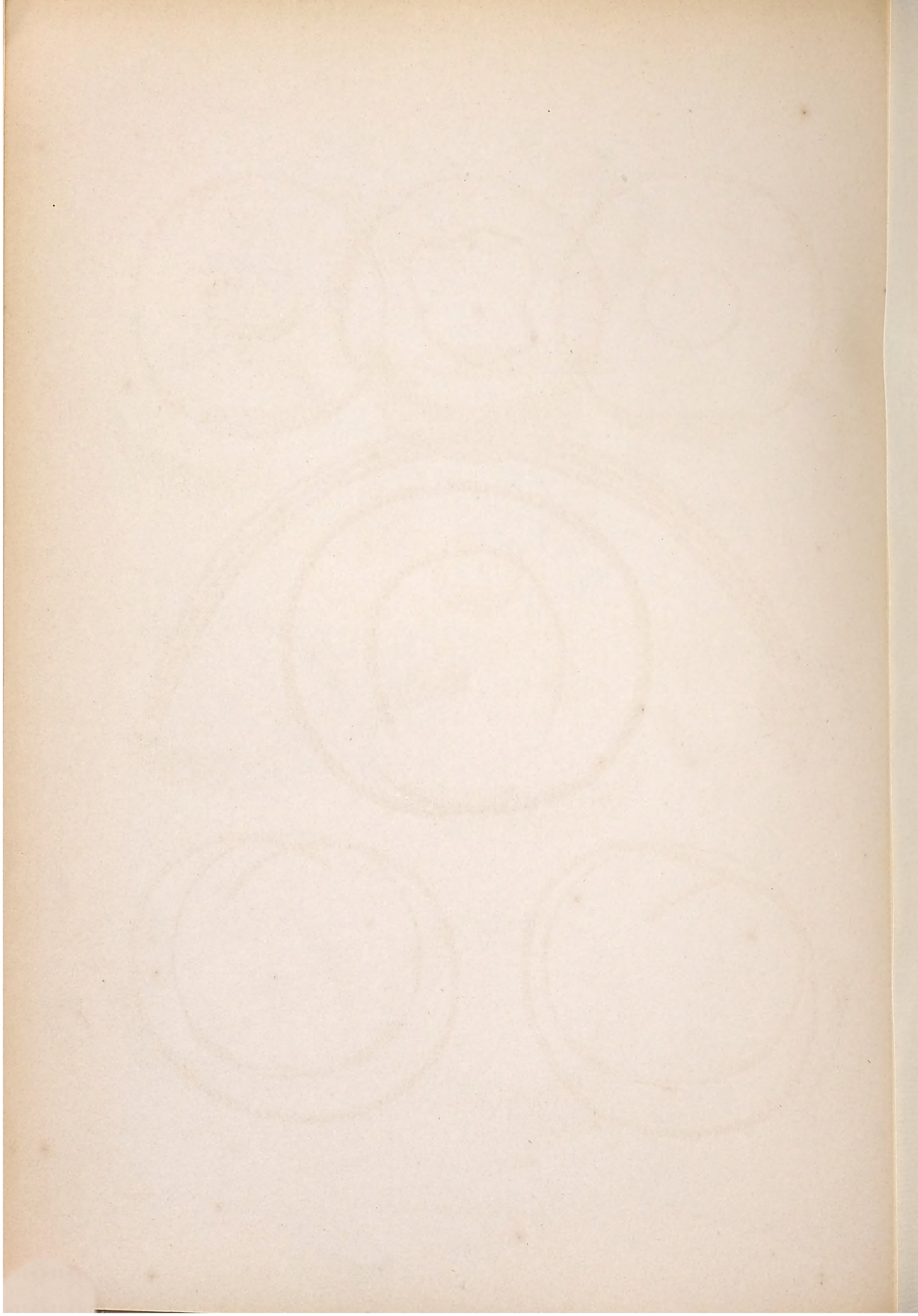
(натур. велич.)

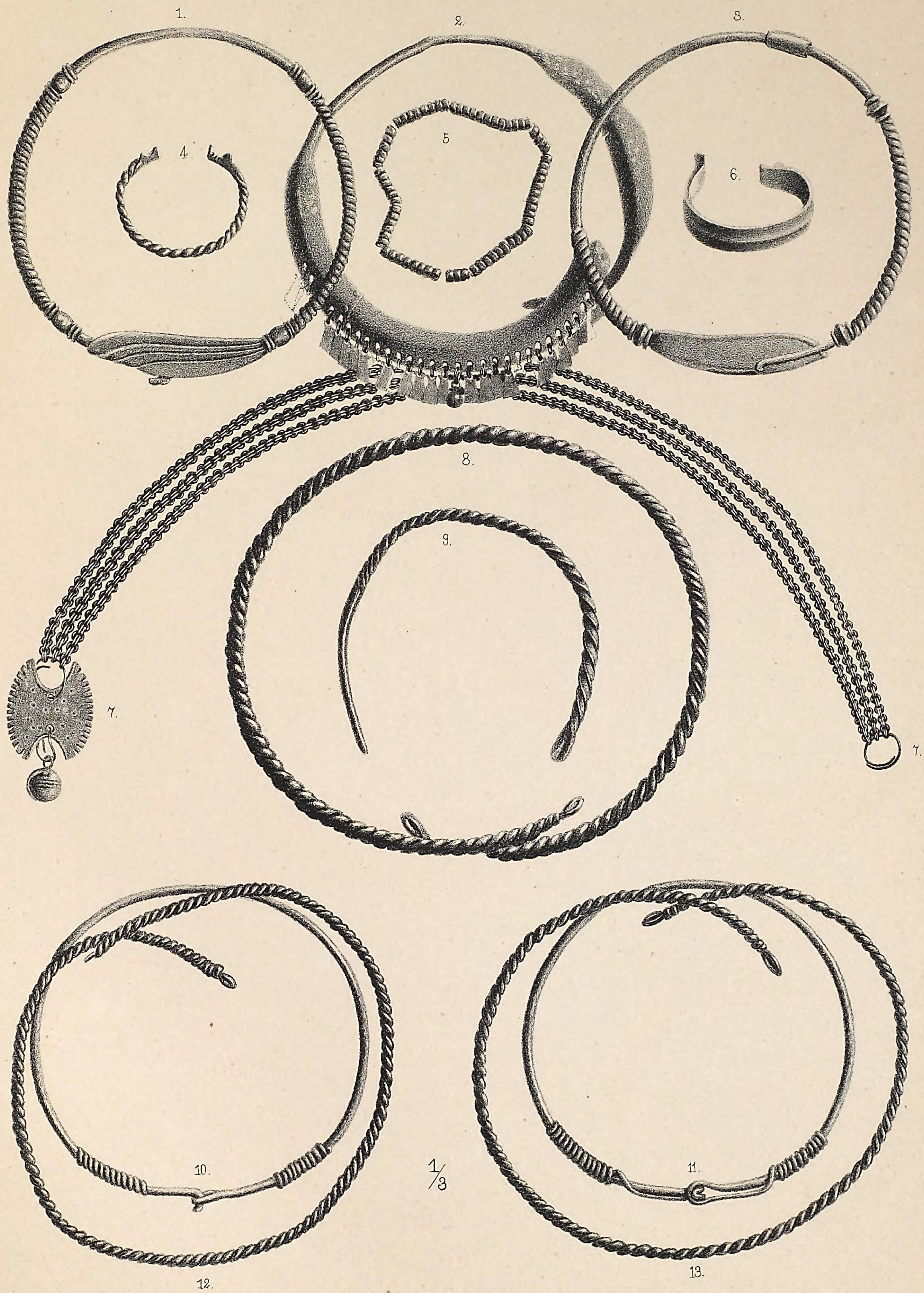

VII.

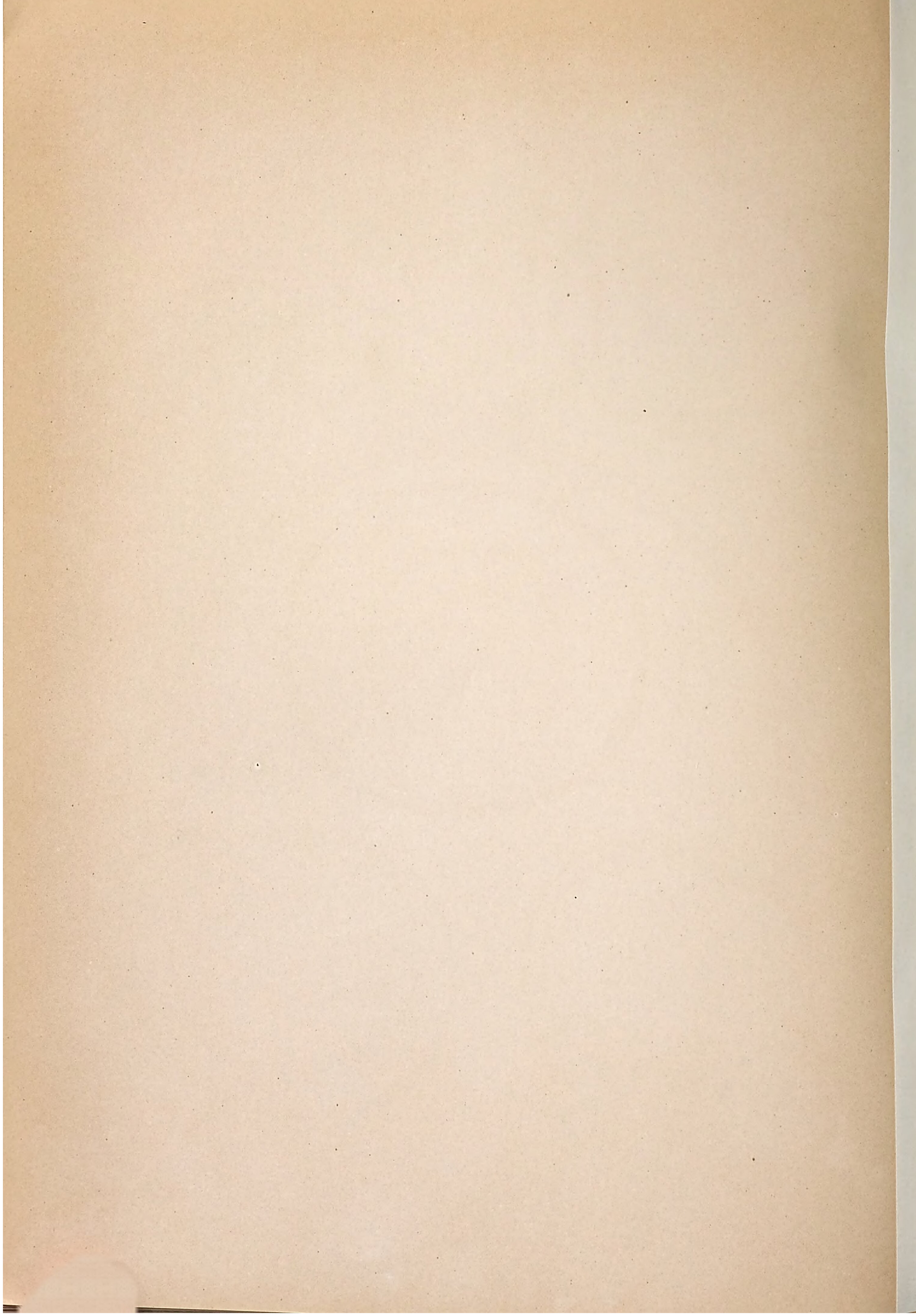

(натур. велич.)

(на гур велич)

ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

I. Отчеты за 1859 — 1881 годы.

- 1) Отчетъ за 1859 г. Спб. 1862. XVI + 156 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 2) Отчетъ за 1860 г. Спб. 1862. XVI + 110 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 3) Отчетъ за 1861 г. Спб. 1863. XII + 180 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 4) Отчетъ за 1862 г. Спб. 1863. XXII + 179 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 5) Отчетъ за 1863 г. Спб. 1864. XVIII + 288 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 6) Отчетъ за 1864 г. Спб. 1865. XXIV + 256 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 7) Отчетъ за 1865 г. Спб. 1866. XX + 233 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 8) Отчетъ за 1866 г. Спб. 1868. XXVI + 190 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 9) Отчетъ за 1867 г. Спб. 1868. XXXII + 224 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 10) Отчетъ за 1868 г. Спб. 1870. XXII + 180 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 11) Отчетъ за 1869 г. Спб. 1871. XXII + 256 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 12) Отчетъ за 1870 и 1871 гг. Спб. 1874. XLIV + 303 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 13) Отчетъ за 1872 г. Спб. 1875. XXVIII + 339 стр. 4^о, съ XVIII табл. рис. прилож. къ тексту и особымъ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 14) Отчетъ за 1873 г. Спб. 1876. XXXIV + 267 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 15) Отчетъ за 1874 г. Спб. 1877. XXIV + 236 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 7 табл. рис.
- 16) Отчетъ за 1875 г. Спб. 1878. XXXVI + 224 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 7 табл. рис.
- 17) Отчетъ за 1876 г. Спб. 1879. XL + 238 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 18) Отчетъ за 1877 г. Спб. 1880. XXVII + 296 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 19) Отчетъ за 1878 и 1879 гг. Спб. 1881. LXVIII + 186 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 7 табл. рис.
- 20) Отчетъ за 1880 г. Спб. 1882. XXIV + 144 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.
- 21) Отчетъ за 1881 г. Спб. 1883. XX + 151 стр. 4^о, съ атласомъ изъ 6 табл. рис.

Цѣна каждаго отчета съ атласомъ 10 руб., за исключеніемъ отчета за 1872 годъ, стоящаго 20 руб.

II. Матеріалы по археологіи Россіи.

- № 1. Древности Геродотовой Скиѣи. Вып. 1-ый. Спб. 1866. 28 + XVI стр. 4^о, съ атласомъ изъ 23 табл. рис. въ листъ. Цѣна 15 руб.
- № 2. Древности Геродотовой Скиѣи. Вып. 2-ой. Спб. 1873. 90 + CIX стр. 4^о, съ атласомъ изъ 23 табл. рис. въ листъ. Цѣна 20 руб.
- № 3. Сибирскія древности. Томъ I, вып. I. Спб. 1888. IV + 40 + 20 стр. 4^о, съ картою, 6 табл. рис. и 22 политип. Цѣна 2 руб.
- № 4. Древности Сѣверо-Западнаго края. Томъ I, вып. I. Спб. 1890. 60 стр. 4^о, съ картою, 7 табл. рис. и 28 политип. Цѣна 2 руб.

Всѣ эти изданія продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ **Е. М. Гаршина** (Греческ. просп. № 14) и **Эггерса** и **К^о** (Невск. просп. № 11).

Avenarius, Nikolaj Petrovič

Drogičin nadbužski i ego drevnosti

St. Peterburg 1890

2 Arch. 155 d-3/5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11453603-9